

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Princeton University Library

32101 064103458

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

ДНЕВНИКЪ САТАНЫ

Sidney Rheinstein

Class of 1907

**Fund for the Advancement
of Social Justice and
International Understanding**

ДНЕВНИКЪ САТАНЫ

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

L. Andreyev
")

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

ДНЕВНИКЪ САТАНЫ

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ 1921 г.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛОНЪ“

ЕСАР)

(Handwritten signature)

PG3452

.D6

1921

*Copyright 1921 by
A. B. Biblion O.Y.*

АКЦ. ОБЩ. ЭВЛУНДЪ и ПЕТТЕРССОНЪ.

1133(188) N30178

I

18 января 1914 г.

На борту «Атлантика».

Сегодня ровно десять дней, как Я вочеловѣчился и веду земную жизнь.

Мое одиночество очень велико. Я не нуждаюсь въ друзьяхъ, но Мнѣ надо говорить о себѣ, и Мнѣ не съ кѣмъ говорить. Однѣхъ мыслей недостаточно и онѣ не вполне ясны, отчетливы и точны, пока Я не выражу ихъ словомъ: ихъ надо выстроить въ рядъ, какъ солдатъ или телеграфные столбы, протянуть какъ желѣзнодорожный путь, перебросить мосты и вѣдуки, построить насыпи и закругленія, сдѣлать въ извѣстныхъ мѣстахъ остановки — и лишь тогда все становится ясно. Этотъ каторжный инженерный путь называется у нихъ, кажется, логикой и послѣдовательностью и обязательенъ для тѣхъ, кто хочетъ быть умнымъ; для всѣхъ остальныхъ онъ не обязательенъ и они могутъ блуждать, какъ имъ угодно.

Работа медленная, трудная и отвратительная для того, кто привыкъ единымъ... не знаю, какъ это назвать — единымъ дыханіемъ схватывать все и единымъ дыханіемъ все выражать. И не даромъ они такъ уважаютъ своихъ мыслителей, а эти несчастные мыслители, если они честны и не мошенничаютъ при постройкѣ, какъ обыкновенные инженеры, не напрасно попадаютъ въ сумасшедшій домъ. Я всего нѣсколько дней на землѣ, а ужъ не разъ предо мною мелькали его желтыя стѣны и привѣтливо раскрытая дверь.

Да, чрезвычайно трудно и раздражаетъ «червы» (тоже хорошенькая вещь!). Вотъ сейчасъ — для выраженія маленькой и обыкновенной мысли о недостаточности ихъ словъ и логики я принужденъ былъ испортить столько прекрасной паровой бумаги... а что же нужно, чтобы выразить большое и необыкновенное? Скажу заранѣе — чтобы ты не слишкомъ разѣваль твой любопытный ротъ, мой земной читатель! — что необыкновенное на языкѣ твоего ворчанія не выразимо. Если не вѣришь Мнѣ, сходи въ ближайшій сумасшедшій домъ и послушай тѣхъ: они всѣ познали что то и хотѣли выразить его... и ты слышишь, какъ шипятъ и вертятъ въ воздухѣ колесами эти свалившіеся паровозы, ты замѣчаешь, съ какимъ трудомъ они удерживаютъ на мѣстѣ разбѣгающіяся

черты своихъ изумленныхъ и пораженныхъ лицъ?

Вижу, какъ ты и сейчасъ уже готовъ закидать Меня вопросами, узнавъ, что Я — вочеловѣчившійся Сатана: вѣдь это такъ интересно! Откуда Я? Каковы порядки у насъ въ Аду? Существуетъ ли безсмертіе, а также каковы цѣны на каменный уголь на послѣдней адской биржѣ? Къ несчастью, мой дорогой читатель, при всемъ моемъ желаніи, если бы такое и существовало у Меня, Я не въ силахъ удовлетворить твое законное любопытство. Я могъ бы сочинить тебѣ одну изъ тѣхъ смѣшныхъ исторіекъ о рогатыхъ и волосатыхъ чертяхъ, которыя такъ любезны твоему скудному воображенію, но ты имѣешь ихъ уже достаточно и Я не хочу тебѣ лгать такъ грубо и такъ плоско. Я солгу тебѣ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ты ничего не ждешь, и это будетъ интереснѣе для насъ обоихъ.

А правду — какъ ее скажу, если даже мое И м я невыразимо на твоёмъ языкѣ? Сатаню назвалъ меня ты и Я принимаю эту кличку, какъ принялъ бы и всякую другую: пусть Я — Сатана. Но мое истинное имя звучитъ совсѣмъ иначе, совсѣмъ иначе! Оно звучитъ необыкновенно, и Я никакъ не могу втиснуть его въ твое узкое ухо, не разодравъ его вмѣстѣ съ твоими мозгами: пусть Я — Сатана, и только.

И ты самъ виноватъ въ этомъ, мой другъ: зачѣмъ въ твоемъ разумѣ такъ мало понятій? Твой разумъ, какъ нищенская сума, въ которой только куски черстваго хлѣба, а здѣсь нужно больше, чѣмъ хлѣбъ. Ты имѣешь только два понятія о существованіи: жизнь и смерть — какъ же Я объясню тебѣ третье? Все существованіе твое является чепухой только изъ за того, что ты не имѣешь этого третьяго, и гдѣ же Я возьму его? Нынѣ Я человекъ, какъ и ты, въ моей головѣ твои мозги, въ моемъ рту мѣшкотно толкутся и колются углами твои кубическія слова, и Я не могу разказать тебѣ о Необыкновенномъ.

Если Я скажу, что чертей нѣтъ, Я обману тебя. Но если Я скажу, что они есть, — Я также обману тебя... видишь, какъ это трудно, какая это бессмыслица, мой другъ! Но даже о моемъ вочеловѣченіи, съ котораго десять дней назадъ началась моя земная жизнь, Я могу разказать тебѣ очень мало понятнаго. Прежде всего, забудь о твоихъ любимыхъ волосатыхъ, рогатыхъ и крылатыхъ чертяхъ, которые дышутъ огнемъ, превращаютъ въ золото глиняные осколки, а старцевъ — въ обольстительныхъ юношей и, сдѣлавъ все это и наболтавъ много пустяковъ, мгновенно проваливаются сквозь сцену, — и запомни: когда мы хотимъ придти на твою землю, мы должны вочеловѣчиться. Почему это такъ,

ты узнаешь послѣ смерти, а пока запомни: Я сейчасъ человѣкъ, какъ и ты, отъ Меня пахнетъ не вонючимъ козломъ, а недурными духами, и ты спокойно можешь пожать мою руку, нисколько не боясь оцарапаться о когти: Я ихъ также стригу, какъ и ты.

Но какъ это случилось? Очень. . . . престо. Когда Я захотѣлъ придти на землю, Я нашелъ одного подходящаго, какъ помѣщеніе, тридцати восьмилѣтняго американца, мистера Генри Вандергуда, миллиардера, и убилъ его. . . . конечно, ночью и безъ свидѣтелей. Но притянуть Меня къ суду, не смотря на мое сознаніе, ты все-таки не можешь, такъ какъ американецъ ж и в ъ, и мы оба въ одномъ почтительномъ поклонѣ привѣтствуемъ тебя: Я и Вандергудъ. Онъ просто сдалъ мнѣ пустое помѣщеніе, понимаешь — да и то не все, чертъ его побери! И вернуться о б р а т н о Я могу, къ сожалѣнію, лишь той дверью, которая и тебя ведетъ къ свободѣ: черезъ смерть.

■ Вотъ главное. Но въ дальнѣйшемъ и ты можешь кое-что понять, хотя говорить о такихъ вещахъ твоими словами — все едино, что пытаться засунуть гору въ жилетный карманъ или наперсткомъ вычерпать Ниагару! Вообрази, что ты, дорогой мой царь природы, пожелалъ стать ближе къ муравьямъ и силою чуда или волшебства сдѣлался муравьемъ, настоящимъ крохотнымъ муравь-

емъ, таскающимъ яйца — и тогда ты немного почувствуешь ту пропасть, что отдѣляетъ Меня бывшаго отъ настоящаго. . . нѣтъ, еще хуже! Ты былъ звукомъ, а сталъ нотнымъ значкомъ на бумагѣ. . . нѣтъ, еще хуже еще хуже, и никакія сравненія не разскажутъ тебѣ о той страшной пропасти, дна которой Я еще самъ не вижу. Или у нея совсѣмъ нѣтъ дна?

Подумай: Я двое сутокъ, по выходѣ изъ Нью-Йорка, страдалъ морской болѣзнью! Это смѣшно для тебя, привыкшаго валяться въ собственныхъ нечистотахъ? Ну, а Я — Я тоже валялся, но это не было смѣшно нисколько. Я только разъ улыбнулся, когда подумалъ, что это не Я, а Вандергудъ, и сказалъ:

— Качай, Вандергудъ, качай!

. . . . Есть еще одинъ вопросъ, на который ты ждешь отвѣта: зачѣмъ Я пришелъ на землю и рѣшился на такой невыгодный обмѣнъ: изъ Сатаны, «всемогущаго, безсмертнаго, повелителя и властелина» превратился въ. . . тебя? Я усталъ искать слова, которыхъ нѣтъ, и я отвѣчу тебѣ по англійски, французски, итальянски и нѣмецки, на языкахъ, которые мы оба съ тобою хорошо понимаемъ: мнѣ стало скучно. . . въ Аду, и Я пришелъ на землю, чтобы лгать и играть.

Что такое скука, тебѣ извѣстно. Что такое ложь, ты хорошо знаешь, и объ и грѣ

ты можешь нѣсколько судить по твоимъ театрамъ и знаменитымъ актерамъ. Можетъ быть, ты и самъ играешь какую нибудь маленькую вещичку въ парламентѣ, дома или въ церкви? — тогда ты кое что поймешь и въ чувствѣ наслажденія игрою. Если же ты, вдобавокъ, знаешь таблицу умноженія, то помножь этотъ восторгъ и наслажденіе игры на любую многозначную цифру, и тогда получится мое наслажденіе, моя игра. Нѣтъ, еще больше! Вообрази, что ты океанская волна, котсрая вѣчно играетъ и живетъ только въ игрѣ — вотъ эта, которую сейчасъ я вижу за стекломъ и которая хочетъ поднять нашъ «Атлантикъ». . . впрочемъ, я опять ищу словъ и сравненій!

Просто, Я хочу играть. Въ настоящую минуту Я еще невѣдомый артистъ, скромный дебютантъ, но надѣюсь стать знаменитымъ не менѣе твоего Гаррика или Ольриджа — когда сыграю, что хочу. Я гордъ, самолюбивъ и даже, пожалуй тщеславенъ. . . ты вѣдь знаешь, что такое тщеславіе, когда хочется похвалы и аплодисментовъ, хотя бы дурака? Далѣе, Я дерзко думаю, что Я геніаленъ — Сатана извѣстенъ своею дерзостью — и вотъ вообрази, что мнѣ надоѣлъ Адъ, гдѣ всѣ эти волосатые и рогатые мошенники играютъ и лгутъ почти не хуже, чѣмъ Я, и что Мнѣ недостаточно адскихъ лавровъ, въ

которыхъ Я проникательно усматриваю не мало низкой лести и простого тупоумія. О тебѣ же, мой земной другъ, я слыхалъ, что ты уменъ, довольно честенъ, въ мѣру недовѣрчивъ, чутокъ къ вопросамъ вѣчнаго искусства и настолько скверно играешь и лжешь самъ, что способенъ высоко оцѣнить чужую игру: вѣдь не проста у тебя столько Великихъ! Вотъ Я и пришелъ. . . понятно?

Моиими подмостками будетъ земля, а ближайшей сценою Римъ, куда я ѣду, этотъ «вѣчный» городъ, какъ его здѣсь называютъ съ глубокимъ пониманіемъ вѣчности и другихъ простыхъ вещей. Труппы опредѣленной Я еще не имѣю (не хочешь ли и ты вступить въ нее?) но вѣрю, что Судьба или Случай, которому Я отнынѣ подчиненъ, какъ и все ваше земное, оцѣнитъ мои безкорыстныя намѣренія и пошлетъ навстрѣчу достойныхъ партнеровъ . . . старая Европа такъ богата талантами! Вѣрю, что и зрителей въ этой Европѣ найду достаточно чуткихъ, чтобы стоило передъ ними красить рожу и мягкія адскія туфли замѣнять тяжелыми котурнами. Признаться, раньше Я подумывалъ о востокѣ, гдѣ уже не безъ успѣха подвизались когда то нѣкоторые мои . . . соотечественники, но Востокъ слишкомъ довѣрчивъ и склоненъ къ балету, какъ и яду, его боги безобразны, онъ еще слишкомъ воляетъ полосатымъ звѣремъ, его тѣма и огни

варварски грубы и слишкомъ ярки, чтобы такому тонкому артисту, какъ Я, стоило идти въ этотъ тѣсный и вонючій балаганъ. Ахъ, мой другъ, Я вѣдь такъ тщеславенъ, что и этотъ Дневникъ начинаю не безъ тайнаго намѣренія восхитить тебя... даже моимъ убожествомъ въ качествѣ Искателя словъ и сравненій. Надѣюсь, что ты не воспользуешься моею откровенностью и не перестанешь мнѣ вѣрить?

Есть еще вопросы? О самой пьесѣ я самъ толкомъ не знаю, ее сочинить тотъ же импресарио, что привлечетъ и актеровъ — Судьба, а моя скромная роль для начала: человѣкъ, который такъ полюбилъ другихъ людей, что хочетъ отдать имъ все, душу и деньги. Ты не забудь, конечно, что Я миллиардеръ? — у Меня три миллиарда. Достаточно, не правда ли, для одного эффектнаго представленія? Теперь еще одна подробность, чтобы закончить эту страницу.

Со мною ѣдетъ и раздѣлитъ мою судьбу нѣкто Эрвинъ Топпи, мой секретарь, личность весьма почтенная въ своемъ черномъ сюртукѣ и цилиндрѣ, съ своимъ отвислымъ носомъ, похожимъ на незрѣлую грушу, и бритымъ пасторскимъ лицомъ. Не удивлюсь, если въ карманѣ у него найду походный молитвенникъ. Мой Топпи явился на землю оттуда, т. е. изъ Ада и тѣмъ же способомъ, какъ и Я: онъ

таюже вочеловѣчился и, кажется, довольно удачно — бездѣльникъ совершенно нечувствителенъ къ качкѣ. Впрочемъ, даже для морской болѣзни нуженъ нѣкоторый умъ, а мой Топпи глупъ непроходимо — даже для земли. Кромѣ того, онъ грубъ и даетъ совѣты. Я уже нѣсколько раскаиваюсь, что изъ богатого на шего запаса не выбралъ для себя скотины получше, но Меня соблазнила его честность и нѣкоторое знакомство съ землею: какъ то пріятнѣе было пускаться въ эту прогулку съ бывалымъ товарищемъ. Когда то — давно — онъ уже принималъ человѣческій образъ и настолько проникся религіозными идеями, что, подумай! вступилъ въ монастырь братьевъ францисканцевъ, прожилъ тамъ до сѣдой старости и мирно скончался подъ именемъ брата Винцента. Его прахъ сталъ предметомъ поклоненія для вѣрующихъ — недурная карьера для глупаго Чорта! — а самъ онъ снова со Мною и уже нюхаетъ, гдѣ пахнетъ ладаномъ, неискоренимая привычка! Ты его навѣрное полюбишь.

А теперь довольно. Пойди вонъ, мой другъ. Я хочу быть одинъ. Меня раздражаетъ твое плоское отраженіе, которое я вызвалъ на этой стѣнѣ, и Я хочу быть одинъ, или только хоть съ этимъ Вандергудомъ, который отдалъ Мнѣ свое помѣщеніе и въ чемъ то мошеннически надулъ Меня. Море спокойно, Меня

уже не тошнить, какъ въ эти проклятыя дни, но Я чего то боюсь. Я — боюсь! Кажется, Меня пугаетъ эта темнота, которую они называютъ ночью и которая ложится надъ океаномъ: здѣсь еще свѣтло отъ лампочекъ, но за тонкимъ бортомъ лежитъ ужасная тьма, гдѣ совсѣмъ безсильны мои глаза. Они и такъ ничего не стоятъ, эти глупѣйшія зеркала, умѣющія только отражать, но въ темнотѣ они теряютъ и эту жалкую способность. Конечно, Я привыкну и къ темнотѣ, Я уже ко многому привыкъ, но сейчасъ Мнѣ нехорошо и страшно подумать, что только поворотъ ключа — и Меня охватитъ эта слѣпая, вѣчно готовая тьма. Откуда она?

И какіе они храбрые съ своими тусклыми зеркальцами: ничего не видятъ и говорятъ просто: здѣсь темно, надо зажечь свѣтъ! Потомъ сами тушатъ и засыпаютъ. Я съ нѣкоторымъ удивленіемъ, правда холдноватымъ, разсматриваю этихъ храбрецовъ и... восхищаюсь. Или для страха нуженъ слишкомъ большой умъ, какъ у Меня? Вѣдь это не ты же такой трусь, Вандергудъ, ты всегда слылъ человѣкомъ закаленнымъ и бывалымъ!

Одной минуты въ моемъ вочеловѣченіи Я не могу вспомнить безъ ужаса: когда Я впервые услыхалъ бѣненіе моего сердца. Этотъ отчетливый, громкій, отсчитывающій звукъ, столько же говорящій о смерти сколько и о

жизни, поразилъ меня неиспытаннымъ страхомъ и волненіемъ. Они всюду суютъ счетчики, но какъ могутъ они носить въ своей груди э т о т ь счетчикъ, съ быстротою фокусника спроваживающій секунды жизни?

Въ первое мгновеніе Я хотѣлъ закричать и немедленно ринуться внизъ, пока еще не привыкъ къ жизни, но взглянулъ на Топпи: этотъ новорожденный дуракъ спокойно рукавомъ скюртука чиститъ свой цилиндръ, Я захохоталъ и крикнулъ:

— Топпи! Щетку!

И мы чистились оба, а счетчикъ въ моей груди считалъ, сколько секундъ это продолжалось, и, кажется, прибавилъ. Потомъ, впоследствии, слушая его назойливое тиканье, Я сталъ думать: «не успѣю!» Что не успѣю? Я самъ этого не зналъ, но цѣлыхъ два дня бѣшено торопился пить, ѣсть, даже спать: вѣдь счетчикъ не дремлетъ, пока Я лежу неподвижной тушей и сплю!

Сейчасъ Я уже не тороплюсь. Я знаю, что Я успѣю и мои секунды кажутся мнѣ неистощимыми, но мой счетчикъ чѣмъ то взволнованъ и стучитъ, какъ пьяный солдатъ въ барабанъ. А какъ — эти маленькія секунды, которыя онъ сейчасъ выбрасываетъ — онѣ считаются равными большимъ? Тогда это мошенничество. Я протестую, какъ честный

гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ и коммерсантъ!

Мнѣ нехорошо. Сейчасъ Я не оттолкнулъ бы и друга, вѣроятно, это хорошая вещь, друзья. Ахъ! Но во всей вселенной Я одинъ!

7 февраля 1914 г.

Римъ, Отель »Интернациональ».

Я каждый разъ бѣшусь, когда мнѣ приходится брать палку полицейскаго и водворять порядокъ въ моей головѣ: факты направо! мысли налево! настроенія назадъ! — дорогу его величеству Сознанію, которое еле ковыляетъ на своихъ костыляхъ. Но нельзя — иначе бунтъ, шумъ, неразбериха и хаосъ. Итакъ — къ порядку, джентельмены-факты и леди-мысли! Я начинаю.

Ночь. Темнота. Воздухъ вѣжливъ и тепелъ и чѣмъ то пахнетъ. Топки внюхивается съ наслажденіемъ, гсворя, что это — Италія. Нашъ стремительный поѣздъ подходитъ уже къ Риму, мы блаженствуемъ на мягкихъ диванахъ, когда крахъ! — и все летитъ къ черту: поѣздъ сошелъ съ ума и сновырнулся. Сознаюсь безъ стыда — я не храбрець! — что Мною овладѣлъ ужасъ и почти безпамятство. Электричество погасло, и когда Я съ трудомъ вылѣзъ изъ какого то темнаго угла, куда Меня

сбросило, Я совершенно забылъ, гдѣ выхождь. Всюду стѣны, углы, что то колется, бьется и молча лѣзеть на Меня. И все въ темнотѣ! Вдругъ подь ногами трупъ, Я наступилъ прямо на лицо; уже потомъ Я узналъ, что это былъ мой лакей Джорджъ, убитый наповаль. Я закричалъ, и здѣсь мой неуязвимый Топпи выручилъ Меня: схватилъ Меня за руку и повлекъ къ открытому окну такъ какъ оба выхода были разбиты и загромождены обломками. Я выпрыгнулъ на земь, но Топпи что то застрялъ тамъ; мои колѣна дрожали, дыханіе выходило со стономъ, но онъ все не показывался, и Я сталъ кричать.

Вдругъ онъ высунулся изъ окна:

— Чего вы кричите? Я ищу наши шляпы и вашъ портфель.

И дѣйствительно: скоро онъ подалъ мнѣ шляпу, а потомъ выгѣзъ и самъ — въ цилиндрѣ и съ портфелемъ. Я захохоталъ и крикнулъ:

— Человѣкъ! Ты забылъ зонтикъ!

Но этотъ старый шутъ не понималъ юмора, и серьезно отвѣтилъ:

— Я же не ношу зонтика. А вы знаете: нашъ Джорджъ убитъ и поваръ тоже.

Такъ эта падалъ, которая не чувствуетъ, какъ ступаютъ по его лицу — нашъ Джорджъ! Мною снова овладѣлъ страхъ и вдругъ Я услышалъ стоны, дикіе вопли, визгъ и крики, всѣ голоса, какими вопить храбрець, когда

онъ раздавленъ: раньше Я былъ, какъ глухой, и ничего не слышалъ. Загорѣлись вагоны, появился огонь и дымъ, сильнѣе закричали раненые и, не ожидая, пока жаркое поспѣетъ, Я въ безпамятствѣ бросился бѣжать въ поле. Это была скачка!

Къ счастью, пологіе холмы римской Кампаньи очень удобны для такого спорта, а Я оказался бѣгуномъ не изъ послѣднихъ. Когда Я, задохнувшись, повался на какой то бугорокъ, уже не было ничего ни видно, ни слышно, и только далеко позади топалъ отставшій Топпи. Но что это за ужасная вещь, сердце! Оно такъ лѣзло мнѣ въ ротъ, что я могъ бы выплюнуть его. Корчась отъ удушья, Я прильнулъ лицомъ къ самой землѣ — она была прохладная, твердая, и спокойная, и здѣсь она понравилась Мнѣ и какъ будто она вернула Мнѣ дыханіе и вернула сердце на его мѣсто, мнѣ стало легче. И звѣзды въ вышинѣ были спокойны. . . но чего имъ беспокоиться? Это ихъ не касается. Онѣ свѣтятъ и празднуютъ, это ихъ вѣчный балъ. И на этомъ свѣтлѣйшемъ балу Земля, одѣтая мракомъ, показалась Мнѣ очаровательной незнакомкой въ черной маскѣ. (Нахожу, что это выражено недурно, и ты, мой читатель, долженъ быть доволенъ: мой стиль и манеры совершенствуются!)

Я поцѣловалъ Топпи въ темя — Я цѣлую въ темя тѣхъ, кого люблю — и сказалъ:

— Ты очень хорошо вочеловѣчился, Топпи. Я тебя уважаю. Но что мы будемъ дѣлать дальше? Это зарево огней — Римъ? Далеко!

— Да, Римъ — подтвердилъ Топпи и поднялъ руку: вы слышите — свистять!

Оттуда неслись протяжные и стонущіе свистки паровозовъ; они были тревожны.

— Свистять — сказалъ Я и засмѣялся.

— Свистять! — повторилъ Топпи, ухмыляясь — онъ не умѣетъ смѣяться.

Но мнѣ снова стало нехорошо. Ознобъ, странная тоска и дрожь въ самомъ основаніи языка. Меня мучила эта падаль, которую Я давилъ ногами и Мнѣ хотѣлось встряхнуться, какъ собакѣ послѣ купанья. Пойми: вѣдь это былъ первый разъ, когда Я видѣлъ и ощущалъ твой трупъ, мой дорогой читатель, и онъ мнѣ не понравился, извини. Почему онъ не возражалъ, когда Я ногой попиралъ его лицо? У Джоржа было молодое, красивое лицо, и онъ держался съ достоинствомъ. Подумай, что и въ твое лицо вдавится тяжелая нога — и ты будешь молчать?

Къ порядку! Въ Римъ мы не пошли, а оправились искать ночлега у добрыхъ людей поближе. Долго шли. Устали. Хотѣлось пить — ахъ, какъ хотѣлось пить! А теперъ — позволь тебѣ представить моего новаго друга, синьора Фому Магнуса и его прекрасную дочь Марію.

Въ началѣ это было слабо мерцающимъ огонькомъ, который «зоветъ усталого путника». Вблизи это было маленькимъ уединеннымъ домикомъ, еле сквозившимъ бѣлыми стѣнами сквозь чашу высокихъ черныхъ кипарисовъ и еще чего то. Только въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ, остальные закрыты ставнями. Каменная ограда, желѣзная рѣшетка, крѣпкія двери. И — молчаніе. На первый взглядъ это было подозрительное что то. Стучалъ Топпи — молчаніе. Долго стучалъ Я — молчаніе. И наконецъ суровый голосъ изъ за желѣзной двери спросилъ:

— Кто вы? Что надо?

Еле ворочая высохшимъ языкомъ, мой храбрый Топпи рассказалъ о катастрофѣ и нашемъ бѣгствѣ, онъ говорилъ долго — и тогда лязгнувъ желѣзный замокъ и дверь открылась. Слѣдуя за суровымъ и молчаливымъ незнакомцемъ, мы вошли въ домъ, прошли нѣсколько темныхъ и безмолвныхъ комнатъ, поднялись по скрипящей лѣстницѣ и вошли въ освѣщенное помѣщеніе видимо, рабочую комнату незнакомца. Свѣтло, много книгъ и одна, раскрытая, лежитъ на столѣ подъ низкой лампой съ зеленымъ простымъ колпакомъ. Ея свѣтъ мы замѣтили въ полѣ. Но Меня поразило безмолвіе дома: не смотря на довольно ранній часъ не слышно было ни шороха, ни голоса, ни звука.

— Садитесь.

Мы съѣли и Топпи, изнемогая, снова начать свою повѣсть, но странный хозяинъ равнодушно перебилъ его:

— Да, катастрофа. Это часто бываетъ на нашихъ дорогахъ. Много жертвъ?

Топпизалопоталъ, а хозяинъ, полуслушая его, вынулъ изъ кармана револьверъ и спряталъ въ столъ, небрежно пояснивъ:

— Здѣсь не совсѣмъ спокойная окраина. Что жъ, милости просимъ, оставайтесь у меня.

Онъ впервые поднѣлъ свои темные, почти безъ блеска, большіе и мрачные глаза и внимательно, какъ диковинку въ музеѣ съ ногъ до головы осмотрѣлъ Меня и Топпи. Это былъ наглый и неприличный взглядъ и Я поднялся съ мѣста:

— Боюсь, что мы здѣсь лишніе, синьоръ, и . . .

Но онъ неторопливымъ и слегка насмѣшливымъ жестомъ остановилъ Меня.

— Пустое. Оставайтесь. Сейчасъ я дамъ вамъ вина и кое что поѣсть. Прислуга приходитъ ко мнѣ только днемъ, такъ что я самъ буду вамъ прислуживать. Умойтесь и освѣжитесь, за этой дверью ванна, пока я достану вино. Вообще, не стѣсняйтесь.

Пока мы пили и ѣли — правда, съ жадностью — этотъ непривѣтливый господинъ читалъ свою книгу съ такимъ видомъ, словно никого не было въ комнатѣ и будто это не Топпи

чавкалъ, а собака возилась надъ костью. Здѣсь Я хорошо разсмотрѣлъ его. Высокій, почти моего роста и склада, лицо блѣдное и какъ будто утомленное, черная смоляная, бандитская борода. Но лобъ большой и умный и носъ... какъ это назвать? — вотъ Я снова ищу сравненій! — носъ, какъ цѣлая книга о большой, страстной, необыкновенной, притаившейся жизни. Красивый, и сдѣланный тончайшимъ рѣзцомъ не изъ мяса и хрящей, а... какъ это сказать? — изъ мыслей и какихъ то дерзкихъ желаній. Видимо — тоже храбрець! Но особенно удивили Меня его руки: очень большія, очень бѣлыя и спокойныя. Почему удивили, Я не знаю, но вдругъ Я подумалъ: какъ хорошо, что не плавники! какъ хорошо, что не щупальцы! какъ хорошо и удивительно, что ровно десять пальцевъ; ровно десять тонкихъ, злыхъ, умныхъ мошенниковъ!

Я вѣжливо сказалъ:

— Благодарю васъ, синьоръ...

— Меня зовутъ Магнусъ. Фома Магнусъ. Выпейте еще вина. Американцы?

Я ждалъ, чтобы Топпи по англійскому обычаю представилъ Меня и смотрѣлъ на Магнуса. Нужно было быть безграмотной скотиной, и не читать ни одной англійской, французской или итальянской газеты, чтобы не знать, кто Я.

— Мистеръ Генри Вандергудъ изъ Иллинойса. Его секретарь, Эрвинъ Топпи, вашъ покорнѣйшій слуга. Да, граждане Соединенныхъ Штатовъ.

Старый шутъ выговорилъ свою тираду не безъ гордости и Магнусъ — да, онъ слегка вздрогнулъ. Милліарды, мой другъ, милліарды! Онъ долго и пристально посмотрѣлъ на Меня:

— М-ръ Вандергудъ? Генри Вандергудъ? Это не вы, сударь, тотъ американецъ, милліардеръ, что хочетъ облагодѣтельствовать чело-вѣчество своими милліардами?

— Я скромно мотнулъ головой:

— Уйесь, Я.

Топпи мотнулъ головой и подтвердилъ. . осель:

— Уйесь, мы.

Магнусъ поклонился намъ обоимъ и съ дерзкой насмѣшливостью сказалъ:

— Человѣчество ждетъ васъ, м-ръ Вандергудъ. Судя по римскимъ газетамъ, оно въ полномъ нетерпѣніи! Но мнѣ надо извиниться за свой скромный ужинъ: я и не зналъ. . .

Съ великолѣпной прямою я схватилъ его большую, странно горячую руку и крѣпко, по американски, потрясъ ее:

— Оставьте, синьоръ Магнусъ! Прежде, чѣмъ стать милліардеромъ, я былъ свинопасомъ, а вы — прямой, честный и благородный

джентельменъ, которому я съ уваженіемъ жму руку. Чертъ воями, еще ни одно человѣческое лицо не будило во мнѣ... такой симпатіи, какъ ваше!

Тогда Магнусъ сказалъ...

Ничего Магнусъ не сказалъ! Нѣтъ, Я не могу такъ: «Я сказалъ», «онъ сказалъ» — эта проклятая послѣдовательность убиваетъ Мое вдохновеніе, Я становлюсь посредственнымъ романистомъ изъ бульварной газетки и лгу какъ бездарность. Во мнѣ пять чувствъ, Я цѣльный человѣкъ, а толкую объ одномъ слухѣ! А зрѣніе? Повѣрь, оно не бездѣлничало. А это чувство земли, Италіи, моего существованія, которое Я ощутилъ съ новой и сладкой силой. Ты думаешь, Я только и дѣлалъ, что слушалъ умнаго Фому Магнуса? Онъ говорить, а Я смотрю, понимаю, отвѣчаю, а самъ думаю: какъ хорошо пахнетъ земля и трава въ Кампаньи! Еще Я старался вчувствоваться въ весь этотъ домъ (такъ говорятъ?), въ его скрытыя молчаливыя комнаты: онъ казался мнѣ таинственнымъ. А еще Я съ каждой минутой все больше радовался, что Я живъ, говорю, могу еще долго играть... и вдругъ Мнѣ стало нравиться, что Я — человѣкъ!

Помню, Я вдругъ протянулъ Магнусу мою визитную карточку: Генри Вандергудъ. Онъ удивился и не понялъ, но вѣжливо положилъ

карточку на столъ, а Мнѣ захотѣлось поцѣловать его въ темя: за эту вѣжливость, за то, что онъ человѣкъ — и Я тоже человѣкъ. Еще Мнѣ очень нравилась Моя нога въ желтомъ ботинкѣ и Я незамѣтно покачивалъ ея: пусть покачается, прекрасная человѣческая американская нога! Я былъ очень чувствителенъ въ этотъ вечеръ! Мнѣ даже захотѣлось разъ заплакать: смотрѣть прямо въ глаза собесѣднику и на своихъ открытыхъ, полныхъ любви, добрыхъ глазахъ выдавить двѣ слезинки. Кажется, Я это и сдѣлалъ и въ носу приятно кольнуло, какъ отъ лимонада. И на Магнуса мои двѣ слезинки, какъ Я замѣтилъ, произвели прекраснѣйшее впечатлѣніе.

Но Топпи! . . . Пока Я переживалъ эту чудную поэму вочеловѣченія и слезился, какъ мохъ, онъ — мертвецки спалъ за тѣмъ же столомъ гдѣ сидѣлъ. Не слишкомъ ли онъ вочеловѣчился? Я хотѣлъ разсердиться но удержалъ меня:

— Онъ перевозноуался и усталъ, м-ръ Вандергудъ.

Впрочемъ, было уже позднее время. Мы уже два часа горячо говорили и спорили съ Магнусомъ, когда это случилось съ Топпи. Я отправилъ его въ постель, и мы продолжали пить и говорить еще долго. Пилъ вино больше Я, а Магнусъ былъ сдержанъ, почти мраченъ и Мнѣ все больше нравилось

его суровое, временами даже злое и скрытное лицо. Онъ говорилъ:

— Я вѣрю въ вашъ альтруистическій порывъ, м-ръ Вандергудъ. Но я не вѣрю, чтобы вы, человѣкъ умный, дѣловой и... нѣсколько холодный, какъ мнѣ кажется — могли возлагать какія нибудь серіозныя надежды на ваши деньги...

— Три милліарда — огромная сила, Магнусъ!

— Да, три милліарда огромная сила — согласился онъ спокойно и нехотя — но что вы можете сдѣлать съ ними?

Я засмѣялся:

— Вы хотите сказать: что можетъ сдѣлать съ ними этотъ невѣжда американецъ, этотъ бывший свинопасъ, который свиней знаетъ лучше, нежели людей?...

— Одно знаніе помогаетъ другому.

— Этотъ сумасбродный филантропъ, которому золото бросилось въ голову, какъ молоко кормилицъ? Да, конечно, что Я могу сдѣлать? Еще одинъ университетъ въ Чикаго? Еще богадѣльню въ Сан-Франциско? Еще одну гуманную исправительную тюрьму въ Нью-Йоркѣ?

— Послѣднее было бы истиннымъ благодѣяніемъ для человѣчества. Не смотрите на меня такъ укоризненно, м-ръ Вандергудъ: я нисколько не шучу: во мнѣ вы не найдете той

... безавѣтной любви къ людямъ, которая такъ ярко горитъ въ васъ.

Онъ дерзко насмѣхался надо мною, а Мнѣ было такъ его жаль: не любить людей! Несчастный Магнусъ, Я съ такимъ удовольствіемъ поцѣловалъ бы его въ темя! Не любите людей!

— Да, я ихъ не люблю — подтвердилъ Магнусъ. — Но я радъ, что вы не собираетесь идти шаблоннымъ путемъ всѣхъ американскихъ филантроповъ. Ваши миллиарды...

— Три миллиарда, Магнусъ! На эти деньги можно создать новое государство...

— Да?

— Или разрушить старое. На это золото Магнусъ, можно сдѣлать войну, революцію...

— Да?!

Мнѣ таки удалось поразить его: его большая бѣлая руна слегка вздрогнула и въ темныхъ глазахъ мелькнуло уваженіе: «ты, Вандергудъ, не такъ глупъ, какъ я подумалъ вначалѣ!» Онъ всталъ и, пройдя разъ по комнатѣ, остановился передо мною и съ насмѣшкой, рѣзко спросилъ:

— А вы знаете точно, что нужно вашему человѣчеству: созданіе новаго или разрушеніе стараго государства? Война — или миръ? Революція или покой? Кто вы такой, м-ръ Вандергудъ изъ Иллинойса, что беретесь рѣшать эти вопросы? Я ошибся: стройте бо-

гадѣльню и университетъ въ Чикаго, это...
безопаснѣе.

Мнѣ нравилась дерзость этого человѣчка!
Я скромно опустилъ голову и сказалъ:

— Вы правы, синьоръ Магнусъ. Кто Я
такой, Генри Вандергудъ, чтобы рѣшать э т и
вопросы? Но Я ихъ и не рѣшаю. Я только
ставлю ихъ, Я ставлю и ищу отвѣта, ищу
отвѣта и человѣка, который мнѣ его дастъ. Я
неучъ, невѣжда, Я не читалъ, какъ слѣдуетъ, ни
одной книги, кромѣ гробуха, а здѣсь Я вижу
книгъ достаточно. Вы мизантропъ, Магнусъ,
вы слишкомъ европеецъ, чтобы не быть слегка
и во всемъ разочарованнымъ, а мы, молодая
Америка, мы вѣримъ въ людей. Человѣка
надо дѣлать! Вы въ Европѣ плохіе мастера
и сдѣлали плохого человѣка, мы — сдѣлаемъ
хорошаго. Извиняюсь за рѣзкость: пока Я,
Генри Вандергудъ, дѣлалъ только свиней,
и мои свиньи, скажу это съ гордостью, имѣютъ
орденовъ и медалей не меньше, нежели фельд-
маршалъ Мольтке, но теперь Я хочу дѣлать
людей...

Магнусъ усмѣхнулся:

— Вы алхимикъ отъ Евангелія, Вандер-
гудъ: берете свинецъ и хотите превращать въ
золото!

— Да, Я хочу дѣлать золото и искать фи-
лософскій камень. Но развѣ онъ уже не най-
денъ? Онъ найденъ, только вы не умѣете имъ

пользоваться: это — любовь. Ахъ, Магнусъ, Я еще самъ не знаю, что буду дѣлать, но мои замыслы широки и . . . величественны, сказалъ бы Я, если бы не эта ваша мизантропическая улыбка. Повѣрьте въ человѣка, Магнусъ, и помогите Мнѣ! Вы знаете, что нужно человѣку.

Онъ холодно и угрюмо повторилъ:

— Ему нужны тюрьмы и эшафотъ.

Я воскликнулъ въ негодованіи (негодование Мнѣ особенно удается):

— Вы клевете на себя, Магнусъ! Я вижу, что вы пережили какое то тяжелое горе, быть можетъ, измѣну и . . .

— Остановитесь, Вандергудъ! Я самъ никогда не говорю о себѣ и не люблю, чтобы и другіе говорили обо мнѣ. Достаточно сказать, что за четыре года вы первый нарушаете мое одиночество, и то . . . благодаря случайности. Я не люблю людей.

— О! — Простите, но Я не вѣрю.

Магнусъ подошелъ къ книжной полкѣ и съ выраженіемъ презрѣнія и какъ бы гадливости взялъ въ свою бѣлую руку первый попавшійся томъ.

— А вы, не читавшій книгъ, знаете, о чемъ эти книги? Только о злѣ, ошибкахъ и страданіи человѣчества. Это слезы и кровь, Вандергудъ! Смотрите: вотъ въ этой тоненькой книжонкѣ, которую я держу двумя пальцами,

заключенъ цѣлый океанъ красной человѣческой крови, а если вы возьмете ихъ всѣ. . . И кто пролилъ эту кровь? Дьяволъ?

Я почувствовалъ себя польщеннымъ и хотѣлъ поклониться, но онъ бросилъ книгу и гнѣвно крикнулъ:

— Нѣтъ, сударь: человѣкъ! Ее пролилъ человѣкъ! Да, я читаю эти книги, но лишь для одного: чтобы научиться ненавидѣть и презирать человѣка. Вы вашихъ свиней превратили въ золото, да? А я уже вижу, какъ это золото снова превращается въ свиней: они васъ слопаютъ, Вандергудъ. Но я не хочу ни. . . лопать, ни лгать: выбросьте въ море ваши деньги, или. . . стройте тюрьмы и эшафотъ. Вы честолюбивы, какъ всѣ человѣколюбцы? Тогда стройте эшафотъ. Васъ будутъ уважать серіозные люди, а стадо назоветъ васъ великимъ. Или вы, американецъ изъ Иллинойса, не хотите въ Пантеонъ?

— Но, Магнусъ! . . .

— Кровь! Развѣ вы не видите, что кровь вездѣ? Вотъ она уже на вашемъ сапогѣ. . .

Признаюсь, что при этихъ словахъ сумасшедшаго, какимъ въ ту минуту показался мнѣ Магнусъ, я съ испугомъ дернулъ ногою, на которой лишь теперь замѣтилъ темное красноватое пятно. . . такая мерзость!

Магнусъ улыбнулся и, сразу овладѣвъ собою, продолжалъ холодно и почти равнодушно:

— Я васъ невольно испугаль, м-ръ Вандергудъ? Пустяки, вѣроятно, вы наступили на . . . что нибудь ногою. Это пустяки. Но этотъ разговоръ, котораго я не велъ уже много лѣтъ, слишкомъ волнуеть меня и . . . Спокойной ночи, м-ръ Вандергудъ. Завтра я буду имѣть честь представить васъ моей дочери, а сейчасъ позвольте. . . .

И такъ далѣе. Однимъ словомъ, этотъ господинъ самымъ грубѣйшимъ образомъ отвелъ меня въ мою комнату и чуть самъ не уложилъ въ постель. Я и не спорилъ: зачѣмъ? Надо сказать, что въ эту минуту онъ мнѣ очень мало нравился. Мнѣ было даже пріятно, что онъ уходитъ, но вдругъ у самой двери онъ обернулся и, сдѣлавъ шагъ, рѣзко протянулъ ко мнѣ обѣ свои бѣлыя большія руки. И прошепталъ:

— Вы видите эти руки? — на нихъ кровь! Пусть кровь злодѣя, мучителя и тирана, но все та же красная человѣческая кровь. Прощайте!

. . . Онъ испортилъ Мнѣ ночь. Клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, въ этотъ вечеръ Я съ удовольствіемъ чувствовалъ себя человѣкомъ и расположился, какъ дома, въ его тѣсной шкурѣ. Она всегда жметъ мнѣ подъ мышками, Я взялъ ее въ магазинѣ готоваго платья, а тутъ мнѣ казалось, что она сшита на заказъ у лучшаго Портного! Я былъ чувствителенъ, Я былъ очень добръ и милъ, Мнѣ очень

хотѣлось поиграть, но Я вовсе не былъ склоненъ къ такой тяжелой трагедіи! Кровь! И нельзя же совать подъ носъ полужнакомому джентельмену свои бѣлыя руки... у всѣхъ палачей очень бѣлыя руки!

Не думай, что Я шучу. Мнѣ стало очень нехорошо. Если днемъ я еще пока побѣждаю Вандергуда, то каждую ночь онъ кладетъ Меня на обѣ лопатки. Это онъ засѣляетъ темноту моихъ глазъ своими глупѣйшими снами и перетрясаетъ свой пыльный архивъ... и какъ безбсжно глупы и безтолковы его сны! Всю ночь онъ хозяйничаетъ во мнѣ, какъ вернувшійся хозяинъ, перебираетъ безрелигиозно, что то ищетъ, хнычетъ о порчѣ и потеряхъ, какъ скупецъ, кряхтитъ и ворочается, какъ собака, которой не спится на старой подстилкѣ. Это онъ каждую ночь втягиваетъ Меня, какъ мокрая глина, въ глубину дряннѣйшей человѣчности, въ которой Я задыхаюсь. Каждое утро, проснувшись, Я чувствую, что вандергудовская настойка человѣчности стала на десять градусовъ крѣпче... подумай: еще немного, и онъ просто выставитъ Меня за порогъ, — онъ, жалкій владѣлецъ пустого сарая, куда Я внесъ дыханіе и душу!

Какъ торопливый воръ, Я влѣзъ въ чужое платье, карманы котораго набиты вексельми... нѣтъ, еще хуже! Это не тѣсное платье, это

низкая, темная и душная тюрьма, въ которой Я занимаю мѣста меньше, нежели солитеръ въ желудкѣ Вандергуда. Тебя съ дѣтства за-
 прятали въ твою тюрьму, мой дорогой читатель,
 и ты даже любишь ее, а Я . . . Я пришелъ изъ
 царства Свободы. И Я не хочу быть глистомъ
 Вандергуда: одинъ глотокъ этого чудеснаго
 ціанистаго кали и Я — снова свободенъ. Что
 скажешь тогда, негодяй Вандергудъ? Вѣдь
 безъ Меня тебя тотчасъ слопають черви, ты
 лопнешь, ты расплзешься по швамъ. . . мера-
 кая падалъ! Не трогай Меня!

Но въ эту ночь Я весь былъ во власти Ван-
 дергуда. Что Мнѣ человѣческая кровь!
 Что Мнѣ эта жидкая условность и хней
 жизни! Но Вандергудъ былъ взволнованъ
 сумасшедшимъ Магнусомъ. Вдругъ Я чув-
 ствую, — подумай! — что весь я полонъ
 крови, какъ бычій пузырь, и пузырь этотъ
 такъ тонокъ и непроченъ, что его нельзя коль-
 нуть. Кольни здѣсь — она полетится, тронь
 тамъ — она захлещетъ! Вдругъ мнѣ стало
 страшно, что въ этомъ домѣ Меня убьютъ:
 рѣзнуть по горлу и, держа за ноги, выпустятъ
 кровь.

Я лежалъ въ темнотѣ, и все прислу-
 шивался, не идетъ ли Магнусъ съ свои-
 ми бѣлыми руками? И чѣмъ тише было
 въ этомъ проклятомъ домишкѣ, тѣмъ страш-
 нѣе Мнѣ становилось, и Я ужасно сер-

дился, что даже Топпи не храпять, какъ всегда. Потомъ у Меня начало болѣть все тѣло, быть можетъ, Я ушибся при катастрофѣ, не знаю, или усталъ отъ бѣга. Потомъ то же тѣло стало самымъ собачьимъ образомъ чесаться и Я дѣйствовалъ даже ногами: появленіе веселаго шута въ трагедіи!

Вдругъ сонъ схватилъ Меня за ноги и быстро потащилъ книзу, Я не успѣлъ ахнуть. И, подумай, какую глупость Я увидѣлъ — ты видишь такіе сны? Будто я бутылка отъ шампанскаго съ тонкимъ горлышкомъ и засмоленной головкой, но наполненъ Я не виномъ, а кровью! И будто всѣ люди — такія же бутылки съ засмоленными головками, и всѣ мы въ рядъ и другъ на другѣ лежимъ на низкомъ морскомъ берегу. А оттуда идетъ Кто-то страшный и хочетъ насъ разбить, и вотъ Я вижу, что это очень глупо, и хочу крикнуть: «не надо разбивать, возьмите штопоръ и откупорьте!» но у меня нѣтъ голоса, Я бутылка. И вдругъ идетъ убитый лакей Джорджъ, въ рукѣ у него огромный острый штопоръ, онъ что-то говорить и хватаетъ меня за горлышко. . . . ахъ, за горлышко!

Я проснулся съ болью въ темени: вѣроятно, онъ таки пытался Меня откупорить! Мой гнѣвъ былъ такъ великъ, что я не улыбнулся, не вздохнулъ лишній разъ и не пошевелился — Я просто и спокойно еще разъ убилъ Ван-

дергуда. Я стиснулъ спокойно зубы, сдѣлалъ глаза прямыми, спокойными, вытянулъ мое тѣло во всю длину — и спокойно застылъ въ сознаниі моего великаго Я. Океанъ могъ бы ринуться на Меня, и Я не шевельнуть бы рѣсницей — довольно! Пойди вонъ, мой другъ, Я хочу быть одинъ.

И тѣло смолкло, обезцвѣтилось, стало воздушнымъ и снова пустымъ. Легкими стопами Я покинулъ его и моему открытому взору предстало н е о б ы к н о в е н н о е, то, что невыразимо на твоёмъ языкѣ, мой бѣдный другъ! Насыть твое любопытство причудливымъ сномъ, который Я такъ довѣрчиво разсказалъ тебѣ — и не спрашивай дальше! Или тебѣ не достаточно «огромнаго, остраго» штопора — но вѣдь это такъ... художественно!

На утро Я быть здоровъ, свѣжъ, красивъ и жаждалъ игры, какъ только что загримированный актеръ. Конечно, Я не забыть побриться — этотъ каналья Вандергудъ обрастаетъ щетиной такъ же быстро, какъ его золотоносныя свиньи. Я пожаловался на это Топпи, съ которымъ мы, въ ожиданиі еще не выходявшаго Магнуса, гуляли по садику, и Топпи, подумавъ, отвѣтилъ, какъ философъ:

— Да. Человѣкъ спитъ, а борода у него растеть и растеть. Такъ надо для цирюльниковъ!

Вышелъ Магнусъ. Онъ не сталъ привѣтливѣе вчерашняго и блѣдное лицо его носило явные слѣды утомленія, но былъ спокоенъ и вѣжливъ. Какая днемъ у него черная борода! Съ холодной любезностью онъ пожалъ Мнѣ руку и сказалъ (мы стояли на высокой каменной стѣнѣ):

— Любуется римской Кампаньей, м-ръ Вандергудъ? Прекрасное зрѣлище! Говорять, что Кампанья опасна своими лихорадками, но во мнѣ она родитъ только одну лихорадку: лихорадку мысли!

Повидимому, мой Вандергудъ былъ довольно таки равнодушенъ къ природѣ, а Я еще не вошелъ во вкусъ земныхъ ландшафтовъ: пустое поле показалось мнѣ — просто пустымъ полемъ. Я вѣжливо окинулъ глазами пустырь и сказалъ:

— Люди больше меня интересуютъ, синьоръ Магнусъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня своими темными глазами и, понизивъ голосъ, промолвилъ сухо и сдержанно:

— Два слова о людяхъ, м-ръ Вандергудъ. Сейчасъ вы увидите мою дочь, Марію. Это — мои три милліарда. Вы понимаете?

Я обопрительно кивнулъ головой.

— Но этого золота не родить ваша Калифорнія и никакое иное мѣсто на нечистой землѣ. Это — золото небесъ. Я человѣкъ невѣрующій, но даже я — даже я, м-ръ Вандергудъ! испытываю сомнѣнія, когда встрѣчаю взоръ моеи Маріи. Вотъ единственныя руки, въ которыя вы спокойно могли бы отдать ваши миллиарды. . .

Я старый холостякъ и Мнѣ стало нѣсколько страшно, но Магнусъ продолжалъ строго и даже торжественно:

— Но она ихъ не возьметъ, сударь! Ея нѣжныя руки никогда не должны знать этой золотой грязи. Ея чистые глаза никогда не увидятъ иного зрѣлища, нежели эта безбрежная и безгрѣшная Кампанья. Здѣсь ея монастырь, м-ръ Вандергудъ, и выходъ отсюда для нея только одинъ: въ неземное свѣтлое царство, если только оно есть!

— Простите, но я этого не понимаю, дорогой Магнусъ! — радостно запротестовала Я. — Жизнь и люди. . .

Лицо Фомы Магнуса стало злымъ, какъ вчера, и съ суровой насмѣшливостью онъ перебилъ Меня:

— А я прошу васъ это понять, дорогой Вандергудъ. Жизнь и люди не для Маріи и. . . достаточно того, что я знаю жизнь и людей. Мой долгъ былъ предупредить васъ, а теперь — онъ снова принялъ тонъ холодной!

любезности — прошу васъ къ моему столу. Мистеръ Топпи, прошу васъ!

Мы уже начали кушать, болтая о пустякахъ, когда вошла Марія. Дверь, въ которую она вошла, была за моей спиной, ея легкую поступь Я принялъ за шаги служанки, подававшей блюда, но Меня поразилъ носатый Топпи, сидѣвшій напротивъ. Глаза его округлились, лицо покраснѣло, какъ отъ удушья, и по длинной шеѣ волной проплылъ кадыкъ и нырнулъ гдѣ то за тугимъ пасторскимъ воротничкомъ. Конечно, Я подумалъ, что онъ подавился рыбьей костью и воскликнулъ:

— Топпи! Что съ тобою? Выпей воды.

Но Магнусъ уже всталъ и холодно произнесъ:

— Моя дочь, Марія. Мистеръ Генри Вандергулъ.

Я быстро обернулся и . . . Какъ Мнѣ разить ее, когда необыкновенное невыразимо? Это было болѣе, чѣмъ прекрасно — это было страшно въ своей совершенной красотѣ. Я не хочу искать сравненій, возьми ихъ самъ. Возьми все, что ты видѣлъ и знаешь прекраснаго на землѣ: лилію, звѣзды, солнце, но ко всему прибавь: болѣе. Но не это было страшно, а другое: таинственное и разительное сходство. . . съ кѣмъ, чортъ возьми? Кого Я встрѣчалъ на землѣ, кто былъ бы такъ же прекрасенъ — прекрасенъ и страшенъ

— страшень и недоступень земному? Я знаю теперь весь твой архивъ, Вандергудъ, и это не изъ твоей убогой галлерей!

— Мадонна! — прохрипѣлъ сзади испуганный голосъ Топпи.

Такъ вотъ оно! Да, Мадонна, дуракъ правъ и Я, самъ Сатана, понимаю его испугъ. Мадонна, которую люди видятъ только въ церквахъ, на картинахъ, въ воображеніи вѣрующихъ художниковъ. Марія, имя которой звучитъ только въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, небесная красота, милость, всепрощеніе и вселюбовь! Звѣзда морей! Тебѣ нравится это имя: звѣзда морей? Осмѣлся сказать: нѣтъ! . . .

И Мнѣ стало дьявольски смѣшно. Я сдѣлалъ глубочайшій поклонъ и чуть — замѣть: чуть! — не сказалъ:

— Сударыня! Я извиняюсь за мое непрошенное вторженіе, но я никакъ не ожидалъ, что встрѣчу васъ здѣсь. Усерднѣйше извиняюсь, но я никакъ не ожидалъ, что этотъ чернобородый чудакъ имѣетъ честь называть васъ своею дочерью. Тысячу разъ прошу прощенія, что. . . .

Довольно. Я сказалъ другое:

— Здравствуйте, синьорина. Очень приятно.

Вѣдь она же ничѣмъ не показала, что уже знакома со Мною? Инкогнито надо уважать,

если хочешь быть джентльменомъ и только негодяй осмѣлится сорвать маску съ дамы! Тѣмъ болѣе, что отецъ ея, Фома Магнусъ продолжаетъ насмѣшливо угощать:

— Кушайте же, м-ръ Топпи. Вы ничего не пьете, м-ръ Вандергудъ, вино превосходное.

Въ теченіи дальнѣйшаго Я замѣтилъ:

- 1) Что она дышетъ.
- 2) Что она моргаетъ.
- 3) Что она кушаетъ.

и что она красивая дѣвушка лѣтъ восемнадцати и что платье на ней бѣлое, а шейка ея обнажена. Мнѣ становилось все смѣшнѣе. Я бодро несъ чепуху въ черную бороду Магнуса, а самъ кое что соображалъ. Глядѣлъ на голую шейку и. . . Повѣрь, мой земной другъ: я вовсе не обольститель, и не влюбчивый юнецъ, какъ твои любимые бѣсы, но Я еще далеко не старъ, не дурень собою, имѣю независимое положеніе въ свѣтѣ и — развѣ тебѣ не нравится такая комбинація: Сатана — и Марія? Марія — и Сатана! Въ свидѣтельство серьезности моихъ намѣреній Я могу привести то, что въ эти минуты Я больше думалъ о н а ш е м ъ съ нею потомствѣ и искалъ и м я для н а ш е г о первенца, нежели отдавался простой фривольности. Я не вертопрахъ!

Вдругъ Топпи, рѣшительно двинулъ кадыкомъ и хрипло освѣдомился:

— Съ васъ кто нибудь писалъ портретъ, синьорина?

— Марія не позируетъ для художниковъ! — сурово отвѣтилъ за нее Магнусъ, и Я хотѣлъ засмѣяться надъ глупымъ Топпи и Я уже раскрылъ ротъ съ моими первокласными американскими зубами, когда чистый взоръ Маріи вошелъ въ мои глаза, и все полетѣло къ черту, — какъ тогда при катастрофѣ! Понимаешь: она вывернула Меня на изнанку, какъ чулокъ... или какъ бы это сказать? Мой превосходный парижскій костюмъ ушелъ внутрь, а мои еще болѣе превосходныя мысли, которыхъ, однако, Я не хотѣлъ бы сообщать дамѣ, вдругъ вылѣзли наружу. Со всѣмъ моимъ т а й н ы м ъ Я сталъ не больше скрытъ, чѣмъ номеръ Нью-Герольда за пятнадцать центовъ.

Но она пр о с т и л а Меня и ничего не сказала, и ея взоръ, какъ прожекторъ, отправился дальше въ темноту и освѣтилъ Топпи. Нѣтъ, здѣсь и ты бы засмѣялся, увидѣвъ, какъ вспыхнули и озарились бѣдныя внутренности этого стараго глупаго Чорта... отъ молитвенника вплоть до рыбьей кости, которою онъ подавился!

Къ счастью для насъ обоихъ, Магнусъ всталъ и пригласилъ насъ въ садъ:

— Пройдемте въ садъ — сказалъ онъ: Марія покажетъ вамъ свои цвѣты.

Да, Марія! Но не жди отъ Меня пѣснопѣннй, ты, поэтъ! Я былъ въ бѣшенствѣ, какъ человѣкъ, у котораго взломали его бюро. Я хотѣлъ смотрѣть на Марію, а вынужденъ былъ глядѣть на эти дурачкіе цвѣты — потому что не смѣлъ поднять глазъ. Я джентльменъ и не могу являться дамѣ . . . безъ галстука! А когда ея взоръ настигалъ таки мои бѣдныя скромныя мысли, мои милыя маленькія мыслишки, какъ поджимали онѣ хвостъ — свой маленькій хвостикъ. Какимъ смиреніемъ проникался Я весь, и мой талантливѣйшій гримъ сползалъ съ Меня неудержимо, какъ краска съ потнаго актера. Ты любишь быть смиреннымъ? Я — нѣтъ.

Не знаю, что говорила Марія. Но клянусь вѣчнымъ спасеніемъ! — ея взоръ и весь ея н е о б ы к н о в е н н ы й образъ былъ воплощеніемъ такого всеобъемлющаго смысла, что всякое мудрое слово становилось безсмыслицей. Мудрость словъ нужна только нищимъ духомъ, богатые же — безмолвны, замѣть это, поэтикъ, мудрецъ и вѣчный болтунъ на всѣхъ перекресткахъ! Довольно съ тебя, что Я унизился до слова.

Ахъ, но Я забылъ о смиреніи моемъ! Это она ходила, а мы съ Топпи ползали за ней, и Я ненавидѣлъ себя, ненавидѣлъ широкозадаго Топпи за его позорный отвислый носъ и вялыя уши. Здѣсь нуженъ былъ по мень-

шей мѣрѣ Аполлонъ, а не пара американцевъ, да и то изъ композиціи!

Но какъ намъ стало хорошо, когда Она ушла и мы остались только съ Магнусомъ — Магнусъ, это такъ мило и просто! Топпи перестала религиозно гундосить, какъ заштатный пономарь, а Я заложилъ нога за ногу, закурилъ сигару и къ самому зрачку Магнуса приставилъ свой стальной и острый взглядъ. Но что онъ встрѣтилъ: пустоту или такую же стальную кирасу?

— Вамъ надо ѣхать въ Римъ, м-ръ Вандергудъ, о васъ навѣрно беспокоятся — спокойно сказала любезный хозяинъ. Я сильнѣе нажалъ клинокъ.

— Но я могу послать Топпи. . . .

Онъ улынулся съ дерзкой насмѣшкой:

— Едва ли этого будетъ достаточно, м-ръ Вандергудъ!

Я поискалъ глазами, гдѣ большая бѣлая рука, чтобы дружески пожать ее, но рука была далеко и приблизиться не намѣревалась. А все-таки Я поймалъ ее, и пожалъ ее, и онъ долженъ былъ отвѣтить пожатіемъ!

— Хорошо, синьоръ Магнусъ, я сейчасъ уѣду.

— Я уже послалъ за экипажемъ. Не правда ли, какъ хороша Кампанья при этомъ вечернемъ солнцѣ?

Я еще разъ вѣжливо осмотрѣлъ пустырь и съ чувствомъ подтвердилъ:

— Да, превосходна! Эрвинъ, мой другъ, оставьте насъ на минуту, мнѣ надо сказать два слова синьору Магнусу. . . .

Топпи вышелъ, а синьоръ Магнусъ сдѣлалъ большіе и совсѣмъ не радостные глаза. И, пробуя свою сталь, Я наклонился къ его мрачному лицу и спросилъ:

— Вы не замѣчали, дорогой Магнусъ, нѣкотораго, даже очень большого сходства вашей дочери, синьоры Маріи съ одной. . . весьма извѣстной особой? Вамъ не кажется, что она похожа — на Мадонну?

— Мадонну? — протянулъ Магнусъ такъ длинно, что всего меня обмоталъ этимъ словомъ. — Нѣтъ, дорогой Вандергудъ, не замѣчалъ. Я не бываю въ церкви. Но боюсь, что вамъ поздно будетъ ѣхать. Римская лихорадка. . .

Я опять поймалъ его бѣлую руку и съ дружескимъ остервененіемъ потрясъ ее. . . нѣтъ, Я ее не оторвалъ! И на моихъ добрыхъ глазахъ снова выступили тѣ двѣ слезинки:

— Будемъ говорить прямо, синьоръ Магнусъ. Я человекъ прямой и Я полюбилъ васъ. Хотите ѣхать со Мною и быть распорядителемъ моихъ миллиардовъ?

Магнусъ молчалъ. Рука его лежала неподвижно въ моей рукѣ, темные глаза опустились и что то темное, какъ они, прошло

по блѣдному лицу и скрылось. Наконецъ онъ сказалъ серьезно и просто:

— Я васъ понимаю, м-ръ Вандергудъ. . . но я долженъ отвѣтить вамъ отказомъ. Нѣтъ, я съ вами не поѣду. Я еще не сказалъ вамъ одной вещи, но ваша прямота и довѣрчивость понуждаетъ меня къ откровенности: я долженъ до извѣстной степени скрываться отъ полиціи. . .

— Римской? Мы ее купимъ.

— Нѣтъ, скорѣе. . . международной. Конечно, вы не думаете, что я свершилъ какое нибудь позорное преступленіе? . . . Да, да, хорошо. Но дѣло не въ полиціи, которую можно купить. Вы правы, м-ръ Вандергудъ, что всѣ люди продаются. Дѣло въ томъ, что я не могу быть для васъ полезенъ. Зачѣмъ я вамъ? Вы любите человѣчество, — я его презираю и въ лучшемъ случаѣ равнодушень. Пусть его живетъ и не мѣшаетъ жить мнѣ. Оставьте мнѣ мою Марію, оставьте мнѣ право и силу презирать людей, читая исторію ихъ жизни, оставьте мнѣ эту Кампанью — и это все, чего я хочу. . . и на что я способенъ. Все масло во мнѣ выгорѣло, Вандергудъ: передъ вами потухшая лампада на пустой стѣнѣ, гдѣ когда то. . . Прощайте.

— Я не прошу васъ объ откровенности, Магнусъ. . .

— Простите, но вы ее никогда и не получите, м-ръ Вандергудъ. Мое имя вымышлено

... но оно единственное, которое я могу предложить своимъ друзьямъ.

Скажу правду: въ эту минуту «Фома Магнусъ» Мнѣ понравился. Онъ говорилъ смѣло и просто, въ его тяжеломъ лицѣ читалось упрямство и воля. Этотъ человѣкъ зналъ, чего стоитъ человѣческая жизнь, и имѣлъ видъ осужденнаго на смерть, но гордаго и непримиряющагося преступника, который ужъ не пойдетъ къ попу за утѣшеніемъ! У меня даже мелькнула догадка: у моего Отца много побочныхъ дѣтей, лишенныхъ наслѣдства и правдо болтающихся по свѣту — не одинъ ли изъ этихъ скитальцевъ и Фома Магнусъ? И неужели Я на этой землѣ встрѣчу — б р а т а? Очень интересно. Но и съ чисто человѣческой, дѣловой точки зрѣнія нельзя не уважать человѣка, у котораго руки въ крови!

Я отсалютовалъ шпагой, перемѣнилъ позицію и самымъ скромнымъ образомъ попросилъ Магнуса разрѣшенія: изрѣдка пріѣзжать къ нему за совѣтомъ. Онъ нѣсколько мгновеній колебался, но потомъ очень прямо взглянулъ на Меня и выразилъ согласіе:

— Хорошо, м-ръ Вандергудъ, пріѣзжайте. Я надѣюсь услышать отъ васъ много интереснаго, что отчасти замѣнить мнѣ мои книги. И м-ръ Топпи очень понравился моей Маріи...

— Топпи?!

— Да. Она нашла въ немъ сходство съ какимъ то изъ святыхъ; Марія часто посѣщаетъ церковь, м-ръ Вандергудъ.

Топпи — святой?! Или это походный молитвенникъ перевѣсилъ его широкій задъ и рыбью кость въ горлѣ? А Магнусъ смотрѣлъ на Меня почти нѣжно и лишь его тонкій носъ слегка вздрагивалъ отъ сдержаннаго смѣха . . . пріятно, что за такой суровой внѣшностью скрывается столько тихаго веселья!

Уже вечерѣло, когда мы уѣхали. Провожалъ насъ только Магнусъ, Марія болѣе не выходила. Бѣлый домикъ за кипарисами былъ какъ и вчера, тихъ и безмолвенъ, но теперь эта тишина показалась Мнѣ иною: ею была душа Маріи.

Скажу правду, Мнѣ было грустно уѣзжать, но вскорѣ другія впечатлѣнія охватили и разсѣяли Меня: начинался Римъ. Черезъ какой то проломъ въ толстой стѣнѣ мы вѣхали на освѣщенные людныя улицы, и первое, что Я увидѣлъ въ вѣчномъ городѣ, былъ вагонъ трамвая, со скрипомъ и стономъ пролѣзавшій въ ту же стѣну. Топпи, уже знакомый съ Римомъ, блаженно внюхивался въ каждую темную громаду церкви и своимъ длиннымъ пальцемъ показывалъ Мнѣ остатки стараго Рима, влипшіе въ огромныя и гладкія стѣны новыхъ домовъ: какъ будто настоящее бом-

бардировали снарядами прошлаго и они застряли въ кирпичѣ.

Кое гдѣ темнѣли цѣлыя кучи этого старья. Черезъ низенькій каменный парапетъ мы увидѣли какую то темную неглубокую яму и толстыя триумфальныя ворота, до колѣнъ ушедшія въ землю — «Форумъ!» — торжественно возгласилъ Топпи, и извозчикъ на козлахъ поспѣшно и одобрительно закивалъ головой въ помятой шляпѣ. Съ каждой новой грудой стараго кирпича и щебня мой чудакъ преисполнялся все большей важностью, а Я жалѣлъ о моемъ высокомъ Нью-Йоркѣ и рассчитывалъ, сколько нужно обыкновенныхъ мусорныхъ телѣгъ, чтобы къ утру вывезти вонъ весь старый Римъ. Когда Я сказалъ объ этомъ Топпи, онъ обидѣлся и угрюмо возразилъ:

— Вы ничего не понимаете. Лучше закройте глаза и только думайте, что вы въ Римѣ.

Я такъ и сдѣлалъ и еще разъ убѣдился, что зрѣніе большая помѣха для ума, какъ и слухъ: не даромъ на землѣ мудрецы слѣпы, а лучшіе музыканты глухи. Въ мой носъ, когда Я, подобно Топпи, сталъ внюхиваться въ воздухъ, вошло гораздо больше Рима и его ужасно длинной и крайне занимательной исторіи: такъ старый гніющій листъ въ лѣсу пахнетъ сильнѣе и крѣпче, чѣмъ молодая зеленая листва. Повѣришь ли: въ одномъ

мѣстѣ Я ощутилъ явственный запахъ Нерона и крови? А когда Я въ восторгѣ открылъ глаза, Я увидѣлъ обыкновенный газетный кіоскъ и будку съ лимонадомъ!

— Ну, какъ? — проворчалъ Топпи, все еще недовольный.

— Пахнетъ.

— Ну да, конечно, пахнетъ! И съ каждымъ часомъ будетъ пахнуть все сильнѣе: это старыя, крѣпкіе духи, м-ръ Вандергудъ.

И точно: пахло все крѣпче и . . . не могу найти сравненія! — всѣ частицы моего мозга зашевелились и тихо зажужжали, какъ пчелы, разбуженныя дымомъ. Странно, но въ архивѣ этого нелѣпаго Вандергуда, кажется, есть и Римъ: ужъ не отсюда ли онъ родомъ? По крайней мѣрѣ, на какой то шумной площади Я ощутилъ явный запахъ родственниковъ, а вскорѣ я получилъ твердое убѣжденіе, что по этимъ улицамъ Я уже ходилъ когда то самъ. Ужъ не случилось ли Мнѣ и раньше вочеловѣчиваться, какъ и Топпи? Все громче жужжали пчелы, весь мой улей гудѣлъ — и вдругъ тысячи лицъ, смуглыхъ и бѣлыхъ, красивыхъ и страшныхъ, завертѣлись передо Мною — вдругъ тысячи тысячъ голосовъ, шумовъ, криковъ, смѣха и стоновъ оглушили Меня. Нѣтъ, это уже не былъ улей: это была огромная огненная кузница, въ которой тяжкіе молоты ковали

оружіе и разбрасывали красныя искры. Желѣзо!

Конечно, если Я уже раньше ж и л ъ въ Римѣ, то Я былъ однимъ изъ его императоровъ: Я помню выраженіе моего лица, Я помню, движеніе моей голой шеи, когда Я поворачиваю голову и смотрю, Я помню прикосновеніе золотого вѣнка къ моему п л ѣ ш и в о м у теменію... Желѣзо! Это шаги желѣзныхъ римскихъ легионовъ, это ихъ желѣзный голосъ:

— Vivat Caesar!

Но мнѣ становится все жарче, Я горю. Или Я не былъ императоромъ, а лишь одной изъ «жертвъ» пожара, когда горѣлъ Римъ по великолѣпному замыслу Нерона? Нѣтъ, это не пожаръ — это костеръ, на которомъ стою Я. Слышу, какъ змѣйками шипятъ язычки огня у моихъ ногъ. Помню, какъ, напрягаясь, вытягивается впередъ моя жилистая шея и въ гортани нарастаетъ послѣдній крикъ проклятія... или благословенія? Подумай: Я помню даже ту римскую рожу въ первомъ ряду зрителей, которая еще тогда не давала Мнѣ покоя своимъ идиотскимъ выраженіемъ и сонными глазами: Меня жгутъ, а онъ спитъ!

— Отель «Интернаціональ» — возгласилъ Топпи и Я открылъ глаза.

Мы поднимались въ гору по тихой улицѣ и въ концѣ ея сіялъ огнями огромный домъ,

достойный, пожалуй, даже Нью-Йорка: это была отель, въ которомъ еще давно по телеграфу для Меня было заказано помѣщеніе. Вѣроятно, тамъ считали насъ погибшими при катастрофѣ. Мой костеръ погасъ, Мнѣ стало весело, какъ негру, удравшему отъ работы и Я шепнулъ Топпи:

— Ну Топпи — а какъ . . . Мадонна?

— Д-да, интересно. Я сразу даже испугался и подавился. . .

— Костью? Ты глупъ, Топпи: она вѣжлива и не узнала тебя, просто приняла тебя за одного изъ своихъ знакомыхъ святыхъ. Но какъ жаль, старина, что мы выбрали для себя такія унылыя американскія рожи: вѣдь, поискавъ хорошенько, мы могли вочеловѣчиться въ красавцевъ!

— Я своею доволенъ — угрюмо сказалъ Топпи и отвернулся — и на его уныло свисшемъ глянцевиномъ носу мелькнулъ отблескъ тайнаго самодовольства. . . ахъ, Топпи! Ахъ, святой!

Но насъ уже восторженно встрѣчали.

14 февраля

Римъ, отель «Интернаціональ».

Я не хочу ѣхать къ Магнусу, Я с л и ш к о м ъ много думаю о немъ и о его Мадоннѣ изъ мяса

и костей. Я пришел сюда, чтобы весело лгать и играть и Мне вовсе не нравится быть тем бездарным актериком, что горько плачет за кулисами, а на сцену выходит с сухими глазами. И просто Мне некогда развѣзжать по пустырям и ловить там бабочек, как мальчику с сѣткой!

Весь Рим шумит вокруг Меня. Я — необыкновенный человек, который любит людей, и Я знаменит, ко Мне текут на поклонение не меньшія толпы, чѣм къ самому намѣстнику Христа. Два Папы сразу... да, счастливый Рим не может назваться сиротою! Сейчас Я живу в отелѣ, гдѣ все стонет от восторга, когда я выставлю на ночь ботинки, но для Меня уже реставрируется и отдѣляется дворец: историческая виλλα Орсини. Художники, скульпторы и поэты. Один мазилка уже пишет с Меня портретъ, увѣряя, что Я н а п о м и н а ю ему одного изъ Меддичисовъ, остальные мазилки острятъ кисти, чтобы на смерть проткнуть его.

Я спрашиваю его:

— А вы можете написать Мадонну?

Конечно, онъ можетъ. Это онъ, если синьоръ помнить, написалъ того знаменитаго турка на коробкѣ съ сигарами, который извѣстенъ даже въ Америкѣ. Если синьоръ желаетъ... Теперь уже три мазилки пишутъ Мне Мадонну, остальные бѣгаютъ по Риму и ищутъ — ори-

гиналь, «натуру», какъ они выражаются. Одному я сказала съ самымъ грубымъ, варварскимъ, американскимъ непониманіемъ задать высокаго искусства:

— Но если вы найдете такую натуру, синьоръ художникъ, то просто приведите ее ко мнѣ. Зачѣмъ тратить краски и полотно?

Онъ даже скорчился отъ невыносимой боли и еле пробормоталъ:

— Ахъ, синьоръ!... Натуру?!

Кажется, онъ принялъ меня за торговца или покупателя «живого товара». Но, глупый, зачѣмъ Мнѣ твое посредничество, за которое Я долженъ платить комиссіонныя, когда въ моихъ переднихъ цѣлая витрина римскихъ красавицъ? Онѣ всѣ обожаютъ Меня. Имъ Я напоминаю Савонароллу и каждый темный уголь въ гостиной съ мягкой софой онѣ стремятся немедленно превратить въ... исповѣдальню. Мнѣ нравится, что эти знатныя дамы, какъ и художники, такъ хорошо знаютъ отечественную исторію и сразу догадываются, кто Я.

Радость римскихъ газетъ, узнавшихъ, что Я не погибъ при катастрофѣ и не потерялъ ни ноги, ни миллиардовъ, равнялась радости іерусалимскихъ газетъ въ день неожиданнаго воскресенія Христа... впрочемъ у тѣхъ было меньше основанія радоваться, насколько я помню исторію. Я боялся, что напомню

журналистамъ Ю. Цезаря, но, къ счастью, они мало думаютъ о прошломъ, и все ограничилось только моимъ сходствомъ съ президентомъ Вильсономъ. . . мошенники, они льстили моему американскому патріотизму! Однако, большинству Я напоминаю Пророка, но какого, они скромно умалчиваютъ, во всякомъ случаѣ только не Магомета: мое отвращеніе къ браку извѣстно во всѣхъ телеграфныхъ конторахъ.

Трудно представить ту дрянь, которой Я кормлю моихъ голодныхъ интервьюеровъ. Какъ опытный свиноводъ, Я съ ужасомъ смотрю на эту ядовитую бурду, но они ѣдятъ и живы. . . хотя это правда — не толстѣютъ нисколько! Вчера, въ чудесное утро, Я леталъ на аэропланѣ надъ Римомъ и Кампаньей, . . . ты хочешь спросить: видѣлъ ли я домикъ Маріи? Нѣтъ, Я его не нашель: какъ можно найти песчинку среди другихъ песчинокъ, хотя бы эта единственная песчинка и . . . Впрочемъ, Я и не искалъ: Мнѣ просто было страшно на этой высотѣ.

Но мои славные интервьюеры, перебиравшіе внизу ногами отъ нетерпѣнія, были поражены моимъ мужествомъ и хладнокровіемъ. Одинъ здоровенный и сердитый бородачъ, напоминавшій Мнѣ Ганнибала, первый овладѣлъ Мною и спросилъ:

— Не правда ли, м-ръ Вандергудъ, — сознание, что вы парите въ воздухѣ и завоевали

эту непокорную стихію, наполнило вась чувствомъ гордости за человѣка, который завоевалъ. . .

Онъ повторилъ сначала, чтобы Я лучше запомнилъ: они всѣ, кажется, не особенно довѣряютъ моему уму и подсказываютъ различные отвѣты. Но Я развелъ руками и горестно воскликнулъ:

— Представьте, синьоръ, нѣтъ! Я разъ только испыталъ чувство гордости за человѣка, и это было. . . въ уборной парохода «Атлантикъ».

— О!! Въ уборной! Но что же случилось? Буря, и вы были поражены гениемъ человѣка, который завоевалъ. . .

— О с о б е н н а г о ничего не случилось. Но я былъ пораженъ гениемъ человѣка, который изъ такой отвратительной необходимости, какъ уборная, сумѣлъ сдѣлать истинный дворецъ!

— О?!

— Истинный храмъ, въ которомъ вы первосвященникъ!

— Позвольте записать? Это такой. . . такое оригинальное освѣщеніе вопроса. . .

А сегодня э т о кушалъ весь вѣчный городъ. И Меня не только не выслали изъ города, но какъ разъ сегодня Мнѣ были сдѣланы первые о ф ф и ц і а л ь н ы е визиты: что то въ родѣ министра или посла или другого придворнаго

повара долго посыпало меня сахаромъ и корицей, какъ пуддингъ. Сегодня же Я возвратилъ визиты: эти вещи неприятно задерживать у себя.

Надо ли говорить, что у Меня уже есть племянникъ? У каждого американца въ Европѣ есть племянникъ, и мой не хуже другихъ. Его также зовутъ Вандергудомъ, онъ служитъ въ какомъ то посольствѣ, очень приличенъ и его плѣшивое темя такъ напомажено, что мой поцѣлуй могъ бы стать цѣлымъ завтракомъ, если бы я любилъ пахучее сало. Но надо кое чѣмъ и жертвовать, и особенно обоняніемъ. Мнѣ поцѣлуй не стоитъ ни цента, а молодому человѣку онъ открылъ широкій кредитъ на новые духи и мыло.

Но довольно! Когда я смотрю на этихъ джентельменовъ и леди и припоминаю, что они были такими и еще при дворѣ Ашурбанипала и что всѣ двѣ тысячи лѣтъ серебряники Иуды продолжаютъ приносить проценты, какъ и его поцѣлуй — мнѣ становится скучнымъ участвовать въ старой и заѣзженной пьесѣ. Ахъ, Я хочу великой игры, гдѣ само солнце было бы рампой, Я ищу свѣжести и таланта, Мнѣ нужна красивая линія и смѣлый изломъ, а съ этой труппой Я веселюсь не больше стараго капельдинера. Или это только статисты? Но порою Мнѣ начинаетъ казаться, что рѣшительно не стоило для э т о г о предпринимать

такое далекое путешествіе и мѣнять. . . старый, пышный, красочный Адъ на его цяннѣйшую репродукцію. Какъ жаль, говоря правду, что Магнусъ и его Мадонна не хотятъ немного поиграть со Мною . . . мы бы поиграли немножко. . . совсѣмъ не много!

Лишь одно утро Миѣ удалось провести съ интересомъ и даже въ волненіи. Какая то «свободная» церковка, собраніе очень серіозныхъ дамъ и муштинъ, желающихъ вѣровать по своему, пригласила Меня прочесть воскресную проповѣдь. Я надѣлъ черный сюртукъ, въ которомъ Я напоминаю . . . Топпи, и продѣлалъ передъ зеркаломъ нѣсколько особенно выразительныхъ жестовъ и выражений лица, потомъ въ автомобилѣ, какъ пророкъ — модернъ, примчался въ собраніе. Темой моей или «текстомъ» было обращеніе Иисуса къ богатому юношѣ съ предложеніемъ роздать все свое имѣніе нищимъ — и въ полчаса, какъ дважды два четыре, Я доказалъ, что любовь къ ближнимъ наилучшее помѣщеніе для капитала. Какъ практичный и осторожный американецъ, Я указалъ, что нѣтъ надобности хвататься за цѣлое Царство Небесное и сразу бросать весь капиталъ, а можно небольшими взносами и разсрочкой приобрѣтать въ немъ участки — «сухой, на высокой горѣ, съ дивнымъ видомъ на окрестности». Лица вѣрующихъ приобрѣли сосредоточенное выраженіе: видимо они

вычисляли — и сразу прояснились: Царство Божіе н а э т и х ъ условіяхъ приходилось каждому по карману. Къ несчастью въ собраніи присутствовало нѣсколько слишкомъ сообразительныхъ моихъ соотечественниковъ, и одинъ уже поднялся, чтобы предложить акціонерную компанію... цѣлымъ фонтаномъ чувствительности Я съ трудомъ загасилъ его религіозно-практическій жаръ! О чемъ Я ни говорилъ? Я нылъ о моемъ грустномъ дѣтствѣ, проведенномъ въ трудѣ и лишеніяхъ, Я завывалъ о моемъ бѣдномъ отцѣ, погибшемъ на спичечной фабрикѣ, Я тихо скулилъ о всѣхъ моихъ братьяхъ и сестрахъ во Христѣ, и здѣсь мы развели такое болото, что журналисты запаслись утками на полгода. Какъ мы плакали!

Дрожь прохватила меня отъ сырости, и рѣшительнымъ жестомъ Я хватилъ въ барабанъ моихъ милліардовъ: думъ-думъ! Все для людей, ни одного цента себѣ: думъ-думъ! Съ наглостью, достойной палокъ Я закончилъ «словами незабвеннаго Учителя:

— Прийдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ!

Ахъ, какъ жаль; что Я лишень возможности творить чудеса! Маленькое и практическое чудо, въ родѣ превращенія воды въ графинахъ въ кисленькое кванти или нѣсколькихъ слушателей въ паштеты, было совсѣмъ не лишнимъ

въ эту минуту... Ты смѣешься или негодуешь, мой земной читатель? Не надо ни того, ни другого. Помни, что необыкновенное невыразимо на твоёмъ чревоущительскомъ языкѣ, и мои слова только проклятая маска моихъ мыслей.

Маріа!

О моемъ успѣхѣ прочти въ газетахъ. Но одинъ шутъ нѣсколько испортилъ Мнѣ настроеніе: это былъ членъ Арміи Спасенія, предложившій Мнѣ немедленно взять трубу и вести Армію въ бой... это были слишкомъ дешевые лавры и Я выгналъ его и его Армію вонъ. Но Топпи!... Всю дорогу домой онъ торжественно молчалъ, и, наконецъ, сказалъ Мнѣ угрюмо и почтительно:

— Сегодня вы были въ большомъ ударѣ, м-ръ Вандергудъ. Я даже заплакалъ. Жаль, что васъ не слыжалъ Магнусъ и его дочь. . . та, понимаете? Она измѣнила бы о насъ свое мнѣніе.

Ты понимаешь, что Мнѣ искренне захотѣлось выбросить неудачнаго поклонника изъ кареты! Я снова почувствовалъ въ своемъ зрачкѣ всепроникающій взглядъ Ея очей — и буфетчикъ въ барѣ не открываетъ такъ быстро коробку съ консервами, какъ снова Я былъ вскрытъ, разложенъ на тарелкѣ и предложенъ вниманію всей публики, наполнявшей улицу. Я нахлобучилъ цилиндръ, поднялъ

воротникъ и, н а п о м и н а я съ трескомъ проваливагося трагика, молча, не отвѣчая на поклоны, удалился въ свои апартаменты. Какъ я могъ отвѣчать на поклоны, когда со Мною не было трости?

Я отклонилъ всѣ сегодняшнія приглашенія и вечеръ сижу дома: Я «занятъ религіозными размышленіями» — такъ придумалъ самъ Топпи, начавшій, кажется, уважать Меня. Передо мною виски и шампанское, Я неторопливо нализываюсь и слушаю отдаленную музыку изъ обѣденнаго зала, тамъ сегодня какой то знаменитый концертъ. Повидимому мой Вандергудъ былъ изряднымъ пьяницей и каждый вечеръ тащитъ Меня въ кабакъ, на что Я соглашаюсь. Не все ли равно? Къ счастью его хмель веселаго свойства, а не мрачнаго, и мы проводимъ часы недурно.

Сперва мы тупыми глазами осматриваемъ обстановку и нехотя соображаемъ, сколько все это: бронза, ковры, венеціанскія зеркала и прочее — можетъ стоять? Пустяки! — рѣшаемъ мы и самодовольно погружаемся въ созерцаніе нашихъ милліардовъ, нашей силы и нашего замѣчательнаго ума и характера. Съ каждой рюмкой наше блаженство все полнѣе и ярче. Съ наслаженіемъ мы купаемся въ дешевой роскоши отеля и — подумай! — Я уже дѣйствительно начинаю любить бронзу, ковры, стекло и камни. Мой пури-

танинъ Топпи осуждаетъ роскошь, она напоминаетъ ему Содомъ и Гоморру, но Мнѣ уже трудно было бы разстаться съ этими маленькими чувственными удовольствіями... какъ глупо, подумай!

Дальше мы тупо и самодовольно слушаемъ музыку и не въ тонъ подпѣваемъ незнакомымъ вещамъ. Маленькое назидательное размышленіе о декольте дамъ, если онѣ есть, и слишкомъ твердыми ногами мы наконецъ, идемъ въ опочивальню. Но что иногда случается со Мн о ю?

Вотъ сейчасъ... мы уже собирались спать, какъ вдругъ какой то неосторожный ударъ смычка и Я мгновенно весь наполняюсь вихремъ бурныхъ слезъ, любви и какой тоски! Необыкновенное становится выразимымъ, Я широкъ, какъ пространство, Я глубокъ, какъ вѣчность и въ единомъ дыханіи моемъ Я вмѣщаю все! Но какая тоска! Но какая любовь! Маріа!

Но вѣдь Я только подземное озеро въ животѣ Вандергуда и мои бури нисколько не колеблютъ его твердой поступи. Но вѣдь Я лишь солитеръ въ его желудкѣ, отъ котораго онъ тщетно ищетъ лѣкарства! Мы зовимъ и приказываемъ камеръере:

— Соды!

Я просто пьянъ. А риведерчи, синьоръ, буона notte!

18 февраля 1914 г.

Римъ, отель «Интернаціональ».

Вчера Я былъ у Магнуса. Онъ довольно таки долго заставилъ Меня ждать въ саду и вышелъ съ такимъ видомъ холоднаго равнодушія, что Мнѣ сразу захотѣлось уѣхать. Въ черной бородѣ Я замѣтилъ нѣсколько сѣдыхъ волосъ, которыхъ не видѣлъ раньше. Или Марія нездорова? Я обезпокоился. Здѣсь все такъ непрочно, что разставшись съ человѣкомъ на часъ, можешь потомъ розыскивать его въ вѣчности.

— Марія здорова, благодарю васъ — холодно отвѣтилъ Магнусъ и въ глазахъ его мелькнуло удивленіе, какъ будто мой вопросъ былъ дерзостью или неприличіемъ. — А какъ ваши дѣла, м-ръ Вандергудъ? Римскія газеты полны вами, вы имѣете успѣхъ.

Съ горечью, усиленной отсутствіемъ Маріи, Я повѣдалъ Магнусу о моемъ разочарованіи и скупѣ. Я говорилъ недурно, не безъ сарказма и остроумія: Меня все болѣе раздражали невниманіе и скука, всѣми буквами написанныя на утомленномъ и блѣдномъ лицѣ Магнуса. Онъ ни разу не улыбнулся, не переспросилъ Меня, а когда Я дошелъ до моего «племянника» Вандергуда, онъ брезгливо поморщился и нехотя вымолвилъ:

— Фи! Но вѣдь это простой фарсъ изъ «Варьете». Какъ вы можете заниматься такими пустяками, м-ръ Вандергудъ?

Я горячо возразилъ:

— Но вѣдь это не Я занимаюсь, синьоръ Магнусъ!

— А интервьюеры? А этотъ вашъ полетъ? Вы должны ихъ гнать, м-ръ Вандергудъ, это унижаетъ . . . ваши три миллиарда. Это правда, что вы читали какую то проповѣдь?

Воодушевленіе игры покинуло Меня. Нехотя, какъ нехотя слушалъ Магнусъ, Я разсказать ему о проповѣди и этихъ серьезно вѣрующихъ, которые глотаютъ кощунство, какъ мармеладъ.

— А развѣ вы ожидали чего нибудь другого, м-ръ Вандергудъ?

— Я ожидалъ, что меня побьютъ палками за наглость. Когда Я кощунственно пародировалъ эти красивыя слова Евангелія . . .

— Да, это красивыя слова — согласился Магнусъ. — Но развѣ вы до сихъ поръ не знали, что всякое богослуженіе и всякая ихняя вѣра есть кощунство? Если простая облатка у нихъ называется тѣломъ Христовымъ, а какой нибудь Сикстъ или Пій спокойно и съ добраго согласія всѣхъ католиковъ зоветъ себя Намѣстникомъ Христа, то отчего же и вамъ, американцу изъ Иллинойса, не быть Его . . . хотя бы губернаторомъ? Это не кощунство,

м-ръ Вандергудъ, это просто аллегоріи, необходимыя для грубыхъ головъ, и вы напрасно расточаете вашъ гнѣвъ. Но когда же вы приступите къ дѣлу?

Съ хорошо сдѣланной грустью Я развелъ руками:

— Я хочу дѣлать, но я не знаю, что дѣлать. Вѣроятно, не приступлю до тѣхъ поръ, пока вы, Магнусъ, не рѣшитесь оказать мнѣ помощь.

Онъ хмуρο взглянулъ на свои большія, неподвижныя, бѣлыя руки, потомъ на меня:

— Вы слишкомъ довѣрчивы, м-ръ Вандергудъ, это большой недостатокъ. . . при трехъ миллиардахъ. Нѣтъ, я для васъ не гожусь. У насъ разныя дороги.

— Но, дорогой Магнусъ! . . .

Мнѣ показалось, что онъ ударитъ Меня за это нѣжнѣйшее «дорогой», которое Я пропѣлъ наилучшимъ фальцетомъ. Но разъ дѣло доходить до бокса, то отчего не говорить дальше? Со всею сладостью, какая скопилась у Меня въ Римѣ, Я посмотрѣлъ на хмурую физиономію моего друга и еще болѣе нѣжнымъ фальцетомъ пропѣлъ:

— А какой вы національности, дорогой . . . синьоръ Магнусъ? Мнѣ почему то кажется, что вы не итальянецъ.

Онъ равнодушно отвѣтилъ:

— Да, я не итальянецъ.

— Но ваше отечество...

— Мое отечество?... *omne solum liberum libero patria*. — Вы вѣроятно, не знаете латыни? Это значитъ, м-ръ Вандергудъ: всякая свобода — отечество для свободнаго человѣка. Не хотите ли позавтракать с о мно ю?

Приглашеніе было сдѣлано такимъ ледянымъ тономъ и отсутствіе Маріи было такъ густо подчеркнуто, что Я былъ вынужденъ вѣжливо отказаться. Чертъ его возьми, этого человѣчка! — Мнѣ было вовсе не весело въ то утро, Мнѣ искренне хотѣлось дружески поплакать въ его жилетъ, а онъ на корню сушилъ всѣ мои благородные порывы. Вдохнувъ и сдѣлавъ лицо содержательнымъ, какъ уголовный романъ, Я перешелъ на другую роль, приготовленную собственно для Маріи, — понизивъ голосъ, Я сказалъ:

— Хочу быть откровеннымъ съ вами, синьоръ Магнусъ. Въ моемъ... прошломъ, есть темныя страницы, которыя я хотѣлъ бы искупить. Я...

Онъ быстро перебилъ меня:

— Во всякомъ прошломъ есть темныя страницы, м-ръ Вандергудъ, и я самъ не настолько безупреченъ, чтобы принять исповѣдь такого достойнаго джентльмена. Я плохой духовникъ — добавилъ онъ съ самой неприятной усмѣшкой: я не прощаю кающихся, а

при этомъ условіи — гдѣ же сладость исповѣди? Лучше расскажите мнѣ что нибудь еще о... вашемъ племянникѣ. Онъ молодъ?

Мы поговорили о племянникѣ — и Магнусъ вѣжливо улыбался. Потомъ мы помолчали. Потомъ Магнусъ спросилъ, былъ ли Я въ Ватиканской галлерей — и Я откланялся, передавъ мой привѣтъ синьоринѣ Маріи. Признаться, Я имѣлъ довольно жалкій видъ и почувствовалъ живѣйшую благодарность къ Магнусу, когда онъ сказалъ на прощанье:

— Не сердитесь на меня м-ръ Вандергудъ. Я нѣсколько нездоровъ сегодня и... немного озабоченъ своими дѣлами. Просто, нѣкоторый припадокъ мизантропіи. Въ другой разъ надѣюсь быть болѣе пріятнымъ собесѣдникомъ, а за сегодняшнее утро извините. Я передамъ вашъ привѣтъ Маріи.

Если этотъ чернобородый молодецъ и г р а л ь, то надо признаться, Я нашелъ достойнаго партнера! Дюжина негритянскихъ ребятъ не могла бы слизать съ моего лица той патоки, которую вызвало на немъ одно только скупое обѣщаніе Магнуса — передать мой привѣтъ Маріи. До самаго отеля Я идиотски улыбался кожаной спинѣ моего шоффера и осчастливилъ Топпи поцѣлуемъ въ темя; — каналья все еще пахнетъ мѣхомъ, какъ молодой чертенокъ!

— Вижу, что вы съѣздили не даромъ — многозначительно сказалъ Топпи. — Какъ по-

живааетъ та... дочь Магнуса, вы понимаете?

— Прекрасно, Топпи, прекрасно. Она нашла, что я на помипаю красотой и мудростью царя Соломона!

Топпи благосклонно ухмыльнулся на мою неудачную остроу, а съ Меня сразу сползла вся патока, и сахаръ замѣнился уксусомъ и желчью. Я заперся у себя и на долгое время предался холодному гнѣву на Сатану, который влюбляется въ женщину.

Когда ты влюбляешься въ женщину, мой земной товарищъ, и тебя начинаетъ трясти лихорадка любви, ты считаешь себя оригинальнымъ? А Я нѣтъ. Я вижу всѣ легіоны паръ, начиная съ Адама и Евы, Я вижу ихъ поцѣлуи и ласки, слышу ихъ слова, проклятыя проклятіемъ однообразія, и Мнѣ становится ненавистнымъ мой ротъ, смѣющій шептать чужіе шопоты, мои глаза, повторяющіе чужіе взоры, мое сердце, покорно поддающееся дешевому заводному ключу. Я вижу всѣхъ спарившихся животныхъ въ ихъ мычаніи и ласкахъ, проклятыхъ проклятіемъ однообразія, и Мнѣ становится омерзительной эта податливая масса моихъ костей, мяса и нервовъ, это проклятое тѣсто для всѣхъ. Берегись, Вочеловѣчившійся, на Тебя надвигается обманъ!

Не хочешь ли взять себѣ Марію, земной товарищъ? Возьми ее. Она твоя, а не моя.

Ахъ, если бы Марія была моей рабыней, Я надѣлъ бы ей веревку на шею и, нагую, вывелъ бы на базаръ: кто покупаетъ? Кто дастъ Мнѣ больше за неземную красоту? Ахъ, не обижайте бѣднаго слѣпота торговца: шире раскрывайте кошельки, громче звените золотомъ, щедрые господа!

Что, она не хочетъ идти? Не бойся, господинъ, она пойдетъ и будетъ любить тебя. . . это просто дѣвичій стыдъ, господинъ! Вотъ я подстегну ее этимъ концомъ веревки — хочешь, Я доведу ее до твоей опочивальни, до самого твоего ложа, добрый господинъ? Возьми ее съ веревкой, веревку я отдаю даромъ, но избавь Меня отъ небесной красоты! У нея лице пресвѣтлой Мадонны, она дочь почтеннѣйшаго Фомы Магнуса, и они оба украли: одинъ свое имя и бѣлыя руки, другая — свой пречистый ликъ! Ахъ. . . .

Но, кажется. Я начинаю играть уже съ тобой, мой дорогой читатель? Это ошибка: Я просто взялъ не ту тетрадку. Нѣтъ, это не ошибка. это хуже. Я играю оттого, что мое одиночество очень велико, очень глубоко — боюсь, что оно не имѣетъ дна совсѣмъ! Я становлюсь на краю пропасти и бросаю туда слова, множество тяжелыхъ словъ, но они падаютъ безъ звука. Я бросаю туда смѣхъ, угрозы и рыданія, Я плюю въ нее, Я свергаю въ нее груды камней, глыбы уте-

совь, Я низвергаю въ нее горы — а тамъ все пусто и глухо. Нѣтъ, положительно, у этой пропасти нѣтъ дна. товарищъ, и мы напрасно трудимся съ тѣбою и потѣемъ!

.... Но я вижу твою улыбку и твое хитрое подмаргиванье: ты понялъ, почему Я такъ кисло заговорилъ объ одиночествѣ... ахъ, эта любовь! И ты хочешь спросить: есть ли у меня любовницы?

Есть. Двѣ. Одна русская графиня, другая итальянская графиня. Онѣ различаются духами, но это такая несущественная разница, что Я одинаково люблю обѣихъ.

Ты еще хочешь спросить: поѣду ли Я къ Фомѣ Магнусу?

Да, Я поѣду къ Фомѣ Магнусу, Я очень люблю его. Это пустяки, что у него вымышленное имя и что дочь его имѣетъ дерзость походить на Мадонну., Я самъ недостаточно Вандергудъ, для того, чтобы быть особенно придирчивымъ къ именамъ — и Я самъ слишкомъ в о ч е л о в ѣ ч и л с я, чтобы не простить другому попытки о б о ж е с т в и т ь с я.

Клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, одно вполне стоитъ другого!

21 февраля 1914 г.
Римъ, вилла Орсини.

Меня посѣтилъ кардиналъ Х., ближайшій другъ и наперстникъ папы и, какъ говорятъ,

его наиболѣе вѣроятный преемникъ. Его сопровождали два аббата и, вообще, это очень важная особа, визитъ которой приноситъ Мнѣ не малую честь.

Я встрѣтилъ его преосвященство въ приѣмной моего новаго дворца и успѣлъ замѣтить, какъ нырять Топпи подъ руками священниковъ и кардинала, срывая благословенія быстро, чѣмъ ловелась поцѣлуи у красотокъ. Шесть благочестивыхъ рукъ едва успѣвали справиться съ однимъ Чертомъ, которымъ овладѣло благочестіе, и уже на порогѣ въ мой кабинетъ, онъ еще разъ успѣлъ ткнуться въ животъ кардиналу. Экстазь!

Кардиналъ Х. говоритъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и, изъ уваженія къ звѣздному флагу и милліардамъ, нашъ разговоръ велъ по англійски. Начался разговоръ съ того, что его преосвященство, поздравилъ Меня съ приобрѣтеніемъ виллы Орсини, во всѣхъ подробностяхъ за двѣсти лѣтъ разсказалъ Мнѣ исторію моего жилища. Это было неожиданно, очень длинно, мѣстами не совсѣмъ понятно и заставило меня, какъ истиннаго американскаго осла, уныло хлопать ушами... но за то Я хорошо разсмотрѣлъ моего важнаго и слишкомъ ученаго посѣтителя.

Онъ еще совсѣмъ не старъ, широкъ въ плечахъ, приземистъ и видимо, вообще крѣпкаго тѣлосложенія и здоровья. Лицо у него круп-

ное и почти квадратное; слегка оливковый цвѣтъ и густая синева на бритыхъ мѣстахъ, такія же смуглыя, но очень тонкія и красивыя руки свидѣтельствуютъ о его испанской крови — до того, какъ посвятить себя Богу, кардиналь Х., былъ испанскимъ грандомъ и герцогомъ. Но черные глаза очень малы и слишкомъ глубоко посажены подъ густыя брови, но разстояніе между короткимъ носомъ и тонкими губами слишкомъ велико... и Мнѣ это напоминаетъ кого то. Но кого? — и что это за странная манера непременно кого нибудь напоминать? Какого нибудь святого, конечно?

На мгновеніе кардиналь задумался, и вдругъ Я ясно вспомнилъ: да это просто старая бритая обезьяна! Это ея торжественно-печальная, бездонная задумчивость, это ея злой огонекъ въ узенькомъ зрачкѣ! Но уже въ слѣдующее мгновеніе кардиналь смѣялся, игралъ лицомъ и жестами, какъ неаполитанскій лаццароне — онъ не рассказывалъ Мнѣ исторію дворца, онъ игралъ, онъ представлялъ ее въ лицахъ и драматическихъ монологахъ! У него короткія, совсѣмъ не обезьяньи ручки и, когда онъ взмахиваетъ ими, онъ похожъ скорѣе на пингвина, а голосъ его напоминаетъ говорящаго попугая — кто же ты, наконецъ?

Нѣтъ, обезьяна! Вотъ онъ снова засмѣялся и Я вижу, что онъ не умѣетъ смѣяться.

Словно только вчера онъ научился этому чело­вѣческому искусству, очень любить смѣхъ, но каждый разъ съ трудомъ находить его въ своей неприспособленной гортани, давится зву­ками, кудахтаеть, почти стонеть. Нельзя не вторить этому странному смѣху, онъ заразителенъ, но уже скоро начинаетъ ло­мить челюсти, зубы, и мускулы дере­вѣютъ.

Это было замѣчательно, Я положительно увлекся созерцаніемъ, когда кардиналь Х. внезапно оборвалъ свою лекцію о виллѣ Ор­сини припадкомъ стонущаго смѣха и спокойно замолчалъ. Перебиралъ четки тонкими паль­цами, спокойно молчалъ и смотрѣлъ на Меня съ выраженіемъ глубочайшей преданности и нѣжнѣйшей любви: что то въ родѣ слезъ за­свѣтилось въ его черныхъ глазахъ — такъ Я ему нравился, такъ онъ любилъ Меня! Сби­тый съ мысли внезапной остановкой, когда поѣздъ гналъ подъ уклонъ, Я тоже молчалъ и — что же дѣлать! — также нѣжно смотрѣлъ на его квадратное обезьянье лицо. Нѣжность переходила въ любовь, любовь становилась страстью, а мы все молчали... еще мгно­веніе, и мы задушимъ другъ друга въ объ­ятыхъ!

— Вотъ вы и въ Римѣ, м-ръ Вандергудъ — сладко пропѣла старая обезьяна, не мѣняя своего любовнаго взора.

— Вотъ я и въ Римѣ — покорно согласился Я, продолжая смотрѣть съ тою же грѣховной страстью.

— А вы знаете, м-ръ Вандергудъ, зачѣмъ я къ вамъ пріѣхалъ? — кромѣ, конечно, удовольствія познакомиться и т. д.?

Я подумалъ и съ тѣмъ же пылкимъ взглядомъ отвѣтилъ:

— За деньгами, ваше преозвященство?

Кардиналь коротко взмахнулъ крылышками, засмѣялся, похлопалъ себя по колѣнкѣмъ — и снова застылъ въ любовномъ созерцаніи моего носа. Это нѣмое обожаніе, на которое Я отвѣчалъ удвоенной страстью, начало приводить Меня въ очень странное состояніе. Я нарочно рассказываю тебѣ такъ подробно, чтобы ты понялъ мое желаніе въ эту минуту — пойти колесомъ, запѣть нѣтухомъ, рассказать наилучшій арканзасскій анекдотъ или попросту предложить его преосвященству: снять сутану и дружески поиграть въ чехарду!

— Ваше преосвященство. . . .

— Я очень люблю американцевъ, м-ръ Вандергудъ.

— Ваше преосвященство! Въ Арканзасѣ рассказываютъ. . . .

— Но вы хотите скорѣе къ дѣлу? Я понимаю ваше нетерпѣніе — денежные дѣла любятъ поспѣшность, не такъ ли?

— Смотри по тому, на какомъ стулѣ вы сидите, ваше преосвященство.

Квадратное лицо кардинала стало серьезнымъ и въ глазахъ мелькнулъ любовный укорь:

— Не гнѣвайтесь на мое увлеченье, м-ръ Вандергудъ. Я такъ люблю исторію нашего великаго города, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи. . . Развѣ то, что вы видите теперь, есть Римъ? Рима нѣтъ, м-ръ Вандергудъ. Когда то это было вѣчнымъ городомъ, а теперь это лишь большой городъ, и чѣмъ онъ больше, тѣмъ онъ дальше отъ вѣчности. Гдѣ тотъ великій Духъ, который осѣнялъ его?

Я не стану передавать тебѣ всей болтовни фіолетоваго попугая, его нѣжно-каннибальскихъ взглядовъ, кривляній и смѣха. Вотъ что сказала Мнѣ старая бритая обезьяна, когда наконецъ угомонилась:

— Ваше несчастье въ томъ, м-ръ Вандергудъ, что вы слишкомъ любите людей. . . .

— Возлюби ближняго. . .

— Ну и пусть ближніе любятъ другъ друга, учите ихъ этому, внушайте, приказывайте, но зачѣмъ это вамъ? Когда слишкомъ любятъ, то не замѣчаютъ недостатковъ любимаго предмета, и еще хуже: ихъ охотно возводятъ въ достоинства. Какъ же вы будете исправлять людей, дѣлать ихъ счастливыми, не зная ихъ недостатковъ, пороки принимая за добродѣтели? Когда любятъ,

то и жалбють, а жалость убиваетъ силу. Видите, я вполне откровененъ съ вами, м-ръ Вандергудъ, и еще разъ скажу: любовь — это безсиліе. Любовь вытащить у васъ деньги изъ кармана и потратить ихъ... на румяна! Предоставьте тѣмъ, кто на низу, любить другъ друга, требуйте отъ нихъ этого, но вы, вознесенный такъ высоко, одаренный такимъ могуществомъ! . . .

— Но что же мнѣ дѣлать, ваше преосвященство? Я теряюсь. Съ дѣтства, и именно въ церкви, мнѣ твердили о необходимости любви, я повѣрилъ и вотъ . . .

Кардиналь задумался. Какъ и смѣхъ, задумчивость приходила къ нему внезапно и сразу дѣлала его квадратное лицо нѣмымъ, скорбно унылымъ и немного наивно торжественнымъ. Выпятивъ впередъ и склеивъ свои тонкія губы, опершись подбородкомъ на ладонь, онъ неподвижно уставилъ на Меня свои острые запавшіе глаза, и въ нихъ была печаль. Онъ словно ждалъ окончанія моей фразы и, не дождавшись, вздохнулъ и замигалъ глазами.

— Дѣтство, да . . . пробормоталъ онъ, все также печально моргая. — Дѣти, да. Но вѣдь теперь вы не дитя? Забудьте, вотъ и все. Чудесный даръ забвенія, знаете?

Онъ слегка оскалилъ бѣлые зубы и многозначительно почесалъ носъ тонкимъ пальцемъ. И продолжалъ серьезно:

— Но это все равно, м-ръ Вандергудъ, вы сами ничего сдѣлать не можете. . . да, да! Надо знать людей, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми — вѣдь это ваша благородная задача? — а знаетъ людей только Церковь. Она мать и воспитательница въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ, и ея опытъ единственныи, могу сказать, непогрѣшимый. Насколько я знакомъ съ вашей жизнью вы опытный скотоводъ, м-ръ Вандергудъ? И, конечно, вы знаете, что такое опытъ даже по отношенію къ такимъ несложенымъ существамъ, какъ. . .

— Какъ свиньи.

Онъ испуганно мигнулъ на Меня глазами — и вдругъ залаялъ, закудахталъ, завылъ: это онъ смѣялся.

— Свиньи? Это очень хорошо, это великолѣпно, м-ръ Вандергудъ, но не забудьте, что въ нихъ иногда вселяются бѣсы!

Покончивъ съ своимъ смѣхомъ, онъ продолжалъ:

— Уча, мы учимся сами. Я не скажу, чтобы всѣ методы воспитанія и исправленія, которые примѣняла Церковь, были одинаково удачны. Нѣтъ, мы часто ошибались, но каждая наша ошибка вела къ упорядоченію нашихъ приемовъ. . . Мы совершенствуемся, м-ръ Вандергудъ, мы совершенствуемся!

Я намекнулъ на быстрый ростъ рационализма, который въ самомъ близкомъ будущемъ грозитъ гибелью «усовершенствованной» церкви, но кардиналъ Х. снова замахалъ короткими обрубками крыльевъ и положительно завылъ отъ смѣха:

— Рационализмъ! Да у васъ несомнѣнный талантъ юмориста, м-ръ Вандергудъ! Скажите, извѣстный Маркъ Твенъ не вашъ ли соотечественникъ?... да, да! Рационализмъ! А вы припоминаете, отъ какого слова это происходитъ и что значитъ *ratio*? *An nescis, mi filis, quantilla sapientia rigitur orbis.* Ахъ, дорогой Вандергудъ, говорить на этой землѣ о *раціо* еще болѣе неумѣстно, нежели упоминать о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго!

Я смотрѣлъ на эту старую обезьяну, какъ она веселилась, и мнѣ самому становилось весело. Я вглядывался въ эту смѣсь мартышки, говорящаго попугая, пингвина, лисицы, волка— и что еще тамъ есть? — и Мнѣ самому стало смѣшно: Я люблю веселыхъ самоубійць. Мы еще долго потѣшались надъ несчастнымъ *раціо*, пока его преосвященство не успокоился и не перешелъ въ наставительный тонъ:

— Какъ антисемитизмъ есть социализмъ дураковъ...

— А вы знакомы и?...

— Вѣдь мы же совершенствуемся!... такъ и рационализмъ есть умъ глушцовъ. Только

безнадежный глупец остана вливается на рацію, а умный идетъ дальше. Да и для отпѣтаго глупца его рацію лишь праздничное платье, этотъ всеобщій пиджакъ, который онъ надѣваетъ для людей, а живетъ онъ, спитъ, работаетъ, любитъ и умираетъ, воя отъ ужаса, безъ всякаго рацію. — Вы боитесь смерти, м-ръ Вандергудъ?

Мнѣ не хотѣлось отвѣчать, и Я промолчалъ.

— Напрасно стѣсняетесь, м-ръ Вандергудъ: е я и слѣдуетъ бояться. А пока есть смерть...

Вдругъ лице бритой обезьяны стало плаксивымъ и въ глазахъ выразились ужась и злоба: точно кто нибудь схватилъ ее за шиворотъ и сразу бросилъ назадъ, въ глушь, тьму и ужась первобытнаго лѣса. Онъ боялся смерти и страхъ его былъ темень, золь и безграничень. И Мнѣ не надо было словъ и доказательствъ: достаточно было только взглянуть на это искаженное, помутнѣвшее, потерянное лицо ч е л о в ѣ к а, чтобы низко и всеподданѣйше поклониться Великому Ирраціональному. Но какова сила и хней стадности: мой Вандергудъ также поблѣднѣлъ и скорчился... ахъ, мошенникъ! теперь онъ просилъ защиты и помощи у Меня!

— Не хотите ли вина, ваше преосвященство?

Но преосвященство уже опомнилось. Оно скривило тонкія губы въ улыбку и отрицательно помотало головой — по виду, тяжело-

ватой таки. И другъ воспрянуло съ неожиданной силой:

— И пока есть смерть, Церковь незыблема! Качайте ее всѣ, подкапывайтесь, валите, взрывайте — вамъ ее не повалить. А если бы это и случилось, то первыми подъ развалинами погибнете вы. Кто тогда защититъ васъ отъ смерти? Кто т о г д а дастъ вамъ сладкую вѣру въ безсмертіе, въ вѣчную жизнь, въ вѣчное блаженство?... Повѣрьте, м-ръ Вандергудъ, міръ вовсе, вовсе не хочетъ вашего раціо, это недоразумѣніе!

— А чего же онъ хочетъ, ваше преосвященство?

— Чего онъ хочетъ? *Mundus vult decipi...* вы знаете нашу латынь? Міръ хочетъ быть обмануть!

И старая обезьяна снова развеселилась, замигала, закривлялась, ударила себя по колѣнямъ и захлебнулась въ стонущемъ смѣхѣ. Я также засмѣялся: такъ потѣшенъ былъ этотъ старый шуллеръ, раскладывающій пасьянсъ краплеными картами.

— И именно вы — сказалъ Я, смѣясь — и хотите обмануть его?

Кардиналь Х. сталъ снова серіозенъ и печально сказалъ:

— Святой Престоль нуждается въ деньгахъ, м-ръ Вандергудъ. Міръ если и не сталъ рационалистомъ, то сдѣлался недовѣрчивѣе, и

съ нимъ трудненько таки ладить — онъ искренне вздохнулъ и продолжалъ: вы не социалистъ, м-ръ Вандергудъ?... Ахъ, не стѣсняйтесь, мы всѣ теперь социалисты, мы теперь на сторонѣ голодныхъ. Пусть кушаютъ побольше: чѣмъ они будутъ сытѣе, тѣмъ смерть, понимаете?...

Онъ широко, насколько могъ, развелъ руки, изображая вершу, въ которую бѣжить рыба, и оскалится:

— Вѣдь мы рыбаки, м-ръ Вандергудъ, скромные рыбаки!... А скажите: стремленіе къ свободѣ вы почитаете порокомъ или добродѣтелью?

— Весь цивилизованный міръ считаетъ стремленіе къ свободѣ добродѣтелью, — возмущенно отозвался Я.

— Я и не ожидалъ иного отвѣта отъ гражданина Соединенныхъ Штатовъ. А вы лично не думаете ли, что тотъ, кто принесетъ чело-вѣку безграничную свободу, тотъ принесетъ ему и смерть? Вѣдь только смерть развязываетъ всѣ земныя узы, и не кажутся ли вамъ эти слова: свобода и смерть — простыми синонимами? ✓

Въ этотъ разъ старой обезьянѣ удалось довольно таки ловко кольнуть меня подъ седьмое ребро. Я вспомнилъ моего Вандергуда, справился съ моимъ счетчикомъ и уклончиво отвѣтилъ:

— Я говорю о политической свободѣ.

— О политической? О, это пожалуйста! Это сколько угодно! Конечно... если они сами захотятъ ея. Захотятъ, вы увѣрены? О, тогда пожалуйста, сколько угодно! Это вздоръ и клевета, что Св. Престоль всегда за реакцію и какъ тамъ... Я имѣлъ честь присутствовать на балконѣ Ватикана, когда Его Святѣйшество благословилъ первый французскій аэропланъ, показавшійся надъ Римомъ, а слѣдующій папа — я убѣжденъ — съ охотою благословитъ баррикады. Времена Галилеевъ прошли, м-ръ Вандергудъ, и мы всѣ теперь хорошо знаемъ, что земля — вращается!

Онъ повертѣлъ пальцами, изображая какъ вращается земля, и дружески подмигнулъ, давая и мнѣ долю въ своей шуллерской игрѣ. Я съ достоинствомъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ подумать о вашемъ предложеніи, ваше преосвященство.

Кардиналь Х. быстро вскочилъ съ кресла и нѣжно, двумя аристократическими пальцами, коснулся моего плеча:

— О, я не тороплю васъ, добрѣйшій м-ръ Вандергудъ, это вы меня торопили. Я даже увѣренъ, что въ началѣ вы откажете мнѣ, но когда вы, маленькимъ опытомъ убѣдитесь, что нужно для счастья человѣка... Вѣдь я и самъ его люблю, м-ръ Вандергудъ, правда, не такъ страстно и...

И съ тѣми же кривляніями онъ удалился, торжественно волоча свою сутану и раздавая благословенія. Но въ мое окно Я еще разъ увидѣлъ его у подъѣзда, пока подавалась замедлившая карета: онъ что то говорилъ въ пол-оборота одному изъ своихъ аббатовъ, въ его почтительно склоненную черную тарелку, и лице его уже не напоминало старой обезьяны: скорѣе это было мордой бритаго, голоднаго и утомленнаго льва. Этотъ талантливый малый не нуждался въ уборной для грима! А позади него стоялъ высокій, весь въ черномъ лакей, похожій на молодого англійскаго баронета, и всякій разъ, когда взоръ его преосвященства случайно скользилъ по его лицу и фигурѣ, онъ слегка приподнималъ свой черный матовый цилиндръ.

По отъѣздѣ его преосвященства Меня окружили радостной толпой мои друзья, которыми Я, во избѣжаніе одиночества и скуки, набилъ заднія комнаты моего дворца. Топпи были горды и спокойно счастливы: онъ такъ насытился благословеніями, что казался даже пополнѣвш имъ. Художники, декораторы, реставраторы и какъ ихъ тамъ еще? — были польщены визитомъ кардинала и съ чувствомъ говорили о необыкновенной выразительности его лица,

о величественности его манеръ: о, это гранде синьоръ! Самъ папа... Но когда Я съ наивностью краснокожаго замѣтилъ, что Мнѣ онъ напоминаетъ старую бритую обезьяну, эти хитрыя каналы разразились веселымъ смѣхомъ, и кто то быстро набросалъ превосходный портретъ кардинала X. . . . въ клѣткѣ. Я не моралистъ, чтобы судить людей за ихъ маленькіе грѣшки: имъ и такъ порядочно достанется на Страшномъ Судѣ! — и Мнѣ искренне понравилась талантливость насмѣшливыхъ бестій. Кажется, всѣ они не особенно вѣрятъ въ мою необыкновенную любовь къ людямъ, и если покопаться въ ихъ рисункахъ, то можно, безъ сомнѣнія, найти недурного Осла-Вандергуда, и это Мнѣ нравится. Съ моими маленькими и пріятными грѣшниками Я слегка отдыхаю отъ большого и непріятнаго нраведника . . . у котораго руки въ крови.

Потомъ Топпи спросилъ Меня:

— А сколько онъ просить?

— Все.

Топпи рѣшительно сказалъ:

— Всего не давайте. Онъ обѣщалъ сдѣлать меня пономаремъ, но все таки, много не давайте. Деньги надо беречь.

Съ Топпи каждый день случаются непріятныя исторіи: его надѣляютъ фальшивыми лирами. Когда это произошло съ нимъ въ

первый разъ, онъ имѣлъ видъ крайняго смущенія и покорно выслушалъ мой строгій выговоръ:

— Ты меня положительно удивляешь, Топпи — строго сказалъ Я: такому старому Черту неприлично получать фальшивыя бумажки отъ людей и оставаться въ дуракахъ. Стыдись, Топпи! И Я боюсь, что ты подъ конецъ простопустишь Меня съ сумой.

Теперь Топпи, по прежнему путаясь среди настоящаго и поддѣльнаго, старается беречь то и другое: въ денежныхъ дѣлахъ онъ шепетилень и кардиналъ напрасно пытался подкупить его. Но Топпи пономарь! . . .

.. А бритой обезьянѣ очень хочется трехъ миллиардовъ; видно у Св. Престола животь подвело не на шутку. Я долго всматривался въ талантливую карриатуру, и она все меньше нравилась Мнѣ: нѣтъ, это не то. Хорошо схвачено смѣшное, но нѣтъ того огонька злобы, который непрерывно пробѣгаетъ подъ сѣрымъ пепломъ ужаса. Схвачено звѣриное и человѣческое, но оно не слито въ ту необыкновенную маску, которая теперь, на разстояніи, когда Я не вижу самага кардинала Х. и не слышу его труднаго хохота, начинаетъ крайне неприятно волновать Меня. Или необыкновенное невыразимо и карандашомъ?

Въ сущности, онъ довольно дешевый мошенникъ, не много больше простаго карманника,

и ничего новаго не сказалъ Мнѣ: онъ не только человѣкоподобень, но и умоподобень, и оттого такъ яростень его презрительный смѣхъ надъ истиннымъ раціо. Но онъ показаль Мнѣ с е б я и . . . не обижайся на мою американскую невѣжливость, читатель: гдѣ то за его широкими плечами, вогнувшимися отъ страха, мелькнулъ и твой дорогой образъ. Нѣчто въ родѣ сна, понимаешь: какъ будто кто то душиль тебя и ты придушеннымъ голосомъ кричалъ въ небо: карауль, стража! Ахъ, ты не знаешь т р е т ь я г о, что не есть ни жизнь, ни смерть, и Я понимаю, к т о душиль тебя своими костлявыми пальцами!

А Я развѣ з н а ю?

О, посмѣйся надъ насмѣшникомъ, товарищъ, кажется наступаетъ твоя очередь веселиться. А Я развѣ з н а ю? Изъ великихъ глубинъ Я пришелъ къ тебѣ, веселый и ясный, одаренный знаніемъ моего Безсмертія . . . и вотъ Я уже колеблюсь, и вотъ Я уже ощущаю трепеть передъ этой бритой обезьяньей рожей, которая смѣетъ такъ нагло-величаво вырывать свой низкій страхъ. Ахъ, Я даже не продалъ моего Безсмертія: Я просто п р и с п а л ь его, какъ глупая мать до смерти присыпаетъ своего грудного младенца — оно просто вылиняло подъ твоимъ солнцемъ и дождями — и оно стало прозрачной матеріей безъ рисунка, неспособной прикрыть наготы прилич-

наго джентельмена! Гнилое вандергудовское болото, въ которомъ Я сижу до самыхъ глазъ, обволакиваетъ Меня тinou, дурманитъ мое сознание своими ядовитыми парами, душитъ нестерпимой вонью разложенія. Когда ты начинаешь разлагаться, товарищъ: на второй, на третій день или смотря по климату? А Я уже разлагаюсь и Меня тошнитъ отъ запаха моихъ внутренностей. Или ты только принюхался отъ времени и привычки и работу червей принимаешь просто — за подъемъ мыслей и вдохновенія?

Боже мой, но Я забыть, что у Меня могутъ быть и прекрасныя читательницы! усердно прошу прощенія, уважаемая леди, за это немѣстное разсужденіе о запахахъ. Я неприятный собесѣдникъ, миледи, и Я еще болѣе скверный парфюмеръ... нѣтъ, еще хуже: Я отвратительная помѣсь Сатаны съ американскимъ медвѣдемъ и Я совсѣмъ не умѣю цѣнить вашей благосклонности....

Нѣтъ! Я еще Сатана! Я еще знаю, что Я безсмертенъ и когда повелитъ воля моя, самъ притяну къ своему горлу костлявые пальцы. Но если Я забуду?

Тогда Я роздамъ мое имѣніе нищимъ и съ тобою, товарищъ, поползу на поклоненіе къ старой бритой обезьянѣ, прильну моимъ американскимъ лицомъ къ ея туфлѣ, отъ которой исходитъ благодать. Я буду плакать, я буду

вопить отъ ужаса: спаси Меня отъ Смерти! А старая обезьяна, тщательно упаливъ съ лица всѣ волосы, облекшись, сверкая, сіяя, озаряя — и сама трясясь отъ злого ужаса, будетъ торопливо обманывать міръ, который такъ хочетъ быть обманутъ.

Но это шутки. Я хочу быть серіозенъ. Мнѣ правится кардиналь X. и Я позволю ему слегка позолотиться около моихъ милліардовъ. И Я усталъ. Надо спать. Меня уже поджидаютъ моя постель и Вандергудъ. Я закрою свѣтъ и въ темнотѣ еще минуту буду слушать, какъ утомленно стучить мой счетчикъ, а потомъ прійдетъ геніальный, но пьяный пьянисть и начнетъ барабанить по чернымъ клавишамъ моего мозга. Онъ все помнить, и все забытъ, этотъ геніальный пьяница, и вдохновенные пассажи мѣшаетъ съ икотой.

Это — сонъ.

II

22 февраля.

Римъ, вилла Орсини.

Магнуса не оказалось дома и Меня приняла Марія. Великое спокойствіе снизошло на Меня, великимъ спокойствіемъ дышу Я сейчасъ. Какъ шкуна съ опущенными парусами, Я дремлю въ полуденномъ зноѣ заснувшаго океана. Ни шороха, ни всплеска. Я боюсь шевельнуться и шире открыть солнечно-слѣпыя глаза, Я боюсь, неосторожно вздохнуть, поднять легкую рябь на безграничной глади. И Я тихо кладу перо.

23 февраля, вилла Орсини.

Фомы Магнуса не оказалось дома и Меня, поразивъ неожиданностью, приняла Марія.

Право, это неинтересно, какъ Я кланялся и что Я тамъ бормоталъ въ первыя минуты. Скажу, пожалуй, что Я бормоталъ нѣсколько невнятныхъ, чѣмъ могъ бы, и что Мнѣ ужасно хотѣлось смѣяться. Я долго не поднималъ

глазъ на Марію, пока не переодѣлъ свои мысли въ чистое бѣлье и не высморкалъ всѣхъ своихъ шаловливыхъ дѣтишекъ — какъ видишь, соображеніе не совсѣмъ покинуло Меня!

Но Я напрасно готовилъ этотъ плац-парадъ и тревожилъ вахмистра: того испытанія не послѣдовало. Взоръ Маріи былъ простъ и ясенъ и не было въ немъ ни пронизывающей силы смертельнаго свѣта, ни божественнаго вопроса, ни убивающаго всепрощенія. Онъ былъ спокоенъ и ясенъ, какъ небо надъ Кампаньей и — Я не знаю, какъ это случилось — тою же ясностью озарилась и вся моя преисподняя. Какъ смутныя тѣни ночного смотра, всколыхнулись и уплыли мои прекрасно построенные солдаты и стало во Мнѣ свѣтло, пустынно и тихо, стало во мнѣ радостно радостью пустыни, гдѣ доселѣ не былъ человѣкъ. Милый, прости, что Я становлюсь поэтомъ и поблагодари за нѣжное обращеніе: милый — это даръ Маріи, который она шлетъ черезъ Меня!

Она встрѣтила Меня въ саду и Мы сѣли у ограды, откуда такъ хорошо видна Кампанья. Когда смотришь на Кампанью, тогда можно и не болтать пустяковъ, не правда ли? Нѣтъ, это она смотрѣла на Кампанью, а Я смотрѣлъ въ Ея глаза, гдѣ Я видѣлъ и Кампанью, и небо, и еще другое небо — вплоть до седьмого, гдѣ ты кончаешь счетъ всѣмъ твоимъ небесамъ, человѣче. Мы молчали — или говорили, если

ты хочешь считать разговоромъ такіе вопросы и отвѣты:

— Это горы синѣютъ?

— Да, это синѣютъ Албанскія горы. Тамъ — Тиволи.

Потомъ она разыскивала маленькіе, какъ крупинки, бѣлые домики и показывала ихъ Мнѣ, и Я смотрѣлъ, и Мнѣ казалось, что и тамъ чувствуютъ внезапное спокойствіе и радость отъ взора Маріи. Подозрительное сходство Маріи съ Мадонной уже не тревожило Меня: какъ Я могу тревожиться, что ты похожа на т е б я? — и наступила минута, когда великое спокойствіе снизошло на Меня. У Меня нѣтъ словъ и сравненій, чтобы Я понятно рассказалъ тебѣ объ этомъ, великомъ и свѣтломъ покоѣ. . . Мнѣ все лѣзетъ въ голову эта проклятая шкуна съ опущенными парусами, на которой Я никогда не плавалъ, такъ какъ боюсь морской болѣзни! Не потому ли, что и въ этотъ ночной часъ моего одиночества мой путь озаряетъ З в ѣ з д а М о р е й? Ну да, Я былъ шкуной, если хочешь, а если не хочешь, то Я былъ в с ѣ м ѣ. Кромѣ того Я былъ н и ч ѣ м ѣ. Видишь, какая это получается чепуха, когда Вандергудъ ищетъ сравненій и словъ?

Я такъ былъ спокоенъ, что вскорѣ пересталъ даже смотрѣть въ глаза Маріи: Я просто в ѣ р и л ѣ и м ѣ, это глубже, чѣмъ смотрѣть. Когда нужно будетъ, Я ихъ найду, а пока

буду шкуной съ опущенными парусами, буду всѣмъ, буду ничѣмъ. Одинъ разъ только легонькій вѣтерокъ кольхнулъ мои паруса, да и то ненадолго: когда Марія указала на Тибуртинскую дорогу, бѣлой ниткой разсѣкавшую зеленые холмы и спросила: ѣздилъ ли Я по этой дорогѣ?

— Да, неоднократно, синьорина.

— Я часто смотрю на эту дорогу и думаю, что по ней пріятно мчаться въ автомобилѣ. У васъ быстрый автомобиль, синьоръ?

— О, да, синьорина, очень быстрый! Но для тѣхъ,— продолжалъ Я съ нѣжнымъ укоромъ — для тѣхъ, кто самъ есть пространство и безконечность, всякое движеніе излишне.

Марія — и автомобиль! Крылатый ангель, сапящійся въ метрополитенъ для быстроты! Ласточка, сѣдлающая черепаху! Стрѣла на горбатой спинѣ носильщика тяжестей! Ахъ, всѣ сравненія лгутъ: зачѣмъ ласточка и стрѣла, зачѣмъ самое быстрое движеніе для Маріи и, въ которой заключены всѣ пространства! Но это Я сейчасъ придумалъ про метро и черепаху, а тогда спокойствіе мое было такъ велико и блаженно, что не вмѣщало и не знало иныхъ образовъ, кромѣ образа вѣчности и немеркнущаго свѣта. /

Великое спокойствіе снизошло на Меня въ тотъ день и ничто не могло возмутить его безконечной глади. Вѣроятно, мы были очень

недолго съ Маріей, когда вернулся Фома Магнусъ и привѣтствовалъ Меня — и летающая рыба, на мгновение мелькнувшая надъ океаномъ, не больше возмутить его синюю гладь, нежели сдѣлалъ это Магнусъ. Я принялъ его вглубь себя, — Я спокойно проглотилъ его и ощутилъ такъ же мало тяжести въ желудкѣ, какъ китъ, проглотившій селедку. Но Мнѣ было пріятно, что Магнусъ привѣтливъ и веселъ, что онъ такъ крѣпко жметъ Мою руку и смотритъ ясными и добрыми глазами. Даже лицо его показалось Мнѣ менѣе блѣднымъ и утомленнымъ, чѣмъ обычно.

Меня оставили завтракать. . . скажу заранѣе, чтобы ты не очень волновался, что я пробылъ у нихъ до поздней ночи. Когда Марія удалилась, Я рассказалъ Магнусу про посѣщеніе кардинала X. Веселое лицо Магнуса слегка потемнѣло и въ глазахъ блеснулъ прежній враждебный огонекъ.

— Кардиналъ X.? Онъ былъ у васъ?

Я подробно передалъ нашу бесѣду съ «бритой обезьяной» и скромно замѣтилъ, что онъ кажется Мнѣ мошенникомъ не изъ крупныхъ. Магнусъ замѣтно поморщился и строго сказалъ:

— Вы напрасно смѣтаетесь, м-ръ Вандергудъ. Я давно знаю кардинала X. и. . . слѣжу за нимъ. Это злой, жестокій и опасный деспотъ. Не смотря на свою смѣшную вѣншность, онъ

коваренъ, безпощаденъ и мстителенъ, какъ Сатана! . . .

И ты, Магнусъ! Какъ Сатана! Этотъ снѣгій бритый орангъ-утангъ эта ляскающая горилла, эта мартышка, кривляющаяся передъ зеркальцемъ! Но Я превозмогъ чувство оскорбленія, оно пошло камнемъ на дно моего блаженства, и слушалъ дальше.

— Его заигрыванія съ социалистами, его шуточки надъ Галилеемъ — ложь. Какъ враги повѣсили Кромвеля послѣ его смерти, такъ и кардиналъ Х. съ наслажденіемъ сжегъ бы кости Галилея: вращеніе земли онъ до сихъ поръ переживаетъ, какъ личное оскорбленіе. Это старая школа, м-ръ Вандергудъ: для устраненія препятствій на своемъ пути, онъ не остановится передъ ядомъ, перель убійствомъ изъ-за угла, которое будетъ имѣть всѣ черты несчастной случайности. Вы улыбае-тесь, но я не могу смотрѣть съ улыбкой на Ватиканъ, пока есть въ немъ такіе . . . а въ немъ всегда есть кто нибудь, подобный кардиналу Х. Будьте на сторожѣ, м-ръ Вандергудъ: вы попали въ поле его зрѣнія и его интересовъ, и теперь уже десятки глазъ слѣдятъ за вами. . . а можетъ быть, и за мной. Берегитесь, мой другъ!

Мнѣ онъ показался даже взволнованнымъ и съ неподдѣльнымъ жаромъ Я потрясъ его руку:

— Ахъ, Магнусъ! . . . Но когда же вы согласитесь помочь мнѣ?

— Но вѣдь вамъ же извѣстно, что я не люблю людей. Это вы ихъ любите, м-ръ Вандергудъ, но не я — въ глазахъ его мелькнула прежняя насмѣшливая улыбка.

— Кардиналь говоритъ, что вовсе не надо любить людей, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми . . . наоборотъ!

— А кто вамъ сказалъ, что я хочу дѣлать людей счастливыми? Это опять вы хотите, но не я. Отдайте ваши милліарды кардиналу Х., его рецептъ счастья нисколько не хуже другихъ патентованныхъ средствъ. Правда, его средство въ одномъ отношеніи нѣсколько неудобно: давая счастіе, оно уничтожаетъ людей . . . но развѣ это важно? Вы слишкомъ дѣловой человѣкъ, м-ръ Вандергудъ, и я вижу, что вы недостаточно знакомы съ міромъ нашихъ изобрѣтателей Наилучшаго Средства Для Счастья Человѣчества: этихъ средствъ больше, нежели наилучшей мази для рошенія волосъ. Я самъ былъ фантазеромъ и кое-что изобрѣталъ въ молодости . . . такъ, немного химіи . . . однимъ неудачнымъ взрывомъ мнѣ опалило даже волосы, и я очень радуюсь, что тогда не встрѣтился съ вашими милліардами. Я шучу, м-ръ Вандергудъ, но если хотите, то вотъ мой серіозной совѣтъ: растите и множьте вашихъ свиней, дѣлайте изъ

трехъ миллиардовъ четыре, продавайте не совсѣмъ гнилые консервы и оставьте заботы о счастья челоуѣчества. Пока мѣръ будетъ любить хорошую вядчину, онъ не оставитъ васъ . . . своею любовью!

— А тѣ, кто не имѣетъ средствъ к у ш а т ь вядчину?

— А какое вамъ дѣло до тѣхъ? Это у нихъ, — извиняюсь за рѣзкость — бурчить въ животъ, а не у васъ. . . . когда же бурчаніе станетъ слишкомъ громкимъ, то не одинъ вы его услышите, не безпокойтесь. — Поздравляю васъ съ новымъ жилищемъ: я знаю виллу Орсини, это прекрасный остатокъ стараго Рима. . .

Еще онъ прочтетъ Мнѣ лекцію о моемъ дворцѣ! Да, Магнусъ снова отстранялъ Меня и дѣлалъ это рѣзко и грубо, но въ голосѣ его не было суровости и темные глаза смотрѣли мягко и добродушно, что жъ-чортъ его возьми, челоуѣчество съ его счастьемъ и вядчиной! Потомъ Я найду лазейку въ упрямую голову Магнуса, а пока никому не отдамъ моего великаго покоя и. . . Маріи. Великое спокойствіе и. . . Сатана! — развѣ это не великолѣпный трюкъ въ моей и грѣ? И что за великій лжеецъ, который умѣетъ обманывать только другихъ? Солги себѣ такъ, чтобы повѣрить — вотъ это искусство!

Послѣ завтрака мы в т р о е м ь бродили по пологимъ холмамъ и скатамъ Кампаньи. Была

еще ранняя весна и только бѣлые маленькіе цвѣточки нѣжно озаряли молодую и слабую зелень, и вѣтеръ былъ нѣженъ и пахучъ, и четко рисовались домики въ далекомъ Альбану. Марія шла впереди изрѣдка останавливаясь и божественными очами своими окидывая все видимое — и Я непремѣнно закажу моему мазилкѣ, чтобы онъ такъ написалъ Мадонну: на коврѣ изъ слабой зелени и маленькихъ бѣленькихъ цвѣточковъ. Магнусъ былъ такъ веселъ и простъ, что Я снова повторилъ ему о сходствѣ Маріи съ Мадонной и рассказалъ о моихъ несчастныхъ мазилкахъ, которые ищутъ натуру. Онъ засмѣялся и потомъ серьезно подтвердилъ мою догадку о необыкновенномъ сходствѣ и лице его стало печально.

— Это роковое сходство, м-ръ Вандергудъ. Помните что я въ одну тяжелую минуту говорилъ вамъ о крови? У ногъ моей Маріи уже есть кровь. . . одного благороднаго юноши, память котораго мы чтимъ съ Маріей. Не для одной Изиды необходимо покрывало: есть роковыя л и ц а, есть роковыя с х о д с т в а, которыя смущаютъ нашъ духъ и ведутъ его къ пропасти самоуничтоженія. Я отецъ Маріи, но я самъ едва смѣю коснуться устами ея лба — какія же неодолимая преграды воздвигнетъ сама себѣ любовь, когда осмѣлится поднять глаза на Марію?

Это была единственная минута въ томъ счастливомъ днѣ, когда на мой океанъ набѣжали страшныя тучи, косматыя какъ борода сумасшедшаго Лира, и дикій вѣтеръ бѣшено рвануль паруса. Но Я подняль глаза на Марію, Я встрѣтилъ Ея взоръ, онъ былъ спокоенъ и ясенъ, какъ небо надъ нашими головами — и дикій вихрь бѣжалъ и скрылся безслѣдно, унося за собою частицу мрака. Не знаю, говорятъ ли тебѣ эти морскія сравненія, которыя Я самъ считаю неудачными, и поэтому поясню: Я снова сталъ совершенно спокоенъ. Что Мнѣ благородный римскій юноша, такъ и ненашедшій сравненій и свалившійся черезъ голову съ своего Пегаса? Я бѣлокрылая шкуна и подо мною цѣлый океанъ. И развѣ не про Нее сказано: не сравненна я!

День былъ дологъ и спокоенъ, и Мнѣ очень понравилась спокойная правильность, съ какою солнце съ своей вышины скатывалось къ краю земли, — съ какою высыпали звѣзды на небо, сперва большія, потомъ маленькія, пока все небо не заискрилось и не засверкало — съ какою медленно нарастала темнота — съ какою въ свой часъ вышла розовая луна, сперва немного ржавая, потомъ блестящая, — съ какою поплыла она по пути, освобожденному и согрѣтому солнцемъ. Но^е больше всего Мнѣ понравилось, когда мы сидѣли съ Магнусомъ въ

полутемной комнатѣ и слушали Марію: она играла на арфѣ и пѣла.

И, слушая арфу, Я понялъ, почему человекъ для своей музыки такъ любить туго натянутыя струны.: Я самъ былъ туго натянутой струною и уже не касался Меня палецъ, а звукъ все еще дрожалъ и гудѣлъ замирая, и замиралъ такъ медленно, въ такой глубинѣ, что и до сихъ поръ Я слышу его. И вдругъ Я увидѣлъ, что весь воздухъ пронизанъ напряженно дрожащими струнами: онѣ тянутся отъ звѣзды къ звѣздѣ, разбѣгаются по землѣ, соединяются — и всѣ проходятъ черезъ мое сердце. . . какъ телефонные провода черезъ центральную станцію, если ты хочешь болѣе понятныхъ сравненій! И еще Я понялъ кое-что, когда слушалъ голосъ Маріи. . .

Нѣтъ, ты просто животное, Вандергудъ! Когда Я припоминаю твои крикливыя жалобы на любовь и ея пѣсни, проклятыя проклятіемъ однообразія — ты, кажется, такъ выразился? — Мнѣ хочется отправить тебя въ хлѣвъ. Ты просто грязное и скучное животное, и Мнѣ стыдно, что въ теченіи цѣлаго часа Я вѣжливо слушалъ твое тупое мычаніе. Презирай слова и ласки,, проклинай объятія, но не коснись Любви, товарищъ: только черезъ нее тебѣ дано бросить быстрый взглядъ въ самое Вѣчность! Пойди прочь, мой другъ. Оставь Сатану, который въ самой черной глу-

бинѣ челоуѣчности вдругъ наткнулся на новые неожиданные огни. Уйди, ты не долженъ видѣть уди в л е н і я и радост и Сатаны!

Быль уже поздній часъ и луна стояла полночно, когда Я покинулъ домъ Магнуса и приказалъ шофферу ѣхать по Номентанской дорогѣ: Я боялся, что мое великое спокойствіе ускользнетъ отъ Меня, и хотѣлъ настичь его въ глубинѣ Кампаньи. Но быстрое движеніе разгоняло тишину и Я оставилъ машину. Она сразу заснула въ лунномъ свѣтѣ, надъ своей черной тѣнью она стала, какъ большой сѣрый камень надъ дорогой, еще разъ блеснула на Меня чѣмъ то и претворилась въ невидимое. Остался только Я съ моей тѣнью.

Мы шли по бѣлой дорогѣ, Я и моя тѣнь, останавливались и снова шли. Я сѣлъ на камень при дорогѣ и черная тѣнь спряталась за моей спиною. И здѣсь великое спокойствіе снизошло на землю, на міръ, и моего холоднаго лба коснулся холодный поцѣлуй луны.

2 марта

Римъ, вилла Орсини.

Всѣ эти дни Я провожу въ глубокомъ уединеніи.

Мое вочелоуѣченіе начинаетъ тревожить Меня. Съ каждымъ часомъ Меня покидаетъ

память о томъ, что Я оставилъ за стѣною
 человѣчности. Съ каждой минутой слабѣетъ
 мое зрѣніе: стѣна почти непроницаема, еле
 движутся за нею слабыя тѣни и Я уже не
 различаю ихъ очертаній. Съ каждой секун-
 дой тупѣетъ мой слухъ: Я слышу тихій пискъ
 мыши, скребущейся подъ поломъ, и Я глухъ
 къ громамъ, обвѣвающимъ мою голову. Жи-
 вое безмолвіе объемлетъ Меня и тщетно ловлю
 Я напряженнымъ слухомъ голоса откро-
 венія: они остались за той же непрони-
 цаемой стѣною. Съ каждымъ мгновениемъ
 удаляется отъ Меня истина. Напрасно
 Я шлю ей въ догонку стрѣлы моихъ словъ:
 онѣ пролетаютъ мимо. Напрасно Я окружаю
 ее тѣсными объятіями моихъ мыслей, око-
 вываю желѣзомъ цѣпей: плѣнница усколь-
 заетъ, какъ воздухъ, и моими объятіями Я
 душу пустоту. Еще вчера Мнѣ казалось, что
 Я настигъ мою добычу, и Я плѣнилъ ее, и тол-
 стой цѣпью Я приковалъ ее къ стѣнѣ, а когда
 взглянулъ поутру — къ стѣнѣ былъ прикованъ
 скелетъ. На позвонкахъ его шеи свобод-
 но висѣла ржавая цѣпь и нагло смѣялся
 оскаленный черепъ.

Какъ видишь, Я снова ищу словъ и срав-
 неній, беру въ руки плетъ, отъ которой убѣ-
 гаетъ истина! Но что же Мнѣ дѣлать,
 если все мое оружіе Я оставилъ дома и
 могу пользоваться только твоимъ негоднымъ

арсеналомъ? Вочеловѣчь самого Бога, если ты Его осилишь, Иаковъ, и онъ тотчасъ же заговорить съ тобою на превосходномъ еврейскомъ или французскомъ языкѣ, и не скажетъ больше того, что можно сказать на превосходномъ еврейскомъ или французскомъ языкѣ. Богъ! . . . а Я только Сатана, скромный, неосторожный, вочеловѣчившійся Чертъ!

Конечно, это было совсѣмъ неосторожно. Но когда Я смотрѣлъ отсюда на твою человѣческую жизнь. . . нѣтъ, стой: вотъ Мы сразу и попались съ тобою во лжи, человѣче! Когда Я сказалъ отсюда — ты сразу понялъ, что это очень далеко, да? Можетъ быть, ты уже опредѣлилъ приблизительно и мили, вѣдь въ твоёмъ распоряженіи сколько угодно нулей? Ахъ, это не вѣрно: мое отсюда такъ же близко отсюда какъ и самое настоящее здѣсь — видишь, какая это безмыслица и ложь, въ которой мы танцуемъ съ тобою! Брось метръ и вѣсы и слушай такъ, какъ будто за твоей спиной не тикаютъ часы, а въ твоей груди не отвѣчаетъ имъ счетчикъ. Такъ вотъ: когда Я смотрѣлъ на твою жизнь отсюда (пойдемъ на компромисъ и назовемъ это «изъ-за границы») она видѣлась Мною, какъ славная и веселая игра неумирующихъ частицъ.

Ты знаешь, что такое театръ куколъ? Когда одна кукла разбивается, ее замѣняютъ другою, но театръ продолжается, музыка не умол-

каеть, зрители рукоплещутъ, и это очень интересно. Развѣ зритель заботится о томъ, куда бросаютъ разбитые черепки и идетъ за ними до мусорнаго ящика? — онъ смотритъ на игру и веселится. И Мнѣ было такъ весело — и литавры такъ зазывно звучали — и клоуны такъ забавно кувыркались и дѣлали глупости — и Я такъ люблю безсмертную игру, что Я самъ пожелалъ превратиться въ актера. Ахъ, Я еще не зналъ тогда, что это вовсе не и г р а и что мусорный ящикъ такъ страшенъ, когда самъ становишься куклой, и что изъ разбитыхъ черепковъ течетъ к р о в ь — ты обманулъ Меня, мой теперешній товарищъ!

Но ты удивленъ, ты презрительно шуришь твои оловянные глаза и спрашиваешь: что же это за Сатана, который н е з н а е т ь такихъ простыхъ вещей? Ты привыкъ уважать чертей, ты самага глупаго бѣса считаешь достойнымъ любой кафедры, ты уже отдалъ мнѣ твой долларъ какъ профессору бѣлой и черной магіи — и вдругъ Я оказываюсь такимъ невѣждой въ самыхъ простыхъ вещахъ! Я понимаю твое разочарованіе, я самъ нынѣ чту гадалокъ и карты, Мнѣ очень стыдно сознаваться, что Я не умѣю сдѣлать ни одного плохенькаго фокуса и блоху убиваю не взглядомъ, а просто пальцемъ — но правда для Меня всего дороже: да, Я не зналъ твоихъ

простыхъ вещей! Повидимому, всему виной граница, которая отдѣляетъ насъ: какъ ты не знаешь моего и не можешь произнести такой пустой вещи, какъ мое истинное Имя, такъ и Я не знаю твоего, моя земная тѣнь, и лишь теперь съ восторгомъ разбираюсь въ твоёмъ огромномъ богатствѣ. Подумай: даже простому счету Меня научилъ только Вандергудъ, и Я самъ не съумѣлъ бы застегнуть пуговицъ на моемъ платкѣ, если бы не привычныя и ловкія пальцы того же молодца Вандергуда!

Теперь Я человекъ, какъ и ты. Ограниченное чувство моего бытія Я почитаю моимъ знаніемъ, и уже съ уваженіемъ касаюсь собственнаго носа, когда къ тому понуждаетъ надобность: это не просто носъ — это аксіома! Теперь Я самъ бьющаяся кукла на театрѣ марионетокъ моя фарфоровая головка поворачивается вправо и влѣво, мои руки треплются вверхъ и внизъ, Я веселъ, Я играю, Я все знаю . . . кромѣ того: чья рука дергаетъ Меня за нитку? А вдали чернѣетъ мусорный ящикъ и оттуда торчатъ двѣ маленькія ножки въ бальныхъ туфелькахъ. . . .

Нѣтъ, это не та игра безсмертныхъ, къ которой Я стремился, и это такъ же мало напоминаетъ веселье, какъ корчи эпилептика хорошій негритянской танецъ! Здѣсь каждый есть то, что онъ есть, и здѣсь каждый хочетъ

быть не тѣмъ, что онъ есть — и этотъ безконечный процессъ о подлогахъ Я принялъ за веселый театр: какая грубая ошибка, какая глупость для «всемогушаго, безсмертнаго» . . . Сатаны. Здѣсь всѣ тащатъ другъ друга въ судъ: живые мертвыхъ, мертвые живыхъ, Исторія тѣхъ и другихъ, а Богъ Исторію — и эту безконечную клязу, этотъ грязный потокъ лже-свидѣтелей, лже-присягъ, лже-судей и лже-мошенниковъ Я принялъ за и г р у безсмертныхъ? Или Я не туда попалъ? Скажи Мнѣ, уважаемый туземецъ: куда ведетъ эта дорога? Ты блѣднѣешь, твой палецъ, дрожа, указываетъ на что то . . . ахъ, это мусорный ящикъ!

Вчера Я спрашивалъ Топпи о его п р е ж н е й жизни, когда онъ впервые вочеловѣчился: Мнѣ хотѣлось лучше узнать, что чувствуетъ кукла, когда у нея лопаается головка или обрывается нить, которая приводитъ ее въ движеніе? Мы закурили по трубочкѣ и за кружкой пива, какъ два добрые нѣмца, занялись немногого философіей. Оказалось, однако, что эта тупая голова почти все уже з а б ы л а и мои вопросы приводили ее въ стыдливое смущеніе.

— Неужели ты все забылъ, Топпи!

— Сами станете умирать, тогда узнаете. Я не люблю объ этомъ вспоминать, что хорошаго!

— Значить, нехорошо?

— А вы слышали, чтобы ктонибудь это хвалиль?

— Да, это вѣрно. Никто не хвалиль.

— Да и не похвалить. Я ужь знаю!

Мы помолчали.

— А ты помнишь, Топпи, откуда ты?

— Изъ Иллинойса, откуда и вы.

— Нѣтъ, я говорю про другое. Ты помнишь откуда ты? Ты помнишь твое настоящее Имя?

Топпи странно посмотрѣлъ на Меня, слегка поблѣднѣлъ и долго въ молчаніи выколачиваль свою трубку. Потомъ поднялся и сказалъ, не поднимая глазъ:

— Прошу васъ такъ со мною не говорить, м-ръ Вандергудъ. Я честный гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ и вашихъ намековъ не понимаю.

Онъ еще помнитъ, онъ не спроста такъ поблѣднѣлъ — но уже стремится забыть и скоро забудеть! Ему не посиламъ эта двойная тяжесть: земли и неба, и онъ весь отдается землѣ! Пройдетъ еще время и если Я заговорю съ нимъ о Сатанѣ, онъ отвезетъ Меня въ сумасшедшій домъ... или напишетъ доносъ кардиналу X.

— Я тебя уважаю, Топпи. Ты очень хорошо вочеловѣчился — сказалъ Я и поцѣловаль Топпи въ темя Я цѣлую въ темя тѣхъ, кого люблю.

И Я снова отправился въ зеленую пустынную Кампанью: Я слѣдую лучшимъ образцамъ и, когда Меня искушаютъ, я удаляюсь въ пустыню. Тамъ Я долго заклиналъ и звалъ Сатану, и Онъ не хотѣлъ Мнѣ отвѣтить. Вочеловѣчившійся, долго я лежалъ во прахѣ, умоляя, когда отдаленно зазвучали во Мнѣ легкіе шаги и свѣтлая сила подняла Меня ввысь. И вновь увидѣлъ Я покинутый Эдемъ, его зеленыя кущи, его немеркнущія зори, его тихіе свѣты надъ тихими водами. И вновь услышалъ Я безмолвные шопоты безтѣлесныхъ устъ и къ очамъ моимъ безтрепетно приблизилась Истина, и Я протянулъ къ ней мои скованныя руки: освободи!

— Марія.

Кто сказалъ: Марія? Но бѣжалъ Сатана, погасли тихіе свѣты надъ тихими водами, исчезла испуганная Истина — и вотъ снова сижу я на землѣ, вочеловѣчившійся, тупо смотрю нарисованными глазами на нарисованный міръ, а на колѣняхъ моихъ лежатъ мои скованныя руки.

— Марія!

... Мнѣ грустно сознаваться, что все это Я выдумалъ: и пришествіе Сатаны съ его «легкими и звучными» шагами, и эдемскіе сады и скованныя руки. Но Мнѣ нужно было твое вниманіе и Я не зналъ, какъ обойтись безъ Эдема

и кандаловъ, этихъ противоположностей, которыми ты замыкаешь разные концы твоей жизни. И райскіе сады — это такъ красиво! Кандалы — какъ это ужасно! И насколько это значительнѣе, чѣмъ просто сидѣть на пыльномъ бугоркѣ съ сигарою въ свободныхъ рукахъ размышлять лѣниво и, зѣвая, поглядывать на часы и дорогу въ ожиданіи шоффера. А Марію Я приплелъ просто потому, что съ этого бугорка видны черные кипарисы надъ бѣлымъ домикомъ Магнуса, и невольная ассоціація идей . . . понимаешь?

Можетъ ли человѣкъ съ такимъ зрѣніемъ увидѣть Сатану? Можетъ ли человѣкъ съ такимъ оупѣвшимся слухомъ услышать какіе то «безтѣлесные шопоты» или какъ тамъ? Вздоръ! И пожалуйста, Я прошу тебя: зови Меня просто Вандергудомъ. Отнынѣ и до того дня, какъ Я разобью себѣ голову игрушкой, что отворяетъ самую узкую дверь въ самый широкій просторъ — зови Меня просто Вандергудомъ, Генри Вандергудомъ изъ Иллинойса: Я буду послушно и быстро отзываться.

Но если, человѣче, ты увидишь въ нѣкій день мою голову раздробленной, то внимательнѣе взглядишь въ осколки: тамъ въ красныхъ знакахъ будетъ начертано гордое имя Сатаны! Согни выю и поклонись Ему низко, — но че-

репковъ до мусорнаго ящика не провожай: не надо такъ почитительно сгибаться передъ сброшенными цѣпиями!

9 марта 1914 г.

Римъ, вилла Орсини.

Вчера, ночью, у Меня былъ важный разговоръ съ Фомой Магнусомъ.

Когда Марія удалилась къ себѣ, Я по обыкновенію почти тотчасъ же собрался ѣхать домой, но Магнусъ удержалъ Меня.

— Куда вамъ ѣхать, м-ръ Вандергудъ? Оставайтесь ночевать. Послушайте, какъ бѣснуется сумасшедшій Мартъ!

Уже нѣсколько дней надъ Римомъ бродили тяжелыя тучи и косою дождь порывами сѣкъ стѣны и развалины, и въ это утро Я прочелъ въ какой то газеткѣ выразительный бюллетень о погодѣ: *cielo nuvolo, il vento forte e more molto agitato*. Къ вечеру ненастье превратилось въ бурю и взволнованное море перекинуло черезъ 90 миль свой влажный запахъ въ стѣны самого Рима. И настоящее римское море, его волнистая Кампанья запѣла всѣми голосами бури, какъ океанъ, и мгновеніями чудилось, что ея недвижные холмы, ея застывшія извѣка волны уже поколебались на своихъ основаніяхъ и всѣмъ стадомъ надвигаются на городскія

стѣны. «Сумасшедшій» Мартъ, этотъ расторопный дѣлатель страха и бурь, стремительно носился по ея простору, каждую блѣдную травинку за волосы пригибалъ къ землѣ, задышался, какъ загнанный и цѣлыми охапками, поспѣшно, бросалъ вѣтеръ въ стонущіе кипарисы. Иногда онъ бросался чѣмъ то и потяжелѣе: черепитчатая крыша домика дрожала подъ ударами, а каменные стѣны гудѣли такъ, будто внутри самихъ камней дышалъ и искалъ выхода пойманный вѣтеръ.

Весь вечеръ мы слушали бурю. Марія была спокойна, но Магнусъ замѣтно нервничалъ, часто потиралъ свои большія бѣлыя руки и осторожно прислушивался къ талантливымъ имитациямъ вѣтра: къ его разбойничьему свисту, крику и воплямъ, смѣху и стомамъ. . . расторопный артистъ ухитрялся одновременно быть убійцей и жертвой, душить и страстно молить о помощи! Если бы у Магнуса были подвижныя уши звѣря, онѣ все время стояли бы напряженно. Его тонкій носъ вздрагивалъ, темные глаза совсѣмъ потемнѣли, какъ будто и на нихъ легли отраженія тучъ, тонкія губы кривила быстрая и странная усмѣшка. Я былъ также взволнованъ: во всѣ дни моего вочеловѣченія Я впервые слышалъ такую бурю и она подняла во Мнѣ всѣ былые страхи: почти съ ужасомъ ребенка Я старался избѣгать глазами оконъ, за которыми стояла тьма.

Почему она не идет сюда? — думалъ Я: развѣ стекло можетъ ее удержать, если она захочетъ ворваться?...

Нѣсколько разъ кто то громко стучалъ и съ силою потрясалъ желѣзные ворота, въ которыя когда то стучались и мы съ Топпи.

— Это мой шофферъ пріѣхалъ за мною — сказалъ Я: надо ему открыть.

Магнусъ искоса взглянулъ на Меня и угрюмо отвѣтилъ:

— Съ той стороны нѣтъ дороги. Тамъ только поле. Это сумасшедшій Мартъ просится сюда.

Точно слова его были услышаны: узанный Мартъ разсмѣялся и удалился, насвистывая. Но вскорѣ новые удары сотрясли желѣзную дверь и нѣсколько голосовъ, крича и перебивая другъ друга, безпокойно и тревожно говорили о чемъ то; слышно было, какъ плачетъ маленькій ребенокъ.

— Это заблудившіеся...вы слышите, ребенокъ! Надо открыть.

— А вотъ мы посмотримъ — сердито отозвался Магнусъ.

— Я съ вами, Магнусъ.

— Сидите, Вандергудъ. Мнѣ достаточно этого товарища — онъ быстро досталъ изъ стола тотъ револьверъ и съ особеннымъ чувствомъ любви и даже нѣжности мягко охватилъ его широкой ладонью и бережно

сунуль въ карманъ. Онъ вышелъ и слышенъ былъ крикъ, которымъ его встрѣтили у воротъ.

Въ тотъ вечеръ Я избѣгалъ почему то ясныхъ взоровъ Маріи, и Мнѣ сдѣлалось неловко, когда мы остались одни. И вдругъ Мнѣ захотѣлось упасть на полъ, подползти къ Ней на колѣняхъ и тихонько свернуться у Ея ногъ, такъ, чтобы Ея платье тихо-тихо касалось моего лица: Мнѣ казалось, что на спинѣ у Меня растутъ волосы и если ихъ погладить, то посыплются искры, и тогда Мнѣ станетъ легче. Такъ Я мысленно все подползаль, все подползаль къ Ней, когда вошелъ Магнусъ и молча положилъ револьверъ обратно. Голоса у дверей утикли и стукъ прекратился.

— Кто это? . . . спросила Марія.

Магнусъ сердито стряхнулъ съ себя капельки дождя.

— Сумасшедшій Мартъ. Кому же больше?

— Но вы кажется говорили съ нимъ? — пошутилъ Я, скрывая неприятную дрожь холода, который вошелъ вмѣстѣ съ Магнусомъ.

— Да. Я сказалъ ему, что это неприлично — таскать за собою такую подозрительную толпу. Онъ извинился и больше не прійдетъ — Магнусъ усмѣхнулся и добавилъ: Убѣжденъ, что сегодня всѣ разбойники Рима и Кампаньи грезятъ засадами и кровью и цѣлуютъ свои стилеты, какъ возлюбленныхъ. . .

Послышался снова неясный и какъ будто робкій стукъ.

— Опять! — сердито крикнулъ Магнусъ, словно сумасшедшій Мартъ и въ правду обѣщаль ему не стучать больше. Но за стукомъ послышался и звонокъ: это пріѣхаль мой шофферъ. Марія удалилась, а Мнѣ, какъ сказано, Магнусъ предложилъ остаться, на что Я послѣ небольшого колебанія и согласился: Мнѣ совсѣмъ мало нравился Магнусъ съ его револьверомъ и усмѣшками, но еще меньше нравилась глупая тьма.

Любезный хозяинъ самъ пошелъ, чтобы отпустить шоффера. Въ одно изъ оконъ Я видѣлъ, какъ широко и ярко блеснули при поворотѣ электрическіе прожектора машины, и на минуту Мнѣ ужасно захотѣлось домой, къ моимъ пріятнымъ грѣшникамъ, которые теперь потягиваютъ вино въ ожиданіи Меня . . . ахъ, Я уже давно отказался отъ добродѣтели и веду порочную жизнь пьяницы и игрока! И опять, какъ въ ту первую ночь, тихій бѣлый домикъ, эта душа Маріи, показался Мнѣ подозрительнымъ и страшнымъ: этотъ револьверъ, эти пятна крови на бѣлыхъ рукахъ . . . а можетъ быть, и еще гдѣ нибудь найдутся такія пятна?

Но было уже поздно раздумывать, машина ушла и возвратившійся Магнусъ имѣлъ при свѣтѣ не синюю, а очень черную и краси-

вую бороду и глаза его привѣтливо улыбались. Въ широкой рукѣ онъ несъ не оружіе, а двѣ бутылки вина, и еще издали весело крикнулъ:

— Въ такую ночь только и остается, что пить вино. Мнѣ и Мартъ при разговорѣ показался пьянымъ... гуляка! Вашъ стаканъ, Вандергудъ!

Но когда стаканы были налиты, этотъ веселый пьяница едва коснулся вина и глубоко усѣлся въ кресло, предоставивъ Мнѣ пить и разговаривать. Безъ особаго воодушевленія, слушая шумъ вѣтра и думая о томъ, какъ длинна предстоящая ночь, Я рассказалъ Магнусу о новыхъ настойчивыхъ посѣщеніяхъ кардинала X. Кажется, кардиналъ дѣйствительно приставилъ ко мнѣ шпионовъ, но что еще болѣе удивительно и странно: съумѣлъ чѣмъ то подѣйствовать на неподкупнаго Топпи. Онъ остался все тѣмъ же преданнымъ другомъ, но сдѣлался мраченъ, почти каждый день ходитъ на исповѣдь и сурово убѣждаетъ Меня принять католичество.

Магнусъ спокойно слушалъ мое повѣствованіе, и еще съ большей неохотой Я рассказалъ о множествѣ неудачныхъ попытокъ развязать мой кошелекъ: о безконечномъ количествѣ прошеній, написанныхъ дурнымъ языкомъ, гдѣ правда кажется ложью отъ скучнаго однообразія слезъ, поклоновъ и наивной лести, о сумасшедшихъ изобрѣтателяхъ, о торопли-

выхъ прожектерахъ, стремящихся со всевозможной быстротой использовать свой недолгий отпускъ изъ тюрьмы — обо всемъ этомъ обглоданномъ человѣчествѣ, которое запахъ слабо защищенныхъ милліардовъ доводитъ до изступленія. Мои секретари, а ихъ теперь работаетъ цѣлыхъ шесть человѣкъ, едва успѣваютъ справляться со всей этой массой слезливой бумаги и бѣшено говорливыхъ людей, стерегущихъ каждую дверь моего дворца.

— Боюсь, что мнѣ придется сдѣлать для себя подземный ходъ: они стерегутъ меня и по ночамъ. Они устремились на меня съ лопатами и мотыками, какъ на Клондайкъ, и втыкаютъ въ меня заявки. Болтовня этихъ проклятыхъ газетъ о милліардахъ, которые я готовъ отдать предъявителю любой язвы на ногѣ или пустого кармана, свела ихъ съ ума. Думаю, что въ одну прекрасную ночь они просто подѣлятъ меня на порціи и съѣдятъ. Они уже открыли ко мнѣ паломничество, какъ въ Лурдъ и приѣзжаютъ съ чемоданами. Мои дамы, которыя считаютъ меня своей собственностью, нашли для меня небольшой дантевскій адъ, гдѣ мы ежедневно гуляемъ всѣмъ обществомъ: вчера мы цѣлый часъ созерцали какую то безмозглую старуху, все достоинство которой въ томъ, что она съумѣла пережить своего мужа, дѣтей и всѣхъ внуковъ и теперь

нуждается въ нюхательномъ табакѣ. А еще одинъ сердитый старикъ не хотѣлъ успокоиться и не бралъ даже денегъ до тѣхъ поръ, пока всѣ мы не понюхали, какъ пахнетъ старя рана на его ногѣ. Пахнетъ, дѣйствительно, скверно. Этотъ сердитый старикъ гордость моихъ дамъ и, какъ всѣ фавориты, капризенъ. А еще. . . вамъ не скучно меня слушать, Магнусъ? Я могу рассказать вамъ еще про цѣлую уйму оборванныхъ отцовъ, голодныхъ дѣтей, зеленыхъ и гнилыхъ, какъ нѣкоторые сорта сыра, про благородныхъ геніевъ, презирающихъ меня, какъ негра, про остроумныхъ пьяницъ съ веселыми красными носами. . . Мои дамы неохотно показываютъ пьяницъ, но мнѣ они нравятся больше всего остального товара. А вамъ, синьоръ Магнусъ?

Магнусъ молчалъ. Мнѣ надоѣло говорить и Я тоже замолчалъ. Одинъ безумный Мартъ продолжалъ неутомимо разыгрывать свои шутки: теперь онъ сидѣлъ на крышѣ и старался прогрызть ее по самой серединѣ, хрустѣлъ черепицей, какъ сахаромъ. Магнусъ прервалъ молчаніе:

— Послѣдніе дни о васъ очень мало пишутъ газеты. Что случилось?

— Я плачу интервьюерамъ, чтобы они не писали. Сперва я просто прогналъ ихъ, но они стали интервьюировать моихъ лошадей, и теперь я плачу имъ за каждую строчку мол-

чанія. Не найдется ли у васъ покупатель на мою виллу, Магнусъ? Я ее продаю вмѣстѣ съ художниками и остальнымъ инвентарѣмъ.

Мы снова основательно помолчали и прошли по комнатѣ: сперва прошелся Магнусъ и сѣлъ, потомъ прошелся Я и также сѣлъ. Кромѣ того, Я еще выпилъ два стакана вина а Магнусъ ни одного... о, у этого господина носъ никогда не покраснѣетъ! Вдругъ онъ рѣшительно сказалъ:

— Не пейте больше вина, Вандергудъ.

— О! Хорошо, я больше не буду пить вина. Это все?

Дальнѣйшіе вопросы свои Магнусъ предлагалъ съ большими промежутками молчанія. Тонъ его голоса былъ суровъ и рѣзокъ, мой... мелодиченъ, сказалъ бы Я.

— Въ васъ произошла большая переменна, Вандергудъ.

— Очень возможно. Благодарю васъ, Магнусъ.

— Прежде вы были живѣе. Теперь вы почти не шутите. Вы стали очень мрачнымъ субъектомъ, Вандергудъ.

— О!

— Вы даже похудѣли и лобъ у васъ желтый. Это правда, что вы каждую ночь напиваетесь съ вашими... друзьями?

— Кажется.

— Играете въ карты, бросаете золото и недавно за вашимъ столомъ чуть не произошло убійство?

— Боюсь, что правда. Я припоминаю, что одинъ джентельменъ дѣйствительно хотѣлъ проткнуть вилкой другого джентельмена. А откуда вамъ это извѣстно, Магнусъ?

Онъ отвѣтилъ сурово и многозначительно.

— Вчера у меня былъ м-ръ Топпи. Онъ добивался свиданія съ... Маріей, но я принялъ его самъ. При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, Вандергудъ, я долженъ отмѣтить, что секретарь вашъ на рѣдкость глупъ.

Я холодно согласился.

— Вы совершенно правы. Вамъ слѣдовало выгнать его.

Долженъ отмѣтить въ свою очередь, что при имени Маріи два послѣдніе стакана мгновенно испарились изъ Меня и при дальнѣйшемъ разговорѣ вино улетучивалось также быстро, какъ эфиръ изъ открытой банки... Я всегда думалъ, что это непрочная вещь! Снова мы послушали бурю и Я сказалъ:

— Вѣтеръ, кажется, сильнѣетъ, синьоръ Магнусъ.

— Да, вѣтеръ, кажется, сильнѣетъ, м-ръ Вандергудъ. Но вы должны признать, что я своевременно предупредилъ васъ, м-ръ Вандергудъ!

— Въ чемъ вы меня своевременно предупредали, синьоръ Магнусъ?

Онъ охватилъ колѣна своими бѣлыми руками и устремилъ на Меня взоръ заклипателя змѣй . . . ахъ, онъ не зналъ, что Я самъ вырвалъ у себя ядовитые зубы и теперь безвреденъ, какъ чучело въ музеѣ! Наконецъ онъ понялъ, что нѣтъ смысла такъ долго фиксировать простыя бутылочныя стекла и перешелъ къ слову:

— Я васъ предупреждалъ относительно Маріи — медленно и внушительно промолвилъ онъ. — Вы помните, что я не хотѣлъ . . . знакомства съ вами и выражалъ это довольно ясно? Вы не забыли, что я говорилъ вамъ о Маріи, о ея роковомъ вліяніи на души? Но вы были настойчивы, смѣлы, и я уступилъ. Теперь вы желаете представить намъ, мнѣ и дочери, чувствительное зрѣлище разлагающагося джентельмена, который ничего не проситъ и даже не упрекаетъ, но не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока всѣми не будетъ осмотрѣна его рана . . . я не хочу повторять точно вашихъ выраженій, м-ръ Вандергудъ, въ нихъ слишкомъ много дурного запаха. Да, сударь, вы достаточно откровенно говорили о вашихъ . . . ближнихъ, и я искренне радъ, что вы бросили, наконецъ, эту дешевую игру въ любовь и человѣчество. . . у васъ такъ много другихъ забавъ! Но, при-

знаюсъ, меня совсѣмъ не радуеть ваше щедрое намѣреніе подарить намъ останки джентльмена. Мнѣ кажется, сударь, что вы напрасно уѣхали изъ Америки и не продолжаете вашего дѣла съ . . . консервами: общеніе съ людьми требуетъ совсѣмъ иныхъ способностей.

Онъ насмѣхался! Онъ почти выгонялъ Меня, этотъ человѣчекъ, и Я, который пишетъ себя съ большой буквы, Я — покорно и смиренно выслушалъ его. Это было боже-ственно смѣшно! Одна комическая подроб-ность для любителей веселаго чтенія: передъ началомъ его тирады мои глаза и моя сигара въ зубахъ были довольно бодро и небрежно подняты кверху — къ концу они опустились. . . . Я до сихъ поръ чувствую на зу-бахъ этотъ горькій вкусъ уныло свисшей, потухшей, выскользящей сигары. Я зады-хался отъ смѣха. . . точнѣе, Я еще не зналъ: задохнуться ли Мнѣ отъ смѣха или отъ гнѣва? Или — не задыхаясь ни отъ того, ни отъ дру-гого, попросить зонтикъ отъ дождя и уда-литься? Ахъ, онъ былъ дома, онъ былъ на сво-ей землѣ, этотъ сердитый человѣчекъ съ черной бородою, онъ зналъ, что надо дѣлать въ этихъ случаяхъ и онъ пѣлъ соло а не дуэтомъ, какъ эти неразлучные Сатана изъ вѣчности и Вандергудъ изъ Илли-нойса!

— Сударь! — сказала Я съ достоинствомъ: здѣсь произошло печальное недоразумѣніе. Передъ вами вочеловѣчившійся Сатана . . . вы понимаете? Онъ вышелъ на вечернюю прогулку и неосторожно заблудился въ лѣсу . . . въ лѣсу, сударь, въ лѣсу! Не будете ли добры, сударь, и не укажете ли ему ближайшей дороги къ вѣчности? Ага! Благодарю васъ, я такъ и думалъ. Прощайте!

Конечно, Я этого не сказала. Я молчалъ, предоставивъ слово Вандергуду, и вотъ что сказалъ этотъ почтенный джентльменъ, выпустивъ изо рта потухшую и мокрую сигару:

— Чертъ возьми! Вы правы, Магнусъ. Благодарю васъ, старина. Да, вы честно предупредали меня, но я пожелалъ играть въ одиночку. Теперь я банкротъ и въ вашемъ распоряженіи. Ничего не имѣю противъ, если вы распорядитесь вынести останки джентльмена.

Я думалъ, что, не ожидая носилокъ, Магнусъ просто выброситъ останки въ окно, но великодушіе этого господина было по истинѣ изумительно: онъ взглянулъ на Меня съ состраданіемъ и даже протянулъ руку для пожатія.

— Вы очень страдаете, м-ръ Вандергудъ?

Вопросъ, на который довольно трудно отвѣтить знаменитому дуэту! Я моргнулъ глазами и поднялъ плечи. Кажется, это удо-

влетворило Магнуса и на нѣсколько минутъ мы погрузились въ сосредоточенное молчаніе. Не знаю, о чемъ думаль Магнусъ, но Я не думаль ни о чемъ: Я просто разглядываль съ большимъ интересомъ стѣны, потолокъ, книги, картинки на стѣнахъ, всю эту обстановку человѣческаго жилища. Особенно заинтересовала Меня электрическая лампочка, на которой Я остановилъ надолго мое вниманіе: почему э т о горить и свѣтитъ?

— Я жду вашего слова, м-ръ Вандергудъ.

Онъ еще ждетъ моего слова? Хорошо.

— Дѣло очень просто, Магнусъ. . . вѣдь вы предупреждали меня? Завтра мой Топши укладываетъ чемоданы и я ѣду въ Америку продолжать дѣло съ. . . консервами.

— А кардиналь?

— Какой кардиналь? Ахъ, да! . . . Кардиналь X. и миллиарды? Какже, я помню. Но — не смотрите на меня такъ удивленно, Магнусъ — мнѣ это надоѣло.

— Что именно вамъ надоѣло, м-ръ Вандергудъ?

— Э т о. Шестъ секретарей, безмозглыя старухи, нюхательный табакъ и мой дантевскій адъ, куда меня водять на прогулку. Не смотрите на меня такъ строго, Магнусъ. Вѣроятно, изъ моихъ миллиардовъ можно было приготовить зѣлье покрѣпче, но я сдумѣлъ сдѣлать только кислое пиво. Отчего вы не

захотѣли помочь мнѣ? Впрочемъ, вы ненавидите людей, я забылъ.

— Но вы ихъ любите?

— Какъ вамъ сказать, Магнусъ? Нѣтъ, скорѣе я къ нимъ равнодушенъ. Не смотрите на меня съ такимъ... чувствомъ, ей Богу, не стоитъ! Да, я къ нимъ равнодушенъ. Ихъ такъ много, знаете ли, было, есть и еще будетъ, что положительно не стоитъ...

— Значить, вы лгали?

— Смотрите не на меня, а на мои упакованные чемоданы. Нѣтъ, не совсѣмъ. Мнѣ, знаете ли, хотѣлось создать нѣчто интересное для игры, ну вотъ, для завязки я и пустилъ въ обращеніе эту... это чувство...

— Слѣдовательно, вы только играли?

Я снова моргнулъ глазами и поднялъ плечи: мнѣ понравился этотъ способъ отвѣта на слишкомъ сложные вопросы. И Мнѣ очень нравилось это лицо синьора Фомы Магнуса: его удлинившійся овалъ нѣсколько вознаграждалъ Меня за всѣ мои театральныя неудачи... и Марію. Замѣчу, что въ моихъ зубахъ была новая сигара.

— Въ вашемъ прошломъ, вы говорили, есть какія то темныя страницы... Въ чемъ дѣло, м-ръ Вандергудъ?

— О! Это маленькое преувеличеніе. Ничего особеннаго, Магнусъ. Извиняюсь, что

напрасно потревожилъ васъ, но тогда мнѣ казалось, что этого требуетъ стиль...

— Стиль?

— Да, и законы контраста. При темномъ прошломъ свѣтлое настоящее... понимаете? Но я уже сказалъ вамъ, Магнусъ, что изъ моей затѣи ничего не вышло. Въ нашихъ мѣстахъ имѣютъ не совсѣмъ вѣрное представленіе объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ здѣшной игрою. Надо будетъ это растолковать, когда вернусь. На нѣсколько минутъ мнѣ поправилась бритая обезьяна, но ея способъ околпачивать людей слишкомъ старъ и слишкомъ вѣренъ... какъ монетный дворъ. Я люблю рискъ.

— Околпачивать людей?

— Вѣдь мы же ихъ презираемъ, Магнусъ? — такъ не будемъ отказывать себѣ въ удовольствіи, если игра не удалась, говорить прямо. Вы кажется улыбнулись? Я очень радъ. Но я усталъ болтать и съ вашего разрѣшенія выпью стаканъ вина.

Фома Магнусъ вовсе не былъ похожъ на улыбающагося человѣка и Я сказалъ про улыбку такъ... для стиля. Прошло не меньше получаса въ полномъ молчаніи, нарушаемомъ только взвизгами и возней сумасшедшаго Марта, да ровными шагами Магнуса: заложивъ руки за спину и не обращая на меня никакого вниманія, онъ методично измѣрялъ

комнату: восемь шаговъ впередъ, восемь шаговъ назадъ. Повидимому, онъ когда нибудъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и не мало: у него было умѣніе опытнаго арестанта создавать пространства изъ нѣсколькихъ метровъ. Я позволилъ себѣ слегка зѣвнуть и этимъ обратилъ на себя вниманіе любезнаго хозяина. Но еще съ минуту молчалъ Магнусъ, пока слѣдующія слова не прозвучали въ воздухѣ и не сбросили Меня съ мѣста:

— Но Марія любитъ васъ. Вы, конечно, не знаете этого?

Я всталъ.

— Да, это правда: Марія любитъ васъ. Этого несчастья я не ожидалъ. Убить васъ я опоздалъ, м-ръ Вандергудъ, это нужно было совершить въ началѣ, а теперъ я не знаю, что дѣлать съ вами. Какъ вы сами думаете на этотъ счетъ?

Я выпрямился и...

... Марія любитъ Меня!

Я видѣлъ въ Филадельфійи неудачную казнь электричествомъ. Я видѣлъ въ миланской «Скала», какъ мой коллега Мефисто корчился и прыгалъ по всей сценѣ, когда статисты двинулись на него съ крестами — и мой безмолвный отвѣтъ Магнусу былъ довольно искуснымъ воспроизведеніемъ того и другого

трюка: ахъ, въ ту минуту въ моей памяти не оказалось лучшихъ образцовъ? Клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, еще никогда Меня не пронизывало столько смертельныхъ токовъ — еще никогда Я не пилъ такого горькаго напитка — еще никогда не овладѣвалъ моей душою такой неудержимый смѣхъ!

Сейчасъ Я уже не смѣюсь и не корчусь, какъ пошлый актеръ — Я одинъ и только моя серіозность слушаетъ и видитъ Меня. Но въ ту минуту торжества Мнѣ понадобились всѣ силы, чтобы громко не расхохотаться и не надавать звонкихъ пощечинъ этому суровому и честному человѣку, бросавшему Мадонну въ объятія. . . Дьявола, ты думаешь? Нѣтъ, — американца Вандергуда съ его козлиной бородкой и мокрою сигарой въ золотыхъ зубахъ! Презрѣніе и ненависть, тоска и любовь, гнѣвъ и смѣхъ, горькій, какъ полынь — вотъ чѣмъ до краевъ была налита поднесенная Мнѣ чаша. . . нѣтъ, еще хуже, еще горче, еще смертельнѣе! Что Мнѣ обманутый Магнусъ со всей тупостью его глазъ и ума, но какъ могли обмануться чистые взоры М а р і и?

Или Я такой искусный донъ-Жуанъ, которому достаточно нѣсколькихъ почти безмолвныхъ встрѣчь, чтобы обольстить невинную и довѣрчивую дѣвушку? Мадонна, гдѣ ты? Или Она нашла во Мнѣ сходство съ однимъ изъ своихъ святыхъ, какъ и у Топпи,

но вѣдь со Мною же нѣтъ походнаго молитвенника! Мадонна, гдѣ Ты? Уста ли твои тянутся къ моимъ устамъ, какъ пѣстилки къ тычинкамъ, какъ всѣ эти билліоны похотей цвѣтовъ, людей и животныхъ? Мадонна, гдѣ Ты? Или?

Я еще корчился, какъ актеръ, Я еще душилъ въ приличномъ бормотаньи мою ненависть и презрѣніе, когда это новое и ли вдругъ наполнило Меня новымъ смятеніемъ и такой любовью . . . ахъ, такой любовью!

— Или — подумаль Я: твое безсмертіе, Мадонна, откликнулось на безсмертіе Сатаны и изъ самой вѣчности протягиваетъ ему эту кроткую руку? Ты, обожествленная, не узнала ли друга въ томъ, кто во чело вѣчился? Ты, восходящая ввысь, не прониклась ли жалостью къ нисходящему? О, Мадонна, положи руку на мою темную голову, чтобы узналъ Я тебя по твоему прикосновенію! . . .

Слушай, что было дальше въ эту ночь.

— Я не знаю, за что полюбила васъ Марія. Это тайна ея души, недоступной моему пониманію. Да, я не понимаю, но я преклоняюсь передъ ея волей, какъ передъ откровеніемъ. Что мои чело вѣческіе глаза передъ ея всепроникающимъ взоромъ, м-ръ Вандергудъ! . .

(И онъ говорилъ то же!)

— Минуту назадъ, въ горячности, я сказалъ что-то объ убійствѣ и смерти... гнѣтъ, м-ръ Вандергудъ, вы можете навсегда быть спокойны: избранный Маріей неприкосновененъ для меня, его защищаетъ больше, чѣмъ законъ — его покровомъ служить ея чистая любовь. Конечно, я немедленно попрошу васъ оставить насъ и — я вѣрю въ вашу честность, Вандергудъ — поставить между нами преградою океанъ...

— Но...

Магнусъ сдѣлалъ шагъ ко Мнѣ и гнѣвно крикнулъ:

— Ни слова дальше!... Я васъ не могу убить, но если вы осмѣлитесь произнести слово «бракъ», я!...

Онъ медленно опустилъ поднятую руку и продолжалъ спокойно:

— Вижу, что мнѣ еще не разъ придется извиняться за мою вспыльчивость, но это лучше, чѣмъ та ложь, образцы которой вы намъ дали. Не оправдывайтесь, Вандергудъ, это лишнее. А о бракѣ позвольте говорить мнѣ: это будетъ звучать менѣе оскорбительно для Маріи, чѣмъ въ вашихъ устахъ. Онъ совершенно немислимъ, запомните это. Я трезвый реалистъ, въ роковомъ сходствѣ Маріи я вижу только сходство, и меня вовсе не поражаетъ мысль, что моя дочь, при всѣхъ ея

необыкновенныхъ свойствахъ, когда-нибудь станеть женою и матерью... мое категорическое отрицаніе брака было лишь однимъ изъ способовъ предупрежденія. Да, я трезво смотрю на вещи, но, м-ръ Вандергудъ, не вамъ суждено стать спутникомъ Маріи! Вы вовсе не знаете меня и теперь я вынужденъ нѣсколько приподнять завѣсу, за которою я скрываюсь уже много лѣтъ: мое бездѣйствіе лишь отдыхъ, я вовсе не мирный селянинъ и не книжный философъ, я —человѣкъ борьбы, я воинъ на полѣ жизни! И моя Марія будетъ наградой только герою, если . . . когда-нибудь мнѣ встрѣтится герой.

Я сказалъ:

— Вы можете быть увѣрены, синьоръ Магнусъ, что я ни слова не позволю себѣ сказать относительно синьорины Маріи. Вы знаете, что я не герой. Но о васъ мнѣ позволено будетъ спросить: какъ мнѣ сочетать ваши теперешнія слова съ вашимъ презрѣніемъ къ людямъ? Помнится, вы что то очень серьезно говорили о эшафотѣ и тюрьмахъ.

Магнусъ громко разсмѣялся:

— А вы помните, что вы говорили о вашей любви къ людямъ? Ахъ, милый Вандергудъ: я былъ бы плохимъ воиномъ и политикомъ, если бы въ мое образованіе не входило и искусство маленькой лжи. Мы играли оба, вотъ и все!

— Вы играли лучше — признался Я довольно мрачно.

— А вы играли очень скверно, дорогой, не обижайтесь. Но что мнѣ было дѣлать, когда вдруг ко мнѣ является джентельменъ, нагруженный золотомъ, какъ. . . .

— Какъ осель. Продолжайте.

— . . . и на всѣхъ языкахъ начинаетъ объясняться въ своей любви къ человѣчеству, при чемъ его увѣренность въ успѣхѣ можетъ равняться только количеству долларовъ въ его карманѣ? Главный недостатокъ вашей игры, м-ръ Вандергудъ, въ томъ , что вы слишкомъ явно жаждете успѣха и стремитесь къ немедленному эффекту, это дѣлаетъ зрителя недоувѣрчивымъ и холоднымъ. Правда, я не думалъ, что это только игра — самая плохая игра лучше искренней глупости. . . и я опять долженъ извиниться: вы представились мнѣ просто однимъ изъ тѣхъ глупыхъ янки, которые сами вѣрятъ въ свои трескучія и пошлыя тирады и . . . вы понимаете?

— Вполнѣ. Прошу васъ, продолжайте.

— Только одна ваша фраза — что то о войнѣ и революціи, которыя можно создать на ваши миллиарды, показалась мнѣ нѣсколько интереснѣе остального, но дальнѣйшее показало, что это лишь простая обмолвка, случайный кусокъ чужого текста. Ваши газетные триумфы, ваше легкомысліе въ серіоз-

ныхъ вещахъ — вспомните кардинала X.! — ваша дешевая благотворительность совершенно дурного тона... нѣтъ, м-ръ Вандергудъ, вы не созданы для серьезнаго театра! И ваша болтовня сегодня, какъ она ни цинична, понравилась мнѣ больше, чѣмъ вашъ дутый балаганный пафосъ. Скажу искренне: если бы не М а р і я, я отъ души посмѣялся бы сегодня съ вами и безъ малѣйшаго укора поднятъ бы прощальный бокаль!

— Одна поправка, Магнусъ: я искренне хотѣлъ, чтобы вы приняли участіе....

— Въ чемъ? Въ вашей игрѣ? Да, въ вашей игрѣ не доставало творца и вы искренне хотѣли вавалить на меня нищету вашего духа. Какъ вы нанимаете художниковъ, чтобы они расписывали и украшали ваши дворцы, такъ вы хотѣли нанять мою волю и воображеніе, мою силу и любовь!

— Но ваша ненависть къ людямъ....

До сихъ поръ Магнусъ почти не выходилъ изъ тона ироніи и мягкой насмѣшки: мое замѣчаніе вдругъ переродило его. Онъ поблѣднѣлъ, его большія бѣлыя руки судорожно забѣгали по тѣлу, какъ бы отыскивая оружіе, и все лице стало угрожающимъ и немного страшнымъ. Словно боясь силы собственнаго голоса, онъ понизилъ его почти до шопота; словно боясь, что слова сорвутся и побѣгутъ сами, онъ старательно ровнялъ ихъ.

— Ненависть? Молчите, сударь. Или у васъ совсѣмъ нѣтъ ни совѣсти, ни простого ума? Мое презрѣніе! Моя ненависть! Ими я отвѣчалъ не на вашу актерскую л ю б о в ь, а на ваше истинное и мертвое равнодушіе. Вы м е н я оскорбляли, какъ человѣка, вашимъ равнодушіемъ. Вы всю жизнь нашу оскорбляли вашимъ равнодушіемъ! Оно было въ вашемъ голосѣ, оно нечеловѣческимъ взглядомъ смотрѣло изъ вашихъ глазъ и не разъ меня охватывалъ страхъ . . . страхъ, сударь!— когда я проникалъ глубже въ эту непонятную пустоту вашихъ зрачковъ. Если въ вашемъ прошломъ нѣтъ темныхъ страницъ, которыя вы приплели для стилия, то тамъ есть худшее: тамъ есть б ѣ л ы я страницы, и я не могу ихъ прочесть! . . .

— Ого!

— Когда я смотрю на вашу вѣчную сигару, когда я вижу ваше самодовольное, но красивое и энергичное лицо, когда я люблюсь вашими неприятзательными манерами, въ которыхъ кабацкая простота доведена до пуританской высоты, мнѣ все понятно и въ васъ и въ вашей наивной игрѣ. Но стоитъ мнѣ встрѣтить вашъ зрачокъ. . . или его б ѣ л у ю подкладку, и я сразу проваливаюсь въ пустоту, мною овладѣваетъ тревога, я уже не вижу ни вашей честной сигары, ни честнѣйшихъ золотыхъ зубовъ, и я готовъ воскликнуть: кто вы,

смѣющій нести съ собою такое равнодушіе?

Положеніе становилось интереснымъ. М а д о н н а любитъ Меня, а этотъ каждое мгновеніе готовъ произнести мое имя! Не сынъ ли онъ моего О т ц а? Какъ могъ онъ разгадать великую тайну моего безпредѣльнаго равнодушія: Я такъ тщательно скрывалъ ее отъ тебя!

— Вотъ! Вотъ! — закричалъ Магнусъ, волнуясь: въ вашихъ глазахъ снова двѣ слезинки, которыя я уже видѣлъ однажды — это л о ж ь, Вандергудъ! Подъ ними нѣтъ источника слезъ, онѣ пали откуда то сверху, изъ облаковъ, какъ роса. / Лучше смѣйтесь: за вашимъ смѣхомъ я вижу просто дурного челоуѣка, но за вашими слезами стоятъ б ѣ л ы я страницы. Бѣлыя страницы! . . . или ихъ прочла моя Марія?

Не сводя съ меня глазъ, словно боясь, что Я убѣгу, Магнусъ прошелся по комнатѣ и сѣлъ противъ Меня. Лице его погасло и голось казался утомленнымъ, когда онъ сказалъ:

— Но я напрасно, кажется, волнуюсь. . .

— Не забудьте, Магнусъ, что сегодня я самъ говорилъ вамъ о равнодушіи.

Онъ небрежно и устало махнулъ рукой.

— Да, вы говорили. Но здѣсь другое, Вандергудъ. Въ этомъ равнодушіи нѣтъ оскорбленія, а тамъ . . . Я почувствовалъ это сразу, когда вы явились съ вашими миллиардами.

Не знаю, будетъ ли вамъ понятно, но мнѣ сразу же захотѣлось кричать о ненависти, требовать эшафота и крови. Эшафотъ дѣло мрачное, но любопытные вонзѣ эшафота, м-ръ Вандергудъ — вещь невыносимая! Не знаю, что «въ вашихъ мѣстахъ» говорятъ о нашей игрѣ, но мы за нее расплачиваемся жизнью, и когда вдругъ появляется любопытный господинъ въ цилиндрѣ и съ сигарой, его хочется, понимаете, взять за шиворотъ и . . . Вѣдь все равно онъ никогда не досиживаетъ до конца. Вы также не надолго изволили заглянуть къ намъ, м-ръ Вандергудъ?

Какимъ длительнымъ стономъ пронеслось во мнѣ имя: М а р і я! . . . И Я не игралъ нисколько, и уже не лгалъ нисколько, когда давалъ свой отвѣтъ мрачному человѣку:

— Да, я къ вамъ ненадолго, синьоръ Магнусъ, вы угадали. По нѣкоторымъ, довольно уважительнымъ причинамъ, я не могу ничего рассказать о бѣлыхъ страницахъ, которыя вы также угадали за моимъ кожанымъ переплетомъ, но на одной изъ нихъ было начертано: смерть — уходъ. Это не цилиндръ былъ въ рукахъ у любопытнаго посѣтителя, а револьверъ. . . вы понимаете: смотрю, пока интересно, а потомъ кланяюсь и ухожу. Изъ уваженія къ вашему реализму, выражусь яснѣе и проще: на ближайшихъ дняхъ, быть можетъ завтра, я отправляюсь на тотъ свѣтъ. . . нѣтъ, это недо-

статочно ясно: на ближайшихъ дняхъ или завтра я стрѣляюсь, убиваю себя изъ револьвера. Сперва думалъ выстрѣлить въ сердце, но въ голову кажется будетъ надежнѣе. Задумано это давно, еще въ самомъ началѣ моего... появленія у васъ, и не въ этой ли готовности къ уходу вы усмотрѣли мое «нечеловѣческое» равнодушіе? Вѣдь правда: когда однимъ глазомъ смотришь на тотъ свѣтъ, то въ глазу обращенномъ на этотъ, едва ли можетъ горѣть особенно яркое пламя... какъ въ вашихъ глазахъ, хотя бы. О! — у васъ удивительные глаза, синьоръ Магнусъ.

Магнусъ помолчалъ и спросилъ:

— А Марія?

— Разрѣшите отвѣчать? Я слишкомъ высоко ставлю синьорину Марію, чтобы не считать ея любви ко мнѣ роковой ошибкой.

— Но вы хотѣли этой любви?

— Мнѣ очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ началѣ да, пожалуй — у меня мелькнули кое какія мечты, но чѣмъ дальше я вникалъ въ это роковое сходство...

— Это только сходство — съ живостью поправилъ меня Магнусъ: вы не должны быть ребенкомъ, Вандергудъ! Душа Маріи возвышенна и прекрасна, но она живой чело-вѣкъ изъ мяса и костей. Вѣроятно, у нея также есть свои маленькіе грѣшки...

— А мой цилиндръ, Магнусъ? А мой свободный уходъ? Чтобы смотрѣть на синьорину Марію съ ея роковымъ сходствомъ — пусть это будетъ только сходство! — мнѣ достаточно заплатить за кресло, но чѣмъ я могу заплатить за ея любовь?

Магнусъ сурово промолвилъ:

— Только жизнью.

— Вы видите: только жизнью! Какъ же я могъ хотѣть такой любви?

— Но вы не разсчитали: она уже любить васъ.

— О! Если синьорина Марія дѣйствительно любить меня, то моя смерть не можетъ быть препятствіемъ. . . впрочемъ, я выражаюсь не совсѣмъ понятно. Хочу сказать, что мой уходъ. . . нѣтъ, лучше я ничего не скажу. Однимъ словомъ, синьоръ Магнусъ: теперь вы не согласились ли бы взять мои миллиарды въ ваше распоряженіе?

Онъ быстро взглянулъ на меня:

— Теперь?!

— Да. Теперь, когда мы уже не играемъ: я въ любовь, а вы въ ненависть. Теперь, когда я совсѣмъ ухожу и уношу съ собою «останки» джентельмена? Выразусь совсѣмъ точно: вы не хотите ли быть моимъ наслѣдникомъ?

Магнусъ нахмурился и гнѣвно взглянулъ на меня: видимо, слова мои онъ почелъ за насмѣш-

ку. Но я былъ серіозенъ и спокоенъ. Мнѣ показалось, что большія бѣлыя руки его нѣ сколько дрожать. Съ минуту онъ сидѣлъ отвернувшись, и вдругъ круто обернулся:

— Нѣтъ! — крикнулъ онъ громко. — Вы снова хотите... нѣтъ!

Онъ топнулъ ногой и еще разъ крикнулъ: нѣтъ! Его руки дрожали, дыханіе было тяжело и прерывисто. Потомъ было долгое молчаніе, свистъ бури, шорохи и шопоты вѣтра. И тогда снова снизошло на Меня великое спокойствіе, великій, мертвый, всеобъемлющій покой. Все стало в нѣ Меня. Я еще слышалъ земныхъ демоновъ бури, но голоса ихъ звучали отдаленно и глухо, не трогая Меня. Я видѣлъ передъ собою человѣка и онъ былъ чуждъ Мнѣ и холоденъ, какъ изваяніе изъ камня. Одинъ за другимъ прошли предо Мною, погасая, всѣ дни моей человѣчности, мелькнули лица, прозвенѣли слабо голоса и непонятный смѣхъ — и стихли. Я обратилъ взоры въ другую сторону — и тамъ встрѣтило Меня безмолвіе. Я былъ точно замуравленъ между двумя каменными глухими стѣнами: за одной была ихняя человѣческая жизнь, отъ которой Я отдѣлился, за другой — въ безмолвіи и мракѣ простирался міръ моего вѣчнаго и истиннаго бытія. Его безмолвіе звучало, его мракъ сіялъ, трепеть вѣчной и радостной жизни плескался, какъ прибой, о

твердый камень непроницаемой Стѣны — но были глухи мои чувства и безмолвовала Мысль. Изъ-подъ слабыхъ ногъ моей Мысли выдернули память, — и она повисла въ пустотѣ недвижная, мгновенно онѣмѣвшая. Что оставилъ Я за стѣной моего Безпамятства?

Мысль не отвѣчала. Она была недвижна, пуста и молчала. Два безмолвія окружали Меня, два мрака покрывали мою голову. Двѣ стѣны хоронили Меня, и за одною, въ блѣдномъ движеніи тѣней, проходила ихняя человѣческая жизнь, а за другою — въ безмолвіи и мракѣ простирался міръ моего истиннаго и вѣчнаго бытія. Откуда услышу зовущій голосъ? Куда шагну?

И въ эту минуту прозвучалъ далекій и чуждый голосъ человѣка. Онъ становился все ближе, въ немъ звучала ласка. Это говорилъ Магнусъ. Съ усиленіемъ, содрогаясь отъ напряженія, Я старался услышать и понять слова, и вотъ что Я услышалъ:

— А не остаться ли вамъ жить, Вандергудъ?

18 марта.

Римъ, палаццо Орсини.

Вотъ уже три дня, какъ Магнусъ и Марія живутъ въ Римѣ, въ моемъ палаццо. Теперь онъ странно пусть и безмолвенъ и кажется дѣйстви-

тельно огромнымъ. Нынче ночью, утомленный безсонницею, Я бродилъ по его лѣстницамъ и заламъ, по какимъ-то комнатамъ, которыхъ раньше не видалъ, и количество ихъ удивило меня. Кое-гдѣ остались подмостки и лѣса, мольберты и краски, но моихъ безпутныхъ пріятелей уже нѣтъ. Душа Маріи изгнала все суетное и нечистое и только благообразнѣйшій Топпи торжественно болтается въ пустотѣ, какъ маятникъ церковныхъ часовъ. Ахъ, до чего онъ благообразенъ! Если бы не этотъ его широкій задъ съ расходящимися фалдами и не запахъ мѣха отъ головы, Я самъ принялъ бы его за одного изъ святыхъ, почтившихъ Меня своимъ знакомствомъ.

Моихъ гостей Я почти не вижу. Я перевожу все мое состояніе въ золото, и Магнусъ съ Топпи и всѣми секретарями цѣлый день заняты этой работой; нашъ телеграфъ работаетъ непрерывно. Со Мною Магнусъ говоритъ мало и только о дѣлѣ. Маріи... кажется, ея Я избѣгаю. Въ мое окно Я вижу садъ, гдѣ она гуляетъ, и пока этого съ Меня достаточно. Вѣдь ея душа здѣсь, и свѣтлымъ дыханіемъ Маріи наполнена каждая частица воздуха. И Я уже сказалъ, кажется, что у Меня безсонница.

Какъ видишь, другъ, Я остался жить; мертвою рукою не написать даже такихъ

мертвыхъ словъ, какія Я пишу — мертвою рукою ничего написать нельзя, рѣшительно ничего! Забудемъ прошлое! — какъ говорятъ помирившіеся любовники, и станемъ съ тобою друзьями. Дай мнѣ руку, товарищъ! Клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, Я не буду больше ни выгонять тебя вонъ, ни смѣяться надъ тобою: если Я потерялъ мудрость змія, то взамѣнъ получилъ кротость голубицы. Немного жаль, что Я выгналъ моихъ интервьюировъ и художниковъ: Мнѣ не у кого спросить, кого Я напоминаю теперь моимъ просвѣтленнымъ ликомъ? Себѣ Я напоминаю напудренного негра, который боится рукавомъ стереть пудру и показать свою черную кожу . . . ахъ, у Меня все еще черная кожа!

Да, Я остался жить, но еще не знаю насколько это удастся Мнѣ: тебѣ извѣстно, насколько трудны переходы изъ кочевого состоянія въ осѣдлое? Я былъ свободнымъ краснокожимъ, веселымъ номадомъ, который свое человеческое раскидываетъ, какъ легкую палатку. Теперь Я изъ гранита закладываю фундаментъ для зимняго жилища и Меня, маловѣрнаго, заранѣе охватываетъ холодъ и дрожь: будетъ ли тепло, когда бѣлые снѣга опояшутъ мой новый домъ! Что ты думаешь, другъ, о различныхъ системахъ центрального отопленія?

Въ ту ночь Я общалъ Фомѣ Магнусу, что не убью себя. Этотъ договоръ мы скрѣпили дружескимъ пожатіемъ. Мы не открывали вѣнь, мы не писали кровью, мы просто сказали «да», но этого достаточно: какъ тебѣ извѣстно, только люди нарушаютъ свои договоры, черти же всегда ихъ исполняютъ. . . вспомни всѣхъ твоихъ волосатыхъ и рогатыхъ героевъ съ ихъ спартанской честностью! Къ счастью (назовемъ это «къ счастью») Я не назначилъ. . .срока. Клянусь вѣчнымъ спасеніемъ! — Я былъ бы плохимъ королемъ и владыкою, если бы, строя дворець, не оставилъ для себя тайнаго хода наружу, маленькой дверки, скромной лазейки, въ которую исчезаютъ умные короли, когда ихъ глупые подданные возстаютъ и врываются въ Версаль.

Я не убью себя завтра. Быть можетъ, еще очень долго Я не убью себя: изъ двухъ стѣнъ Я перешагнулъ за самую низкую и нынѣ человѣчеству вмѣстѣ съ тобою, товарищъ. Мой земной опытъ еще не великъ и кто знаетъ? — вдругъ человѣческая жизнь Мнѣ очень понравится! Вѣдь дожилъ мой Топпи до сѣдыхъ волосъ и мирной кончины — отчего же и Мнѣ, перейдя всѣ возрасты, какъ времена года, не превратиться въ почтеннаго сѣдовласаго старца, мудраго наставника и учителя, носителя завѣтовъ и склерова? Ахъ, этотъ смѣш-

ной склерозъ, эти старческія немощи — это сейчасъ они пугаютъ Меня, но развѣ Я не могу къ нимъ привыкнуть за долгій совмѣстный путь и даже полюбить ихъ? Всѣ говорятъ, что къ жизни легко привыкнуть — попробую привыкнуть и Я. Здѣсь все такъ хорошо устроено, что послѣ дождя всегда приходитъ солнце и сушить мокраго, если онъ не поторопился умереть. Здѣсь все такъ хорошо устроено, что нѣтъ ни одной болѣзни, противъ которой не было бы лѣкарства. . . это такъ хорошо, можно всегда болѣть, если близко аптека!

А на всякій случай — маленькая дверка, тайный ходъ, короткій мокрый и темный корридоръ, за которымъ звѣзды и вся ширь моего необъятнаго пространства! Другъ мой, Я хочу быть съ тобою откровенень: въ моемъ характерѣ есть непокорство и вотъ этого Я опасуюсь. Что такое кашель или катаръ желудка? — а вдругъ Мнѣ т а к ъ не захочется кашля или какихъ нибудь пустяковъ, что Я возьму и убѣгу! Сейчасъ ты мнѣ нравишься, Я готовъ заключить съ тобою продолжительный и крѣпкій союзъ, но вдругъ въ твоемъ миломъ лицѣ мелькнетъ что-то т а к о е, что. . . нѣтъ, нельзя безъ тайной дверки для того, кто такъ капризенъ и непокорень! Къ несчастью, Я еще очень гордъ, это старый и всѣмъ извѣстный порокъ Сатаны. Какъ рыба ударомъ въ

голову, Я оглушенъ моею человѣчностью, роковое Безпамятство гонить меня въ твою жизнь, но одно Я знаю твердо: Я изъ рода свободныхъ, Я изъ племени владыкъ, свою волю претворяющихъ въ законы. Побѣжденныхъ царей часто берутъ въ плѣнь, но никогда цари не дѣлаются рабами. И когда надъ моею головою Я увижу бичъ грязнаго надсмотрщика и мои скованныя руки будутъ безсильны отвести ударъ . . . что же: Я останусь жить съ рубцами на спинѣ? Буду торговаться съ судьями за лишній ударъ плети? Поцѣлую руку палача? Или въ аптеку пошлю за примочкой?

Нѣтъ, пусть не осудить меня честный Магнусъ за маленькую неточность въ нашемъ договорѣ: Я буду жить, но лишь до тѣхъ поръ, пока хочу жить. Всѣ блага человѣчности, которыя онъ сулилъ Мнѣ въ ту ночь, когда искушался Сатана человѣкомъ, не вырвать оружія изъ моей руки: въ немъ единый залогъ моей свободы! Что всѣ твои княжества и графства, всѣ твои грамоты на благородство, твое золото на свободу, человѣче — рядомъ съ этимъ маленькимъ и свободнымъ движеніемъ пальца, мгновенно возносящимъ тебя на Престоль всѣхъ Престоловъ! . . .

— Марія!

Да, Я боюсь ея. Взоръ ея очей такъ повелителенъ и ясенъ, свѣтъ ея любви такъ могучъ,

чарующъ и прекрасенъ, что все дрожить во Мнѣ, колеблется и стремится къ немедленному бѣгству. Невѣдомымъ счастьемъ, смутными обѣщаніями, гѣвучими грезами она искушаетъ Меня! Крикну ли: прочь! — или, непокорному и злему, покориться ея волѣ и идти за нею?

Куда? Не знаю. Но все ли Я знаю? Или есть еще иные міры, кромѣ тѣхъ, которые Я забылъ и знаю? Откуда этотъ неподвижный свѣтъ за моей спиною? Онъ становится все шире и ярче, его теплымъ прикосновеніемъ уже согрѣвается моя душа, и ея полярные льды крошатся и таютъ. Но Я боюсь оглянуться. Не горитъ ли это проклятый Содомъ и Я окаменѣю, оглянувшись? Или это новое солнце, котораго Я еще не видалъ на землѣ, восходитъ за моей спиною, а Я бѣгу отъ него, какъ глупецъ, подставляю вмѣсто сердца спину, вмѣсто высокаго чела — широкій и тупой затылокъ испуганнаго звѣря?

Марія! Что ты дашь Мнѣ за револьверъ? Я заплатилъ за него десять долларовъ вмѣстѣ съ футляромъ, а съ тебя — не возьму и царства! Но только не смотри на Меня, Владычица, иначе . . . иначе Я все отдамъ тебѣ даромъ: и револьверъ, и футляръ и самого Сатану!

26 марта.

Римъ. палаццо Орсини.

Уже пятую ночь Я не сплю. Когда погасает послѣдній огонь въ моемъ безмолвномъ палаццо, Я тихо спускаюсь по лѣстницѣ, тихо приказываю машину — почему то Я боюсь даже шума своихъ шаговъ и голоса — и на всю ночь уѣзжаю въ Кампанью. Тамъ, оставивъ автомобиль на дорогѣ, Я до разсвѣта брожу по гладкому шоссе, или неподвижно сижу у какихъ нибудь темныхъ развалинъ. Меня совсѣмъ не видно, и рѣдкіе прохожіе, какіе-нибудь крестьяне изъ Альбано, говорятъ громко, не стѣсняясь. Мнѣ нравится, что Меня не видно, это напоминаетъ что-то, что Я забыть.

Какъ-то, сѣвъ на камень, Я потревожила ящерицу — вѣроятно, это она слегка прошуршала травой у моихъ ногъ и скрылась. Можетъ быть, это была змѣйка, не знаю. Но Мнѣ ужасно захотѣлось стать ящерицей или маленькой змѣйкой, которой не видно подъ камнемъ: Меня неприятно волнуетъ мой большой ростъ, всѣ эти размѣры ногъ и рукъ, съ ними такъ трудно превратиться въ невидимое. Еще Я избѣгаю смотрѣть въ зеркало на свое лице: больно думать, что у Меня есть лице, которое всѣ видятъ. Почему въ началѣ Я такъ боялся темноты? Она такъ хорошо скрываетъ и въ

ней можно растворять все ненужное. Должно быть, всѣ животныя, когда мѣняютъ кожу или броню, испытываютъ такой же смутный стыдъ, страхъ и беспокойство и ищутъ уединенія.

Значить, Я мѣняю кожу? Ахъ, все это прежняя ненужная болтовня! Все дѣло въ томъ, что Я не избѣжалъ взоръ Маріи, и, кажется, готовлюсь замуравить послѣднюю дверь, которую Я такъ берегъ. Но Мнѣ стыдно! — клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, Мнѣ стыдно, какъ дѣвушкѣ передъ вѣнцомъ, Я почти краснѣю. Краснѣющій Сатана. . . нѣтъ, тише, тише: его здѣсь нѣтъ! Тише! . . .

Магнусъ разсказалъ ей все. Она не повторила, что любить Меня, но взглянула и сказала:

— Обѣщайте мнѣ, что вы не убьете себя.

Остальное сказалъ ей взоръ. Ты помнишь, какъ онъ ясенъ? Но не думай, что Я отвѣтилъ послѣднимъ согласіемъ. Какъ саламандра въ огнѣ, Я быстро прошелъ всѣ цвѣта пламени, и Я не повторю тебѣ тѣхъ огненныхъ словъ, которыя извергла моя раскаленная преисподняя: Я забыть ихъ. Но ты помнишь, какъ ясенъ взоръ Маріи? И, цѣлуя руку ея, Я сказалъ покорно:

— Сударыня! Я не прошу у васъ сорока дней размышленія и пустыни: пустыню я самъ найду, а для размышленія мнѣ довольно

недѣли. Но недѣлю мнѣ дайте и . . . пожалуйста, не смотрите на меня больше, иначе. . .

Нѣтъ, Я сказалъ не такъ, а какъ то другими словами, но это все равно. Теперь Я мѣняю кожу, Мнѣ больно, стыдно и страшно, потому что всякая ворона можетъ увидѣть и заклевать Меня. Какая польза въ томъ, что въ карманѣ у Меня револьверъ? Только научившись попадать въ себя, съумѣешь убить и ворону: вороны это знаютъ и не боятся трагически отдутыхъ кармановъ.

Вочеловѣчившійся, пришедшій сверху, Я до сихъ поръ только на половину принялъ человека. Какъ въ чуждую стихію, Я вошелъ въ человѣчность, но не погрузился въ нее весь: одной рукою Я еще держусь за мое Небо и еще на поверхности волнъ мои глаза. Она же приказываетъ, чтобы Я принялъ человека всего: только тотъ человекъ, кто сказалъ: никогда не убью себя, никогда самъ не уйду изъ жизни. А бичъ? А проклятые рубцы на спинѣ? А гордость?

О, Марія, Марія, какъ страшно ты искушаешь Меня!

Смотрю въ прошлое земли и вижу мириады тоскующихъ тѣней, проплывающихъ медленно черезъ вѣка и страны. Это рабы. Ихъ руки безнадежно тянутся ввысь, ихъ костлявые ребра рвутъ тонкую и худую кожу, ихъ глаза полны слезъ и гортань пересохла отъ стоновъ.

Вижу безумство и кровь, насилие и ложь, слышу ихъ клятвы, которымъ они измѣняютъ непрерывно, ихъ молитвы Богу, гдѣ каждымъ словомъ о милости и пощадѣ они проклинаютъ свою землю. Какъ далеко ни взгляну, вездѣ горитъ и дымится въ корчахъ земля; какъ глубоко ни направлю мой слухъ, отовсюду слышу неумолчные стоны: или и чрево земли полно стенающихъ? Вижу полные кубки, но къ какому не протянулись бы мои уста, въ каждомъ нахожу укусь и желчь: или нѣтъ другихъ напитковъ у человѣка? И это — ч е л о в ѣ к ѣ?

Я зналъ ихъ и прежде. Я видѣлъ ихъ и раньше. Но Я смотрѣлъ на нихъ такъ, какъ Августъ изъ своей ложи смотрѣлъ на вереницу жертвъ: здравствуй, Цезарь! — идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя. И Я глядѣлъ на нихъ глазами орла, и даже кивкомъ не хотѣла почтить ихъ стонущаго крика моя мудрая золотовѣнчанная голова: они появлялись и исчезали, они шли безконечно — и безконечно было равнодушіе моего цезарскаго взгляда. А теперъ. . . неужели это Я торопливо шагаю, поднимая песокъ арены? И это Я, этотъ грязный, худой, голодный рабъ, что задралъ вверхъ свое тюремное лицо и хрипло оретъ въ равнодушные глаза Судьбы:

— Аве, Цезарь! Аве, Цезарь!

Вотъ острый бичъ вавилса надъ моею спиною и я съ крикомъ боли падаю ницъ. Госпо-

д и н ъ л и э т о б ѣ т ь м е н я ? Н ѣ т ь , э т о д р у г о й
р а б ъ , к о т о р о м у в е л ѣ л и б и ч е в а т ь р а б а :
в ѣ д ь с е й ч а с ь ж е п л е т ь б у д е т ь в ь м о е й р у к ѣ и
е г о с п и н а п о к р о е т с я к р о в ь ю , и о н ъ б у д е т ь г р ы з т ь
п е с о к ъ , к о т о р ы й е щ е с к р и п и т ь н а м о и х ь з у -
б а х ь .

О, Марія, Марія, какъ страшно ты искушаешь
Меня!

III

29 марта, Римъ.

Купи самой черной краски, возьми самую большую кисть и широкой чертой раздѣли мою жизнь на вчера и сегодня. Возьми жезлъ Моисея и раздѣли текучее время, какъ потокъ, осуши дно времени — — — — — лишь тогда ты почувствуешь мое сегодня.

Ave, Caesar, moriturus te salutat!

2 апрѣля, Римъ,
паллацо Орсини

Я не хочу лгать. Во мнѣ еще нѣтъ любви къ тебѣ, человѣче, и если ты уже успѣлъ раскрыть объята, то, пожалуйста, закрой ихъ: еще не настало время для жаркихъ лобзаній. Потомъ, когданибудь мы и обнимемся съ тобою, а пока будемъ сдержанны и холодны, какъ два джентельмена въ несчастьи. Не скажу, чтобы и уваженіе мое къ твоей личности замѣтно возросло, хотя твоя жизнь и твоя Судьба стали моей жизнью и моей Судьбою: доста-

точно того, что я добровольно подставил шею под ярмо, и теперь одинъ и тотъ же кнутъ будетъ полосовать наши спины.

Да, пока достаточно и этого. Ты замѣтилъ, что большая буква снята съ моего «я»? — она выброшена мною вмѣстѣ съ револьверомъ. Это знакъ покорности и равенства, ты понимаешь? Быть равнымъ съ тобою — вотъ клятва, которую я принесъ себѣ и Маріи. Какъ король, я присягнулъ на вѣрность твоей конституціи, но не измѣню клятвѣ, какъ король: отъ прежней жизни моей я сохранилъ уваженіе къ договорамъ. Клянусь, я буду вѣрнымъ твоимъ товарищемъ по общей каторгѣ нашей и не убѣгу одинъ!

За эти послѣднія ночи, передъ рѣшеніемъ, я много думалъ о нашей жизни. Она гнусна, это правда? Тяжело и оскорбительно быть этой штучкой, что называется на землѣ человѣкомъ, хитрымъ и жаднымъ червячкомъ, что ползаетъ, торопливо множится и лжеть, отводя головку отъ удара — и сколько ни лжеть, все же погибаетъ въ назначенный часъ. Но я буду червячкомъ. Пусть у меня родятся дѣти, пусть и мою размышляющую головку въ назначенный часъ раздавитъ неразмышляющая нога — я покорно принимаю все это. Мы оба оскорблены съ тобою, товарищъ, и въ этомъ уже есть маленькое утѣшеніе: ты будешь слушать мои жалобы, а я твои, а если

дойдетъ дѣло до суда, то вотъ уже готовы и свидѣтели! Это хорошо, когда убиваютъ на площади — всегда есть очевидцы и свидѣтели.

Буду и лгать, если придется. Не той свободной ложью и грѣху которою лгутъ и пророки, а той вынужденной заячьей ложью, когда приходится прятать уши и лѣтомъ быть сърымъ, а на зиму бѣлѣть. Что подѣлаешь, когда за каждымъ деревомъ прячется охотникъ съ ружьемъ! Это со стороны кажется неблагороднымъ поступкомъ и вызываетъ осужденіе, а намъ съ тобою надо жить, товарищъ. Пусть сторонніе осуждаютъ насъ и дальше, но, когда понадобится, будемъ лгать и по волчьи: выскакивать внезапно и хватать за горло: надо жить, братъ, надо жить, и виноваты ли мы, что въ горячей крови такъ много соблазна и вкуса! Въ сущности вѣдь ни ты, ни я не гордимся ни ложью, ни трусостью, ни свирѣпостью нашей и кровавады мы отнюдь не по убѣжденію.

Но какъ ни гнусна наша жизнь, еще болѣе она несчастна — ты согласенъ съ этимъ? Я еще не люблю тебя, человѣче, но въ эти ночи я не разъ готовъ былъ заплакать, думая о твоихъ страданіяхъ, о твоёмъ измученномъ тѣлѣ, о твоей душѣ, отданной на вѣчное распятіе. Хорошо волку быть волкомъ, хорошо зайцу быть зайцемъ и червяку червякомъ, ихъ духъ темень и скуденъ, ихъ воля смиренна, но ты,

человѣче, вмѣстилъ въ себя Бога и Сатану — и какъ страшно томятся Богъ и Сатана въ этомъ тѣсномъ и смрадномъ помѣщеніи! Богу быть волкомъ, перехватывающимъ горло и пьющимъ кровь! Сатанѣ быть зайцемъ, прячущимъ уши за горбатой спиной! Это почти невыносимо, я съ тобой согласенъ. Это наполняетъ жизнь вѣчнымъ смятеніемъ и мукой, и печаль души безысходна.

Подумай: изъ троихъ дѣтей, которыхъ ты рождаешь, одинъ становится убійцей, другой жертвой, а третій судьей и палачемъ. И каждый день убиваютъ убійцы, а они все рождаются; и каждый день убійцы убиваютъ совѣсть, а совѣсть казнить убійцы, и всѣ живы: и убійцы и совѣсть. Въ какомъ туманѣ мы живемъ! Послушай всѣ слова, какія сказалъ человекъ со дня своего творенія, и ты подумаешь: это Богъ! Взгляни на всѣ дѣла человека съ его первыхъ дней и ты воскликнешь съ отвращеніемъ: это скотъ! Такъ тысячи лѣтъ бесплодно борется съ собою человекъ и печаль души его безысходна, и томленіе пгѣненнаго уха ужасно и страшно, а послѣдній Судья все медлитъ своимъ приходомъ... Но онъ и не прійдетъ никогда, это говорю тебѣ я: навсегда одни мы съ нашей жизнью, человекъ!

Прійму и это. Еще не нарекла меня своимъ именемъ земля и не знаю, кто я: Каинъ или

Авель? Но принимаю жертву, какъ принимаю и убійство. Всюду за тобою и всюду съ тобою, человѣче. Будемъ сообща вопить съ тобою въ пустынь, зная, что никто насъ не услышитъ. . . а можетъ и услышитъ кто-нибудь? Вотъ видишь: я уже вмѣстѣ съ тобою начинаю вѣрить въ чье то Ухо, а скоро повѣрю и въ треугольный Глазь. . . вѣдь не можетъ быть, честное слово, чтобы такой концертъ не имѣлъ слушателя, что бы такой спектакль давался при пустомъ залѣ!

Думалъ я о томъ, что меня еще ни разу не били, и мнѣ страшно. Что будетъ съ моей душою, когда чья-то грубая рука ударитъ меня по лицу. . . что будетъ со мною! Вѣдь я знаю, что никакая земная расплата не вернетъ мнѣ моего лица, и что будетъ тогда съ моей душою?

Клянусь, прийму и это. Всюду за тобой и всюду съ тобой, человѣче. Что мое лице, когда ты своего Христа билъ по лицу и плевалъ въ его глаза? Всюду за тобой! А надо будетъ, самъ ударю Христа вотъ этой рукой, что пишу: всюду за тобой, человѣче. Били насъ и будутъ бить, били мы Христа и будемъ бить. . . ахъ, горька наша жизнь, почти невыносима!

Еще недавно я оттолкнулъ твои объятія, сказалъ: рано. Но сейчасъ говорю: обнимаемъ крѣпче, братъ, тѣснѣе прижмемся другъ къ другу — такъ больно и страшно быть од-

ному въ этой жизни, когда всѣ выходы изъ нея закрыты. И я еще не знаю, гдѣ больше гордости и свободы: уйти ли самому, когда захочешь, или покорно, не сопротивляясь принять тяжелую руку палача? Сложить руки на груди, одну ногу слегка выставить впередъ и, гордо закинувъ голову, спокойно ждать:

— Исполниай свою обязанность, палачъ!

Или:

— Вотъ моя грудь, солдаты: стрѣляйте!

Въ этой позѣ есть пластичность, и она мнѣ нравится. Но еще больше правится мнѣ то, что въ ней какимъ-то страннымъ образомъ снова возрождается мое большое Я. Конечно, палачъ не замедлитъ исполнить свою обязанность и солдаты не опустятъ ружей, но важна линия, важно мгновеніе, когда передъ самою смертью я вдругъ почувствую себя безсмертнымъ и стану шире жизни. Странно, но лишь однимъ поворотомъ головы, одной фразочкой, сказанной или подуманной во время, я какъ бы изъемлю мой духъ изъ оборота, и вся неприятная операція происходитъ внѣ меня. И когда смерть щелкнетъ выключателемъ, ея мракъ не покроетъ свѣта, который ранѣе отдѣлилъ себя и разсѣялся въ пространство, чтобы снова собраться гдѣ-то и засіять... но гдѣ?

Странно, странно... Я шелъ отъ человѣка — и оказался у той же стѣны Безпамятства,

которую знает одинъ Сатана. Какъ много значить поза, однако! Это надо запомнить. Но будетъ ли такъ же убѣдительно поза и не потеряетъ ли она въ своей пластичности, если вмѣсто смерти, палача и солдатъ придется сказать иное. . . хотя бы такъ:

— Вотъ мое лице: бейте!

Не знаю, почему такъ заботить меня лице, но оно меня очень заботить, сознаюсь тебѣ, человѣче, — беспокоить чрезвычайно. Нѣтъ, пустяки. Изъ емлю духъ изъ оборота. Пусть, пусть бьютъ! Когда духъ изъ ятъ, то это не больнѣе и не оскорбительнѣе, чѣмъ если бы ты сталъ бить мое пальто на вѣшалкѣ. . .

. . . Но я совсѣмъ забылъ, что я не одинъ, и, находясь въ твоёмъ обществѣ, впадаю въ неприличную задумчивость. Уже полъ часа, какъ я молчу надъ этой бумагой, а казалось мнѣ, что я все время говорю — и очень оживленно! Забылъ, что мало думать, а надо еще говорить! Какъ жаль, человѣче, что для обмѣна мыслями мы должны прибѣгать къ услугамъ такого сквернаго и вороватаго комиссионера, какъ слово — онъ крадетъ все цѣнное и лучшія мысли портить своими магазинными ярлыками. Скажу по правдѣ: это огорчаетъ меня больше, нежели смерть и побои.

Меня пугаетъ необходимость умолкать, когда я дохожу до необыкновеннаго,

которое невыразимо. Какъ рѣченка, я бѣгу и движусь впередъ только до океана: въ его глубинахъ кончается мое журчаніе. Въ себѣ самомъ, не двигаясь и не уходя, взадъ и впередъ колыхается океанъ. На землю онъ бросаетъ только шумъ и брызги, а глубина его нѣма и неподвижна и безтолково ползаютъ по ней легкіе кораблики. Какъ выражу себя?

До того, какъ принять рѣшеніе и зачислиться въ земные рабы, я не говорилъ ни съ Маріей, ни съ Магнусомъ . . . зачѣмъ говорить мнѣ съ Маріей, когда воля ея ясна, какъ и взоръ? Но, ставъ рабомъ, пошелъ къ Магнусу жаловаться и совѣтоваться — повидимому, съ этого начинается человѣческое.

Магнусъ слушалъ меня молча и, какъ показалось, нѣсколько разсѣянно. Онъ работаетъ день и ночь, почти не зная отдыха, и сложное дѣло ликвидаціи такъ быстро подвигается въ его энергичныхъ рукахъ, какъ будто всю жизнь онъ занимался только этимъ. Мнѣ нравится его размахъ и великолѣпное презрѣніе къ мелочамъ: въ запутанныхъ случаяхъ онъ выбрасываетъ спорные милліоны съ легкостью и граціей вельможи . . . Но онъ очень усталъ, его глаза кажутся теперь больше и темнѣе на блѣдномъ лицѣ и кромѣ того — какъ я только теперь узналъ отъ Маріи — его мучать частыя головныя боли.

Мои жалобы на жизнь, боюсь, не вызвали въ немъ особеннаго сочувствія. Какія обвиненія я ни возводилъ на человѣка и его жизнь, Магнусъ нетерпѣливо соглашался:

— Да, да, Вандергудъ, это и есть — быть человѣкомъ. Ваше несчастье въ томъ, что вы догадались объ этомъ нѣсколько поздно и теперь излишне волнуетесь. Когда вы испытаете хоть часть того, что теперь такъ пугаетъ васъ, вы будете говорить иначе. Впрочемъ, я радуюсь, что равнодушіе уже оставило васъ: вы стали значительно нервнѣе и подвижнѣе. Но откуда въ вашихъ глазахъ этотъ чрезмѣрный страхъ? Встряхнитесь, Вандергудъ!

Я засмѣялся.

— Благодарю васъ, я уже встряхивался. Повидимому, это смотреть изъ моего глаза раба, ожидающій плети... потерпите Магнусъ, я еще не совсѣмъ привыкъ. Скажите, мнѣ придется совершать или совершить... убійство?

— Очень возможно.

— А вы не скажете мнѣ, какъ это происходитъ?

Мы оба одновременно взглянули на его большія бѣлыя руки и Магнусъ отвѣтилъ слегка иронически:

— Нѣтъ, этого я вамъ не скажу. Но если хотите, я расскажу вамъ другое: о томъ, что

значить д о к о н ц а принять человѣка — вѣдь именно это васъ волнуетъ?

И съ большой холодностью, съ какимъ-то тайнымъ нетерпѣніемъ, какъ будто другая мысль поглощала все его вниманіе, онъ коротко рассказалъ мнѣ объ одномъ невольномъ и страшномъ убійцѣ. Не знаю, передавалъ ли онъ фактъ, или нарочно для меня сочинилъ эту мрачную побасенку, но дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Это было давно; одинъ русскій, политическій ссыльный, человѣкъ очень образованный и въ то же время религіозный, что еще встрѣчается въ Россіи, бѣжалъ съ каторги и, послѣ долгаго и мучительнаго блужданія по сибирскимъ лѣсамъ, нашелъ пріютъ у какихъ-то сектантовъ-изувѣровъ. Огромная бревенчатая свѣжія хижина въ дремучемъ лѣсу, высокіе заборы, огромные бородатые люди, огромныя злыя собаки — что-то въ этомъ родѣ. И какъ разъ въ его присутствіи должно было совершиться чудовищное преступленіе: эти сумасшедшіе мистики, подъ вліяніемъ какихъ-то дикихъ религіозныхъ представленій, должны были закласть невиннаго агнца, т. е. на самодѣльномъ алтарѣ, при пѣніи гимновъ, убить ребенка. Всѣхъ мучительныхъ подробностей Магнусъ не передалъ, ограничившись только краткимъ указаніемъ, что это былъ семилѣтній мальчикъ въ новой рубашечкѣ и что здѣсь же присутство-

вала его еще молодая мать. Всѣ разумные доводы, всѣ убѣжденія ссыльнаго, что они готовятся свершить величайшее кощунство, что не милость Господня ждетъ ихъ, а страшнѣйшее мученіе ада, оказались безсильны передъ тупымъ и страстнымъ упорствомъ фанатиковъ. Онъ становился на колѣни, умолялъ, плакалъ, хватался рукою за ножъ — въ эту минуту жертва, уже обнаженная, лежала на столѣ и м а т ь старалась утишить ея слезы и крики — но этимъ привелъ фанатиковъ только въ бѣшенство: они пригрозили убить и его. . .

Магнусъ взглянулъ на меня и какъ-то особенно холодно и медленно произнесъ:

— А какъ бы вы поступили въ этомъ случаѣ, мистеръ Вандергудъ?

— Конечно, я боролся бы, пока не былъ бы убитъ!

— Да? Онъ поступилъ лучше. Онъ предложилъ свои услуги и своей рукою, при соотвѣтствующемъ пѣніи, перерѣзалъ мальчику горло. Васъ это удивляетъ? Но онъ сказалъ: лучше на себя возьму этотъ страшный грѣхъ и кару за него, нежели отдамъ аду этихъ невинныхъ глупцовъ. Конечно, такія вещи случаются только съ русскими и мнѣ кажется, что и самъ онъ былъ нѣсколько сумасшедшимъ. Онъ и умеръ впоследствии въ сумасшедшемъ домѣ.

Послѣ нѣкотораго молчанія я спросилъ:

— А какъ бы вы поступили, Магнусъ?

И еще холоднѣе онъ отвѣтилъ:

— Право, не знаю. Это зависѣло бы отъ минуты. Очень возможно, что просто ушелъ бы отъ этихъ звѣрей, но возможно, что и... Человѣческое безуміе весьма заразительно, м-ръ Вандергудъ!

— Вы называете это только безуміемъ?

— Я сказалъ: человѣческое безуміе. Но здѣсь дѣло въ васъ, Вандергудъ: какъ в а м ь это нравится? Я иду работать, а вы подумайте, гдѣ г р а н и ц а человѣческаго, которое вы сполна хотите принять, и потомъ скажите мнѣ. Вѣдь вы не раздумали, надѣюсь, остаться съ н а м и?

Онъ усмѣхнулся съ снисходительной ласковостью и вышелъ, а я остался думать. И вотъ думаю: гдѣ граница?

Признаюсь еще, что я началъ какъ то нелѣпо побаиваться Фомы Магнуса... или и этотъ страхъ одинъ изъ новыхъ даровъ моей полной человѣчности? Но когда онъ такъ говоритъ со мною, мною овладѣваетъ странное смущеніе, мои глаза робко мигаютъ, моя воля сгибается, какъ будто на нее положили неизвѣстный мнѣ, но тяжелый грузъ. Подумай, человѣче: я съ п о ч т е н і е м ь жму его большую руку и р а д у ю с ь его ласкѣ! Раньше этого не было со мною, но теперь при каж-

домъ разговорѣ я ощущаю, что этотъ человѣкъ во всемъ можетъ идти дальше меня.

Боюсь, что я ненавижу его. Если я не испытывалъ еще любви, то я не знаю и ненависти, и такъ странно будетъ, если ненависть я долженъ буду начать съ отца Маріи! . . . Въ какомъ туманѣ мы живемъ, человѣче! Вотъ я произнесъ имя Маріи, вотъ духа моего коснулся ея ясный взоръ, и уже погасла и ненависть къ Магнусу (или я выдумалъ ее?) и уже погасъ страхъ передъ человѣкомъ и жизнью (или я выдумалъ и это?) и великая радость, великій покой нисходятъ на мою душу.

Будто снова я бѣлая шхуна на зеркальномъ океанѣ. Будто всѣ отвѣты я держу въ своей рукѣ и мнѣ только лѣнь разжать ее и прочесть. Будто вернулось ко мнѣ безсмертіе мое. . . ахъ, я больше не могу говорить, человѣче! Хочешь, я крѣпко пожму твою руку?

4 апрѣля 1914 г.

Добрѣйшій Топпи одобряетъ всѣ мои поступки. Онъ очень развлекаетъ меня, этотъ добрѣйшій Топпи. Какъ я и ожидалъ, онъ совершенно забылъ свое истинное происхождение: всѣ мои напоминанія о нашемъ прошломъ онъ считаетъ шуткой, иногда смѣет-

ся, но чаще обиженно хмурится, такъ какъ очень религіозенъ и даже шуточное сопоставленіе его съ «рогатымъ» чертомъ кажется ему оскорбительнымъ: онъ самъ убѣжденъ теперь, что черти рогаты. Его американизмъ, въ началѣ бывший блѣднымъ и слабымъ, какъ карандашный набросокъ, теперь налился красками, и я самъ готовъ повѣрить всей чепухѣ, которую Топпи выдаетъ за свою жизнь — такъ она искренна и убѣдительна. По его словамъ, онъ служить у меня уже около пятнадцати лѣтъ, и особенно смѣшно послушать его рассказы о моей молодости.

Повидимому, и его коснулись чары М а р і и: мое рѣшеніе отдать всѣ деньги ея отцу удивило его меньше, нежели я ожидалъ. Съ минутой онъ молча пососалъ свою сигару и спросилъ:

— А что онъ будетъ дѣлать съ вашими деньгами?

— Не знаю, Топпи.

Онъ удивленно и хмуρο поднялъ брови:

— Вы шутите, м-ръ Вандергудъ?

— Видишь ли, Топпи: пока мы, т. е. Магнусъ занятъ тѣмъ, что все мое состояніе превращаетъ въ золото и распахиваетъ его по банкамъ — на свое имя, ты понимаешь?

— О! Какъ не понять, м-ръ Вандергудъ.

— Это предварительные, необходимые шаги.

А что будетъ дальше. . . я пока еще не знаю.

— О! Вы опять шутите?

— Вспомни, старина, что я и самъ не зналъ, что мнѣ дѣлать съ моими деньгами. Мнѣ нужны не деньги, а новая дѣятельность, ты понимаешь? Магнусъ же знаетъ. Мнѣ еще неизвѣстенъ его планъ, но мнѣ важно то, что сказалъ мнѣ Магнусъ: я заставлю васъ самого работать, Вандергудъ! О, Магнусъ великій человекъ, ты это увидишь, Топпи!

Топпи хмуро отвѣтилъ:

— Вы хозяинъ^ю вашимъ [деньгамъ, м-ръ Вандергудъ.

— Ахъ, ты^ю все забыть и все перепутать, Топпи! Но ты помнишь объ игръ? о томъ, что я хотѣлъ и гратъ?

— Да, вы что то говорили. Но мнѣ и тогда казалось, что вы шутите.

— Нѣтъ, я не шутилъ, но я ошибся. Здѣсь играютъ, но это не театръ. Это игорный домъ, Топпи, и я отдаю деньги Магнусу: пусть онъ мечетъ банкъ. Ты понимаешь? Онъ банкومتъ, онъ создастъ всю игру, а я буду ставить. . . ну, жизнь, что ли!

Видимо, старый шутъ ничего не понялъ. Съ усиліемъ раза три передвинувъ брови вверхъ и внизъ, онъ вдумчиво спросилъ:

— А какъ скоро ваше вѣнчаніе съ синьориной Маріей?

— Еще не знаю, Топпи. Но дѣло не въ этомъ. Я вижу, ты чѣмъ-то недоволенъ. Ты не довѣряешь Магнусу?

— О! Синьоръ Магнусъ достойный чело-
вѣкъ. Но одного я боюсь, м-ръ Вандергудъ,
если позволите быть откровеннымъ: онъ че-
ловѣкъ невѣрующій. Мнѣ это странно: какъ
отецъ синьорины Маріи можетъ быть чело-
вѣкомъ невѣрующимъ, но это такъ. Позвольте
спросить: вы что-нибудь дадите его преосвя-
щенству?

— Это теперь зависитъ отъ Магнуса.

— О! Отъ синьора Магнуса? Такъ, такъ.
А вы знаете, что его преосвященство уже
былъ у синьора Магнуса? Приѣзжалъ на
дняхъ и пробылъ въ кабинетѣ около часу,
васъ тогда не было дома.

— Нѣтъ, не знаю. Мы объ этомъ еще не
говорили, но ты не бойся: что-нибудь
мы дадимъ твоему кардиналу. Сознайся, ста-
рина: ты совсѣмъ очарованъ этой старой
обезьяной?

Топпи сурово взглянулъ на меня и вдох-
нулъ. Потомъ задумался... и странное дѣло!
— въ его чертахъ появилось что-то обезьянье,
какъ у кардинала. Потомъ гдѣ-то очень глубоко
въ немъ засвѣтилась улыбка, озарила свисшій
носъ, поднялась къ глазамъ и вспыхнула въ
нихъ двумя острыми огоньками, не лишен-
ными блудливаго ехидства. Я смотрѣлъ съ
удивленіемъ и даже радостью: да это мой
старый Топпи вылѣзалъ изъ своей чело-
вѣческой могилы... убѣжденъ, что и волосы

его вмѣсто ладана снова пахнуть мѣхомъ!
 Съ большой нѣжностью я поцѣловаль его
 въ темя — старыя привычки неискоренимы!
 — и воскликнулъ:

— Ты очарователень, Топпи! Но что такъ
 обрадовало тебя?

— Я — все ждалъ, — покажетъ ли онъ кардиналу — Марію?

— Ну?

— Не показалъ!

— Ну?!

Но Топпи молчалъ. И тѣмъ же путемъ, какъ пришла, медленно исчезла усмѣшка: сперва потухъ и потемнѣлъ свисшій носъ, потомъ сразу погасли живые огоньки въ глазахъ — и снова то же обезьянье уныніе, кислота и запахъ церковнаго притвора погребли на мгновеніе воскресшаго. Было бесполезно тревожить этотъ прахъ дальнѣйшими вопросами.

Это было вчера. Днемъ былъ теплый дождь, но къ вечеру прояснѣло и утомленный Магнусъ — кажется, у него болѣла голова — предложилъ втроемъ проѣхать въ Кампанью. Какъ всегда бывало при нашихъ интимныхъ поѣздкахъ, шоффера мы не брали: его обязанности съ необыкновеннымъ искусствомъ и смѣлостью исполнялъ Магнусъ. Въ этотъ разъ свою обычную смѣлость онъ довелъ до дерзости: не смотря на сгущавшіяся сумерки

и грязноватую дорогу, Магнусъ вель автомобилъ съ такой бѣшенной быстротой, что я не разъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на его широкоую неподвижную спину. Но это было только въ началѣ: близость Маріи, которую я поддерживалъ рукою (не смѣю сказать: обнималъ!) скоро привела меня къ потерѣ всѣхъ земныхъ ощущеній. Я не могу тебѣ рассказать, человѣче, такъ хорошо, чтобы ты это почувствовалъ — ни о пахучемъ воздухѣ Кампаньи, который обвѣвалъ мое лицо, ни о прелести и чарахъ стремительнаго бѣга, ни объ этой потерѣ матеріальнаго вѣса, почти полномъ исчезновеніи тѣла, когда самому себѣ кажешься только стремящейся мыслью, летящимъ взглядомъ...

Но еще меньше я могу рассказать тебѣ о Маріи. Ея ликъ Мадонны бѣлѣлъ въ сумеркахъ, какъ мраморъ; таинственнымъ безмолвіемъ мрамора, его совершенной красоты было ея кроткое, милое и мудрое молчаніе. Я еле касался рукою ея тонкаго и гибкаго стана, но если бы я обнималъ и держалъ въ рукѣ всю твердь земную и небесную, я не испыталъ бы болѣе полного чувства обладанія всѣмъ міромъ! Ты знаешь, что такое линія въ мѣрахъ? Немного, правда. И всего только на линію склонялось ко мнѣ божественное тѣло Маріи, — нѣтъ, не больше! — но что бы ты сказалъ, человѣче, если бы с о л н

це, сойдя съ своего пути всего на линію, на эту линію приблизилось къ тебѣ? Развѣ ты не сказала бы, что это чудо?

Мое существованіе казалось мнѣ необъятнымъ, какъ вселенная, которая не знаетъ ни твоего времени, ни твоего пространства, человѣче! На мгновеніе мелькнула передо мною черная стѣна моего Безпамятства, та неодолимая преграда, передъ которою смущенно бился духъ вочеловѣчившагося — и скрылась также мгновенно: ее безъ шума и борьбы поглотили волны моего новаго моря. Все выше поднимались онѣ, заливая міръ. Мнѣ уже нечего было ни вспоминать, ни знать: все помнила и всѣмъ владѣла моя новая человеческая душа. Я человѣкъ!

Откуда я выдумалъ, что я ненавижу Магнуса? Я взглянулъ на эту неподвижную, прямую твердую человеческую спину, подумалъ, что за нею бьется сердце и о томъ, какъ трудно, больно и страшно ей быть прямой и твердой, и о томъ, сколько боли и страданій уже испытало это человеческое существо, какъ оно ни гордится и ни хмурится — и вдругъ почувствовалъ, что я до боли, до слезъ люблю Магнуса, вотъ этого Магнуса! Онъ такъ быстро ѣдетъ и не боится! А въ ту минуту, какъ я думалъ это, на меня обратились взоры Маріи . . . ахъ, ночью они также ясны, какъ и днемъ! Но теперь въ нихъ было легкое без-

покойство, они спрашивали: о чемъ эти слезы?

Что могъ я отвѣтить какими-то дурацкими словами! Я молча взялъ руку Маріи и приложилъ къ губамъ. И все также не сводя съ меня своихъ ясныхъ очей, свѣтлѣя мраморомъ и холодомъ своего лица, она тихо отвела руку — я смутился — — и вновь дала ее мнѣ, снявъ перчатку. Позволишь дальше не продолжать, человѣче? Я не знаю, кто ты читающій эти строки и немного боюсь тебя . . . твоей слишкомъ быстрой и смѣлой фантазіи, да и неудобно такому джентльмену, какъ я, рассказывать о своемъ успѣхѣ у дамъ. Тѣмъ болѣе, что и возвращаться пора: на горѣ уже заблестѣли огни Тиволи и Магнусъ замедлилъ ходъ машины.

Обратно мы ѣхали совсѣмъ тихо и повеселѣвшій Магнусъ, вытирая платкомъ потный лобъ, изрѣдка обращался къ намъ съ короткими замѣчаніями. Не скрою одной своей мысли: ея несомнѣнная человѣчность интересно отмѣчаетъ всю полноту моего перерожденія — когда мы поднимались по широкой лѣстницѣ моего палаццо, среди его царственной красоты и богатства, я вдругъ подумалъ:

— А не послать ли мнѣ къ черту всю эту авантюру съ человѣчностью? Просто — жениться и жить княземъ въ этомъ дворцѣ. Будеть свобода, будутъ дѣти и ихъ смѣхъ,

будеть простое земное счастье и любовь. Зачѣмъ я отдалъ деньги этому господину? Какъ глупо!

Искося я взглянулъ на Магнуса — и онъ показался мнѣ чужимъ: «отберу деньги!» Но дальше я увидѣлъ строгій ликъ моей Маріи — и несоотвѣтствіе ея любви съ этимъ планомъ маленькаго скромненькаго счастья было такъ велико и разительно, что даже не потребовалось отвѣта. И сейчасъ эта мыслишка вспомнилась случайно, какъ одинъ изъ курьезовъ «топшима» — я буду называть это «топшимо» въ честь моего совершеннѣйшаго Топши.

И вечеръ былъ очарователенъ. По желанію Магнуса, Марія пѣла, и ты не можешь представить того благоговѣнія, съ какимъ слушаль ея Топши! Самой Маріи онъ ничего не посмѣлъ сказать, но, уходя спать, долго и съ выраженіемъ трясъ мою руку, потомъ такъ же долго и съ выраженіемъ раскачивалъ большую руку Магнуса. Я также поднялся, чтобы идти къ себѣ.

— Вы еще будете работать, Магнусъ?

— Нѣтъ. Вы не хотите спать, Вандергудъ? Пойдемте ко мнѣ, поболтаемъ. Кстати, вамъ надо подписать одну бумагу. Хотите вина?

— О! Съ удовольствіемъ, Магнусъ. Я также люблю ночныя бесѣды.

Мы выпили вина. Магнусъ, что то насвистывая безъ звука, безшумно ходилъ по ковру, я, по обыкновенію, полулежалъ въ креслѣ. Палаццо былъ безмолвенъ, какъ саркофагъ, и это напомнило ту безпокойную ночь, когда за стѣною бѣсновался сумасшедшій Мартъ. Вдругъ Магнусъ громко сказалъ, не останавливаясь:

— Дѣло идетъ прекрасно.

— Да?

— Черезъ двѣ недѣли все будетъ кончено. Ваше пухлое и разбросанное состояніе, въ которомъ можно заблудиться, какъ въ лѣсу, превратится въ ясный, отчетливый и тяжелый золотой комокъ. . . вѣрнѣе въ небольшую гору. Вы точно знаете цыфру вашихъ денегъ, Вандергудъ?

— Оставьте, Магнусъ. Я не хочу знать. И это ваши деньги.

Магнусъ быстро взглянулъ на меня и рѣзко подчеркнул:

— Нѣтъ, это ваши.

Я покорно пожалъ плечами: мнѣ не хотѣлось спорить. Было такъ тихо, и мнѣ такъ нравилось смотрѣть на этого сильно и безшумно шагающаго человѣка — я еще помнилъ его неподвижную и суровую спину, за которой впервые мнѣ такъ ясно представилось его сердце. Онъ продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— Вы знаете, Вандергудъ, что кардиналь былъ здѣсь?

— Старая обезьяна? Знаю. Что ему понадобилось?

— То же. Онъ хотѣлъ видѣть васъ, но я не сталъ отрывать васъ отъ вашихъ мыслей.

— Благодарю. Вы его выгнали?

Магнусъ сердито проворчалъ:

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Не гримасничайте, Вандергудъ.

Я уже говорилъ вамъ, что съ нимъ необходимо быть осторожнымъ, пока . . . мы здѣсь. Но въ томъ что онъ старая, бритая, негодная, злая, жадная, трусливая обезьяна — вы совершенно правы!

— Ого! А выгнать нельзя?

— Нельзя.

— Я вамъ вѣрю, Магнусъ. А чего надо этому королю, который благоволитъ на дняхъ посѣтить насъ?

— Экс-король? Вѣроятно, того же. Вы сами должны его принять, конечно.

— Но въ вашемъ присутствіи? Не иначе. Поймите, дорогой другъ, что съ той ночи я только вашъ ученикъ. Вы находите, что нельзя выгонять старой обезьяны? Прекрасно, пусть остается. Вы говорите, что надо принять какого-то экс-короля? Прекрасно, примемъ. Но я позволю линчевать себя на первомъ фонарѣ, если я знаю зачѣмъ это надо.

— Вы опять несерьезны, Вандергудъ.

— Нѣтъ, я очень серьезень, Магнусъ. Но, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, я рѣшительно не знаю, что мы дѣлаемъ и что будемъ дѣлать? Я не упрекаю васъ, я васъ даже не спрашиваю: какъ я уже сказалъ, я вамъ вѣрю и всюду слѣдую за вами. Чтобы вы снова не упрекнули меня въ легкомысліи и непрактичности, добавлю дѣловую подробность: залогомъ служить мнѣ Марія и ея любовь. Да, я еще не знаю, куда вы обратите вашу волю, на что вы захотите истратить вашу энергію, въ неистощимости которой я убѣждаюсь съ каждымъ новымъ днемъ, къ какимъ замысламъ и цѣлямъ приведетъ васъ или уже привелъ вашъ опытъ и умъ — но одно для меня несомнѣнно: это будутъ огромныя дѣла, это будутъ великія цѣли. И возлѣ васъ всегда найдется дѣло и для меня. . . во всякомъ случаѣ, это будетъ лучше моихъ безмозглыхъ старухъ и шести слишкомъ умныхъ секретарей. Почему вы не хотите вѣрить въ мою скромность, какъ я вѣрю въ вашу. . . геній? Вообразите, что я пришлецъ съ какой то другой планеты, съ Марса, напримѣръ, и теперь хочу самымъ серьезнымъ образомъ продѣлать опытъ ч е л о в ѣ к а . . . это очень просто, Магнусъ!

Нѣсколько мгновений Магнусъ хмуро смотрѣлъ на меня — и вдругъ разсмѣялся:

— Нѣтъ, вы дѣйствительно пришлецъ съ какой-то планеты, Вандергудъ! . . . А если ваше золото я употреблю на зло?

— Зачѣмъ? Развѣ это такъ интересно?

— Гхм! . . . Вы думаете, что это неинтересно?

— Да и вы думаете такъ же. Для маленькаго зла вы слишкомъ большой человѣкъ, какъ и миллиарды слишкомъ большія деньги, а большое зло . . . честное слово, я еще не знаю, что это значить большое зло? Можетъ быть, это значить: большое добро? Среди недавнихъ моихъ размышленій, когда я . . . однимъ словомъ мнѣ пришла такая странная мысль: кто приносить больше пользы человѣку — тотъ, кто ненавидитъ его или тотъ, кто любить? Вы видите, Магнусъ, какъ я еще несвѣдущъ въ человѣческихъ дѣлахъ и какъ я . . . готовъ на все.

Уже безъ смѣха и съ крайнимъ, какъ мнѣ показалось, любопытствомъ Магнусъ всего меня измѣрялъ глазами, будто рѣшая вопросъ: сидитъ ли передъ нимъ сплошной дуракъ — или первѣйшій умница Америки. Судя по его вопросу, онъ былъ ближе ко второму мнѣнію:

— Значить, если я вѣрно понялъ ваши слова, — васъ ничто не устраситъ, м-ръ Вандергудъ?

— Думаю, что ничто.

— А убійство... много убійствъ?

— Вы помните, гдѣ вы наметили вашимъ рассказомъ о мальчикѣ границу человѣческаго? Чтобы не произошло ошибки, я еще на нѣсколько километровъ отодвинулъ ее впередъ — этого хватить?

Въ глазахъ Магнуса выразилось что-то въ родѣ уваженія... чертъ его возьми, однако! онъ, кажется, дѣйствительно принималъ меня за простофилю. Продолжая быстро ходить по комнатѣ, онъ нѣсколько разъ пытливо, точно желая вспомнить и провѣрить мои слова, взглянулъ на меня — и быстрымъ движеніемъ коснулся моего плеча:

— Вы занятная голова, Вандергудъ. Жаль, что я не зналъ этого раньше.

— Почему жаль?

— Такъ, пустое. Нѣтъ, мнѣ интересно, какъ вы будете говорить съ королемъ: навѣрное, онъ предложитъ вамъ очень большое зло. А большое зло — большое добро, не такъ ли? — онъ разсмѣялся и дружески кивнулъ мнѣ.

— Не думаю. Скорѣе онъ предложитъ мнѣ большую глупость.

— Гхм!... А большая глупость не есть ли большой умъ? — онъ снова разсмѣялся, но вдругъ нахмурился и серьезно добавилъ: не обижайтесь, Вандергудъ. Мнѣ очень понравилось что вы говорили, и это хорошо, что вы ни о

чемъ меня не спрашиваете: сейчасъ я не могъ бы отвѣтить на ваши вопросы. Но кое-что могу сказать и сейчасъ. . . въ общихъ чертахъ, конечно. Вы слушаете?

— Съ большимъ вниманіемъ.

Магнусъ сѣлъ противъ меня и, отхлебнувъ вина, спросилъ съ видомъ странной сосредоточенности:

— Какъ вы относитесь къ взрывчатымъ веществамъ?

— Съ большимъ уваженіемъ.

— Да? Похвала холодная, но большаго они и не стоятъ. А было время, когда я готовъ былъ молиться динамиту, какъ откровенію. . . этотъ шрамикъ на лбу одинъ изъ слѣдовъ моего юношескаго увлеченія. Съ тѣхъ поръ я сдѣлалъ большіе успѣхи въ химіи — и во многомъ другомъ — и это охладило мою страсть. Недостатокъ всякаго взрывчатаго вещества, начиная съ пороха, заключается въ томъ, что взрывъ дѣйствуетъ на ограниченномъ пространствѣ и поражаетъ только ближайшіе предметы: для войны этого, пожалуй, достаточно, но этого мало для болѣе. . . широкихъ задачъ. Кромѣ того, какъ сила узко матеріальная, динамитъ или порохъ требуетъ для себя непрерывно направляющей руки: самъ по себѣ онъ глупъ, слѣпъ и глухъ, какъ кротъ. Правда въ минѣ Уайтхеда есть попытка скопировать с о з н а н і е, позволяющая

снаряду самому исправлять свои небольшія ошибки и какъ бы видѣть цѣль, но это лишь жалкая пародія на глаза. . . .

— А вы хотѣли бы, чтобы вашъ «динамитъ» имѣлъ сознаніе, волю и глаза?

— Вы правы, я этого хотѣлъ. И мой новый динамитъ все это имѣетъ: волю, сознаніе и глаза.

— Я еще не знаю цѣли, но это . . . страшно.

Магнусъ хмуро улыбнулся:

— Страшно? Боюсь, однако, что вашъ страхъ перейдетъ въ смѣхъ, когда я назову вамъ имя моего динамита. Это человекъ. Вы еще не рассматривали человека подъ этимъ угломъ, Вандергудъ?

— Сознаюсь, что нѣтъ. Какъ и динамитъ подъ угломъ психологіи. Но мнѣ вовсе не смѣшно.

— Химія! Психологія! — сердито воскликнулъ Магнусъ: это все оттого, что знанія раздѣлены и рука съ полными десятью пальцами сейчасъ рѣдкость. Вы и я и вашъ Топпи — всѣ мы снаряды, одни уже начиненные и готовые, другіе еще нуждающіеся въ зарядкѣ. И весь вопросъ въ томъ, вы понимаете, какъ зарядить снарядъ, а главное: какъ взорвать его? Вы знаете конечно, что для различныхъ препаратовъ требуются и особые способы взрыва?

Я не стану приводить здѣсь той лекціи о взрывчатыхъ веществахъ, что съ величайшимъ жаромъ и увлеченіемъ прочелъ мнѣ Магнусъ: мнѣ впервые пришлось увидѣть его въ такомъ волненіи. Не смотря на захватывающій интересъ темы, какъ выражаются мои друзья журналисты, я слушалъ только наполовину и больше разглядывалъ черепъ, вмѣщающій въ себѣ столь обширныя и опасныя знанія. Въ силу ли внушенія, которое шло отъ Магнуса, или отъ простаго утомленія этотъ круглый черепъ, сверкающій огнями глазъ, постепенно сталъ превращаться въ моихъ глазахъ въ настоящій взрывчатый снарядъ, въ готовую бомбу съ свѣтящимся фитилемъ. . . Я вздрогнулъ, когда Магнусъ небрежно бросилъ на столъ тяжелый предметъ похожій на брусокъ сѣро-желтоватаго мыла, и невольно вскрикнулъ:

— Что это?

— По виду — мыло или воскъ. По силѣ — это Дьяволъ. Достаточно половины этого бруска, чтобы стереть съ поверхности храмъ св. Петра. Но это напризный Дьяволъ. Его можно бить, рубить на части, жечь въ печкѣ и онъ останется безмолвнымъ: динамитный патронъ разорветъ его, но не вызоветъ гнѣва. Я могу бросить его на улицу, подъ ноги лошадей, его будутъ грызть собаки, имъ станутъ играть дѣти — и онъ останется равнодушнымъ.

Но стоит мнѣ кольнуть его токомъ высокаго напряженія — и ярость его взрыва будетъ чудовищна, безмѣрна! Сильный, но глупый Дьяволъ!

Съ той же небрежностью, почти презрѣніемъ Магнусъ бросилъ своего дьявола обратно въ ящикъ стола, откуда его досталъ, и сурово уставилъ на меня свои темные глаза. Я слегка развелъ бровями:

— Вижу, что вы знаете вашъ предметъ въ совершенствѣ, и этотъ капризный дьяволъ мнѣ очень нравится. Но я хотѣлъ бы слышать отъ васъ о ч е л о в ѣ к ѣ.

Магнусъ засмѣялся:

— А развѣ не о немъ я говорилъ? Развѣ исторія этого куска мыла не есть исторія вашего ч е л о в ѣ к а, котораго можно бить, жечь, рубить, бросать подъ ноги лошадей, отдавать собакамъ, разрывать на части — не вызывая въ немъ ни ярости, ни разрушающаго гнѣва? Но кольните его ч ѣ м ѣ-то — и его взрывъ будетъ ужасенъ... какъ вамъ это извѣстно, мой милый Вандергудъ!

Онъ снова засмѣялся и съ наслажденіемъ потеръ свои большія бѣлыя руки: едва ли онъ помнилъ въ эту минуту, что на нихъ уже есть человѣческая кровь. Да и надо ли это помнить ч е л о в ѣ к у? Помолчавъ, сколько требовало уваженіе къ предмету, я спросилъ:

— А вамъ извѣстно средство, какъ взрывать человѣка?

— Извѣстн о.

— А вы не нашли бы возможнымъ сообщить его мнѣ?

— Къ сожалѣнію, это не такъ легко и не такъ удобопонятно, какъ токъ высокаго напряженія. . . пришлось бы слишкомъ много говорить, дорогой Вандергудъ.

— А коротко?

— А коротко. . . Надо обѣщать человѣку ч у д о.

— И это все?

— И это все.

— Опять обманъ? Старая обезьяна?

— Опять обманъ. Но не старая обезьяна, не крестовые походы, не безсмертіе на небѣ. Теперь время иныхъ чаяній и иныхъ чудесъ. Онъ обѣщаль воскресеніе всѣмъ мертвымъ, я обѣщаю воскресеніе всѣмъ живымъ. За Нимъ шли мертвые, за мною. . . за нами пойдутъ живые.

— Но мертвые не воскресли. А живые?

— Кто знаетъ? Надо сдѣлать опытъ. Я еще не могу посвятить васъ въ дѣловую сторону, но предупреждаю: опытъ долженъ быть въ очень широкихъ размѣрахъ. Васъ э т о не страшитъ, м-ръ Вандергудъ?

Я неопредѣленно пожалъ плечами. Что могъ я отвѣтить? Этотъ господинъ, носящій

на плечахъ бомбу вмѣсто головы, снова раскололъ меня на двѣ половины, изъ которыхъ человекъ — увы! — былъ меньшей половиной. Какъ Вандергудъ, я испытывалъ — сознаюсь безъ стыда — жестокий страхъ и даже боль: какъ будто сила и ярость чудовищнаго взрыва уже коснулась моихъ костей и ломаетъ ихъ. . . ахъ, гдѣ же мое безоблачное счастье съ Маріей, гдѣ великое спокойствіе, гдѣ эта чертова бѣлая шкуна? Но, какъ великое и безсмертное любопытство, какъ геній и игры и вѣчнаго движенія, какъ жадный взоръ никогда не закрывающихся глазъ Я почувствовалъ — сознаюсь также безъ стыда — сильнѣйшую радость, почти восторгъ! И, ежась отъ сладкаго холода, я невольно пробормоталъ:

— Какъ жаль, что я не зналъ этого раньше.

— Почему жаль?

— Такъ, пустое. Не забывайте, что я пришлецъ съ другой планеты и только знакомлюсь съ человекомъ. Такъ какъ же мы поступимъ съ этой планетой, Магнусъ?

Онъ снова разсмѣялся:

— Вы большой чудакъ, Вандергудъ! Съ этой планетой? Мы устроимъ на ней небольшой праздникъ. Но довольно шутокъ, я ихъ не люблю — онъ сердито нахмурился и строго, какъ старый профессоръ посмотрѣлъ на меня: . . . манеры этого господина не отличались легковѣсностью. Когда ему показалось, что я

сталъ достаточно серьезень, онъ благосклонно кивнулъ головой и спросилъ: — Вы знаете, Вандергудъ, что вся Европа сейчасъ въ очень тревожномъ состояніи?

— Война?

— Возможно, что и война, ея всё тайно ожидаютъ. Но война, какъ преддверіе въ царство чуда. Понимаете: мы слишкомъ долго живемъ простой таблицей умноженія, мы устали отъ таблицы умноженія, и а съ охватываютъ тоска и скука отъ этого слишкомъ прямого пути, грязь котораго теряется въ безконечности. Сейчасъ мы уже всё хотимъ чуда, а скоро наступитъ день, когда мы потребуемъ чуда немедленно! Не я одинъ хочу опыта въ большихъ размѣрахъ — его готовить самъ міръ. . . ахъ, Вандергудъ, по истинѣ не стоило бы жить, если бы не эти крайне любопытные моменты! Крайне любопытные! — онъ жадно потеръ руки.

— Вы довольны?

— Какъ химикъ, я въ восторгѣ. Мои снаряды уже начинены, сами того не зная — но они узнаютъ это, когда я приложу мой фитиль къ затравкѣ. Вы представляете себѣ это зрѣлище, когда начнетъ взрываться мой динамитъ съ его сознаніемъ, волей, и глазами, находящими цѣль?

— А кровь? Быть можетъ, мое напоминаніе неумѣстно, но когда-то вы съ большимъ волненіемъ говорили о крови.

Магнусъ остановилъ на мнѣ долгій взглядъ: что-то въ родѣ страданія выразилось въ его глазахъ. Но это не было страданіе совѣсти или жалости — это была боль взрослога и умнаго человѣка, мысли котораго перебиты глупымъ вопросомъ ребенка: — Кровь? — сказалъ онъ — какая кровь?

Я повторилъ ему тогдашнія его слова и рассказалъ мой странный и неприятный сонъ о бутылкахъ, наполненныхъ кровью вмѣсто вина и такъ легко бьющихся. Утомленно, съ закрытыми глазами, онъ выслушалъ мой рассказъ и продолжительно вздохнулъ.

— Кровь! — пробормоталъ онъ: кровь! Это глупости. Тогда я много наболталъ вамъ пустяковъ, Вандергудъ, и ихъ не слѣдуетъ вспоминать. Впрочемъ, если это страшить васъ, то еще не поздно.

Я рѣшительно возразилъ:

— Меня ничто не страшить. Какъ уже сказано, я всюду иду за вами. Это протестуетъ моя кровь — понимаете? — а не сознаніе и воля. Вѣроятно, я буду первымъ, кого вы обманете: я также хочу чуда. Развѣ не чудо — ваша Марія? За эти дни и ночи я повторилъ всю таблицу умноженія, и она мнѣ ненавистна, какъ тюремная рѣшетка. Съ точки зрѣнія вашей химіи, я вполне начиненъ и прошу васъ только объ одномъ: поскорѣе взорвите меня!

Магнусъ сурово согласился:

— Хорошо. Черезъ двѣ недѣли. Вы довольны?
— Благодарю васъ. Могу я надѣяться, что тогда и синьорина Марія станетъ моею женою?

Магнусъ усмѣхнулся:

— Мадонна?

— О! Я не понимаю вашей улыбки... и она не вполне совместима съ моимъ уваженіемъ къ вашей дочери, синьоръ Магнусъ.

— Не волнуйтесь, Вандергудъ. Моя улыбка относилась не къ Маріи, а къ вашей вѣрѣ въ чудеса. Вы славный малый, Вандергудъ, я начинаю любить васъ, какъ сына. Черезъ двѣ недѣли вы получите все и тогда мы заключимъ новый и крѣпкій союзъ. Вашу руку, товарищъ!

Впервые онъ такъ дружески и крѣпко жаль мою руку. Если бы на его плечахъ была не бомба, а простая человѣческая голова, я пожалуй поцѣловалъ бы его... но прикладываться къ бомбѣ! При всемъ уваженіи!

Это первая ночь, когда я спалъ, какъ убитый, и каменные стѣны дворца не давили меня. Стѣны уничтожила взрывчатая сила словъ Магнуса, а крыша растаяла подъ высокимъ звѣзднымъ покровомъ Маріи: въ ея царство безмятежности, любви и покоя унеслась моя душа. Гора Тиволи и ея огоньки — вотъ что я видѣлъ, засыпая.

8 апрѣля, Римъ.

Прежде, чѣмъ постучаться ко мнѣ, его величество, экс-король Э. обильно не мало пороговъ въ Европѣ. Вѣрный примѣру своихъ апостолическихъ предковъ, вѣрившихъ въ золото Израиля, онъ съ особой охотой прибѣгалъ къ еврейскимъ банкирамъ: кажется, и я былъ обязанъ честию посѣщенія его непоколебимой увѣренности, что я также іудей. Хотя его величество пребывалъ въ Римѣ инкогнито, я, предупрежденный о визитѣ, встрѣтилъ его на нижней ступени лѣстницы и поклонился очень низко — кажется, такъ полагается по этикету. Затѣмъ, по тому же этикету, мы представили другъ друга: онъ — своего адъютанта, я — Фому Магнуса.

Сознаюсь, я не былъ высокаго мнѣнія о бывшемъ королѣ и тѣмъ болѣе поразили онъ меня своимъ высокимъ мнѣніемъ о себѣ. Онъ вѣжливо, но съ такимъ великолѣпнымъ пренебреженіемъ подалъ мнѣ руку, онъ съ такой спокойной увѣренностью смотрѣлъ на меня, какъ на существо низшаго порядка, онъ такъ естественно шагалъ впереди меня, сѣлся безъ приглашенія, по королевски откровенно разсматривалъ стѣны и мебель, что вся моя неловкость отъ незнанія этикета мгновенно исчезла: надо только слѣдовать за этимъ малымъ, который такъ прекрасно все знаетъ.

По виду это былъ еще совсѣмъ молодой человекъ съ несвѣжимъ цвѣтомъ лица и великолѣпной прической, въ мѣру истасканный, достаточно сохранившійся, съ глазами безцвѣтными и спокойными и надменно выдвинутой нижней губой. Прекрасны были его руки. Онъ нисколько не скрывалъ, что мое американское лицо, казавшееся ему еврейскимъ, и необходимость просить у меня денегъ наводили на него непроходимую скуку: онъ слегка взвнуль, усѣвшись въ кресло и сказалъ:

— Садитесь же, господа.

И легкимъ жестомъ предложилъ своему адъютанту изложить причину посѣщенія.

На Магнуса онъ не обращалъ никакого вниманія и, пока толстый, краснѣвшій, любезный адъютантъ вкрадчиво повѣствовалъ о «недоразумѣннѣ», удалившемъ его величество изъ отечества, — спокойно и скучно разсматривалъ свои ногти. Наконецъ, перебилъ плавную рѣчь своего повѣреннаго нетерпѣливымъ замѣчаніемъ:

— Говорите короче, маркизь. Мистеръ... Вандергудъ не хуже насъ съ вами знаетъ эту исторію. Однимъ словомъ, эти дураки выгнали меня. Какъ вы смотрите на это, милѣйшій Вандергудъ?

Какъ я смотрю на это? Я низко поклонился:

— Я радъ служить вашему величеству.

— Ну да, это всё говорят. Но дадите ли вы мнѣ денегъ? Продолжайте, маркизь.

Маркизь нѣжно улыбнувшись мнѣ и Магнусу (не смотря на толщину, у него былъ очень голодный видъ) продолжалъ плести свое тончайшее кружево о «недоразумѣніи», пока заскучавшій король снова не прервалъ его:

— Понимаете: эти глупцы думаютъ, что всё ихъ несчастья отъ меня. Не правда ли, какъ это глупо, м-ръ Вандергудъ? А теперь имъ стало еще хуже и они пишутъ: возвращайтесь, Бога ради, мы погибаемъ! Прочтите письма, маркизь.

Въ началѣ король говорилъ съ нѣкоторымъ оживленіемъ, но видимо, всякое усиліе быстро утомляло его. Маркизь послушно досталъ изъ портфеля пачку бумагъ и довольно долго мучалъ насъ жалобами осиротѣвшихъ подданныхъ умолявшихъ своего господина вернуться. Я смотрѣлъ на короля: онъ скучалъ не меньше насъ. Ему такъ ясно было, что народъ не можетъ существовать безъ него, что всякія подтвержденія казались излишними... а мнѣ было такъ странно: откуда у этого ничтожнаго человѣка такъ много этой счастливой увѣренности? Не было сомнѣнія, что этотъ ципленокъ, не умѣющій самъ найти и зерна, искренне вѣрить въ особыя свойства своей личности, способной дать цѣлому народу чаемыя блага. Глупость? Воспитаніе? Привычка? А

въ эту минуту маркизъ читаль стenanіe какого-то корреспондента, гдѣ сквозь officialную бездарность и ложь пышныхъ выраженій сквозила та же увѣренность и искренній призывъ. Также глупость и привычка?

— И такъ далѣе, и такъ далѣе — равнодушно прервалъ чтеніе король: достаточно, маркизъ, закройте вашъ портфель. Такъ какъ же вы смотрите на это, любезный Вандергудъ?

— Осмѣлюсь сказать вашему величеству, что я представитель старой демократической республики и...

— Оставьте, Вандергудъ! Республика, демократія! Это глупости. Вы сами хорошо знаете, что король всегда необходимъ. У васъ, въ Америкѣ, также будетъ король. Какъ можно безъ короля: кто же отвѣтитъ за нихъ Богу? Нѣтъ, это глупости.

Этотъ ципленокъ собирался отвѣчать Богу за людей! А онъ продолжалъ все также спокойно и невозмутимо:

— Король все можетъ. А что можетъ президентъ! Ничего. Вы понимаете, Вандергудъ: ни—че—го! Зачѣмъ же вамъ президентъ, который ничего не можетъ? — онъ соблаговолилъ сдѣлать нижней губой насмѣшливую улыбку. — Это все глупости, это газеты выдумали. Развѣ вы сами станете слушаться вашего президента, м-ръ Вандергудъ?

— Но народное представительство...

— Фи! Извините, м-ръ. . . Вандергудъ (онъ съ трудомъ вспомнилъ мое имя), но какой же глупецъ станетъ слушаться какого-то народного представительства? Гражданинъ А будетъ слушаться гражданина Б, а гражданинъ Б будетъ слушаться гражданина А — не такъ ли? А кто же ихъ заставитъ слушаться, если оба они умные? Нѣтъ, я также изучалъ логику, м-ръ Вандергудъ, и вы мнѣ позволите немного посмѣяться!

Онъ немного посмѣялся и сдѣлалъ привычный жестъ рукою:

— Продолжайте, маркизь. . . Нѣтъ, впрочемъ, я буду самъ. Король можетъ все, вы понимаете, Вандергудъ?

— Но законъ. . .

— Ахъ, и этотъ чудакъ о законѣ — вы слышите, маркизь? Нѣтъ, я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ имъ всѣмъ такъ понадобился этотъ законъ! Чтобы всѣмъ было одинаково плохо? . . . извините, но вы очень эксцентричны, м-ръ Вандергудъ! Впрочемъ, если вы ужъ такъ хотите, пусть будетъ законъ, но кто же вамъ его дастъ, если не я?

— Но народное представительство. . .

Король почти съ отчаяніемъ поднялъ на меня свои безцвѣтные глаза:

— Ахъ, опять этотъ гражданинъ А и Б! Но поймите же, любезный Вандергудъ: какой же это законъ, если они сами его дѣлаютъ?

Какой же умный человекъ станетъ его слушаться? Нѣтъ, это глупости. Неужели вы сами слушаетесь вашего закона, Вандергудъ?

— Не только я, ваше величество, но вся Америка. . .

Онъ съ сожалѣніемъ измѣрялъ меня глазами:

— Извините, но я этому не вѣрю. Вся Америка! Ну, значить, они просто не понимаютъ, что такое законъ — вы слышите, маркизъ, вся Америка! Но дѣло не въ этомъ. Мнѣ надо вернуться, Вандергудъ, вы слышали, что они пишутъ, бѣдняги?

— Я счастливъ видѣть, что дорога вамъ открыта, государь.

— Открыта? Вы думаете? Гхм! Нѣтъ, мнѣ надо денегъ.

Одни пишутъ, а другіе не пишутъ, вы понимаете?

— Можетъ быть, они просто не умѣютъ писать, государь?

— Они то?! Ого!! Вы посмотрѣли бы что они писали противъ меня, я былъ даже разстроень. Ихъ просто надо разстрѣлять.

— Всѣхъ?

— Почему всѣхъ? Нѣкоторыхъ довольно. Другіе просто испугаются. Понимаете, Вандергудъ, они просто украли у меня власть и теперь, конечно, не захотятъ отдать. Не могу же я самъ слѣдить, чтобы меня не обкрадывали? А эти господа — онъ кивнулъ на покраснѣв-

шаго маркиза — не съумѣли къ сожалѣнію оберечь меня.

Маркизь смущенно пробормоталь:

— Государь! . . .

— Ну, ну, я знаю твою преданность, но ты же прозѣваль, это правда? А теперь столько хлопотъ, столько хлопотъ! — онъ слегка вздохнулъ. Вамъ не говорилъ кардиналь Х., что мнѣ надо дать денегъ, м-ръ Вандергудъ? Онъ обѣщаль сказать. Конечно, я потомъ все возвращу и . . . но объ этомъ вамъ слѣдуетъ поговорить съ маркизомъ. Я слыхаль, что вы очень любите людей, м-ръ Вандергудъ?

По мрачному лицу Магнуса пробѣжала легкая усмѣшка. Я молча поклонился.

— Мнѣ говорилъ кардиналь. Это очень похвально, м-ръ Вандергудъ. Но если вы любите людей, то непременно дадите мнѣ денегъ, я не сомнѣваюсь. Имъ необходимъ король, газеты говорятъ глупости. Почему въ Германіи король, въ Англіи король, въ Италіи король и еще сто королей, а у насъ не нуженъ король?

Адъютантъ пробормоталь:

— Недоразумѣніе . . .

— Конечно, недоразумѣніе, маркизь правъ. Газеты называютъ это революціей, но лучше повѣрьте мнѣ, я знаю мой народъ: это простое недоразумѣніе. Теперь они сами плачутъ. Какъ можно безъ короля? Тогда совсѣмъ не

было бы королей, вы понимаете, какія глупости! Они вѣдь говорятъ, что можно и безъ Бога. Нѣтъ, надо пострѣлять, пострѣлять!

Онъ быстро всталъ и въ этотъ разъ съ благо-склонной улыбкой пожалъ мою руку и кивнулъ головой Магнусу.

— До свиданя, до свиданя, любезный Вандергудъ. У васъ прекрасная фигура...о, какой молодець! На этихъ дняхъ маркизь заѣдетъ къ вамъ. Что я еще хотѣлъ сказать? Ахъ, да: желаю вамъ, чтобы и у васъ въ Америкѣ былъ поскорѣе король... это необходимо, мой другъ, этимъ все равно кончится! О ревуарь!

Съ тѣмъ же торжествомъ мы проводили его величество до выходной двери. Маркизь слѣдовалъ сзади и въ его наклоненной головѣ точно разрубленной до шеи пробормомъ среди рѣденькихъ волосъ, въ ея покраснѣвшей кожѣ выражались голодь и чувство постоянной неудачи...ахъ, онъ уже столько разъ и такъ безплодно говорилъ о «недоразумѣнн!» Что-то вспомнилось и королю о безплодно обитыхъ порогахъ: его безкровное лице снова залилось сѣрой скукой и на мой послѣдній поклонъ онъ удивленно вскинулъ глаза, откровенно выражавшія: что еще надо этому дураку? Ахъ да, у него деньги. И лѣниво попросилъ:

— Такъ не забудьте же, м-р-ъ...любезнѣйшій!

А автомобиль былъ великолѣпенъ и также великолѣпенъ былъ рослый гайдукъ, похожій на переодѣтаго жандарма. Когда мы поднялись по лѣстницѣ (среди нашихъ почтительныхъ лакеевъ, смотрѣвшихъ на меня, какъ на коронованную особу) и вошли къ себѣ, Магнусъ погрузился въ долгое и ироническое молчаніе. Я спросилъ:

— Сколько лѣтъ этому ципленку?

— А вы этого не знали, Вандергудъ? Плохо. Ему 32 года. Кажется моложе.

— Кардиналь дѣйствительно говорил о немъ и просилъ дать денегъ?

— Да. То, что останется послѣ самаго кардинала.

— Почему он и такъ цѣпляется за монархію?

— Вѣроятно, потому, что монархическій образъ правленія и на небѣ. Вы можете представить себѣ республику святыхъ и управленіе міромъ на основѣ выборнаго права? Подумайте, что тогда и черти получаютъ право голоса. Король необходимъ, Вандергудъ, повѣрьте.

— Вздоръ! Этотъ не стоитъ даже шутки.

— Я не шучу. Вы ошибаетесь. И, простите за прямоту, мой другъ: въ своихъ сужденіяхъ о королѣ онъ въ этотъ разъ былъ выше васъ. Вы видѣли только ципленка, образъ, узко матеріальный и только смѣшной — онъ самозерцаль себя, какъ символъ. Оттого онъ

такъ спокоенъ и нѣтъ сомнѣнiя — онъ вернется къ своему излюбленному народу.

— И пострѣляетъ?

— И пострѣляетъ, и напугаетъ. Ахъ, Вандергудъ, какъ вы упорно не хотите разстаться съ таблицей умноженiя! Вѣдь ваша республика есть простая таблица, а король — вы чувствуете — а король чудо! Что проще, глупѣе и безнадежнѣе, какъ миллионъ бородатыхъ людей, управляющихъ собою — и какъ удивительно, какъ чудесно, когда этимъ миллиономъ бородачей управляетъ ц и п л е н о к ъ! Это чудо! И какiя возможности открываются при этомъ! Мнѣ было смѣшно, когда вы, даже съ чувствомъ, упомянули законъ, эту мечту дьявола. Король необходимъ какъ разъ для того, что бы н а р у ш а т ь законъ, чтобы была воля, стоящая выше закона!

— Но законы мѣняются, Магнусъ.

— Мѣнять, значить подчиняться только необходимости и новому закону, котораго раньше вы не знали. Только нарушая законъ, вы ставите волю выше. Докажите, что Богъ самъ подчиненъ своимъ законамъ, т. е. по просту говоря, не можетъ свершить чуда — и завтра ваша бритая обезьяна останется въ одиночествѣ, а церкви пойдутъ подъ манежи. Чудо, Вандергудъ, чудо — вотъ что еще держитъ людей на этой проклятой землѣ!

При этихъ словахъ Магнусъ съ силой ударилъ по столу сжатымъ кулакомъ. Лице его было мрачно, въ темныхъ глазахъ горѣло необычное возбужденіе. Точно угрожая кому то, онъ продолжалъ:

— Вотъ онъ вѣрить въ чудо, и я завидую ему. Онъ ничтоженъ, онъ дѣйствительно только ципленокъ, но онъ вѣрить въ чудо — и онъ уже былъ королемъ и будетъ королемъ! А мы! . . .

Онъ презрительно махнулъ рукой и заходилъ по ковру, какъ разсерженный капитанъ по палубѣ своего корабля. Я съ почтеніемъ глядѣлъ на его тяжелую взрывчатую голову и сверкающіе глаза: только впервые мнѣ ясно представилось, сколько с а т а н и н с к а г о честолюбія таилъ въ себѣ этотъ странный господинъ. «А мы!» Мой взглядъ былъ замѣченъ Магнусомъ и вызвалъ гнѣвный окрикъ:

— Что вы такъ смотрите на меня, Вандергудъ? Глупо! Вы думаете о моемъ честолюбіи? Глупо, Вандергудъ! Развѣ в а м ъ, господинъ изъ Иллинойса, также не хотѣлось бы стать. . . ну хотя бы императоромъ Россіи, гдѣ в о л я пока еще выше закона?

— А на какой престолъ мѣтите вы, Магнусъ?
— отозвался я, уже не скрывая ироніи.

— Если вамъ угодно такъ лестно думать обо мнѣ, мистеръ Вандергудъ, то я м ѣ ч у выше.

Глупости, товарищ! Лишь безкровныя моралисты никогда не мечтали о коронѣ, какъ одни евнухи никогда не соблазнялись мыслью о насилии надъ женщиной. Вадоръ! Но я не хочу престола, даже русскаго: онъ слишкомъ тѣсенъ.

— Но есть еще одинъ престолъ, синьоръ Магнусъ: Господа Бога.

— Почему же только Господа Бога? А про Сатану вы изволили забыть, м-ръ Вандергудъ?

И это было сказано Мнѣ. . . или уже вся улица знаетъ, что престолъ мой вакантенъ?! Я почтительно склонилъ голову и сказалъ:

— Позвольте мнѣ первому привѣтствовать васъ. . . ваше величество.

Магнусъ свирѣпо взглянулъ на меня и оскалится, какъ собака надъ спорной костью. И эта сердитая крошка хочетъ быть Сатаною! И эта щепотка земли, которой едва хватить Дьяволу на одну понюшку, мечтаетъ вѣнчаться моею короной! Я еще ниже опустилъ голову и потупилъ глаза: я чувствовалъ, какъ разгорается въ нихъ лучистое пламя презрѣнія и божественнаго смѣха, и этого смѣха не долженъ былъ знать мой почтенный преемникъ. Не знаю, сколько времени мы молчали, но когда наши взоры снова встрѣтились, они были ясны, чисты и невинны, какъ два луженыхъ таза въ тѣни. Но первый заговорилъ Магнусъ.

— И такъ? — сказала онъ.

— И такъ? — отвѣтилъ я.

— Прикажете дать денегъ королю?

— Деньги въ вашемъ распоряженіи, дорогой другъ.

Магнусъ задумчиво посмотрѣлъ на меня.

— Не стоитъ — рѣшилъ онъ. — Это слишкомъ старое чудо, надо слишкомъ много полиціи, чтобы въ него повѣрили. Мы сотворимъ чудо получше.

— О, безъ сомнѣнія! Мы сотворимъ гораздо лучше. Черезъ двѣ недѣли?

— О да, приблизительно! — любезно отвѣтилъ Магнусъ.

Разставаясь, мы обмѣнялись горячимъ рукопожатіемъ, а часа черезъ два милостивѣйшій король прислалъ намъ по ордену: мнѣ — какую-то звѣзду, Магнусу — что-то вообще. Мнѣ стало немного жаль бѣднаго идіота, продолжавшаго игру въ одиночку.

16 апрѣля, Римъ.

Марія слегка нездорова и я почти не вижу ея. Про ея нездоровье мнѣ доложилъ Магнусъ — и солгалъ: онъ почему-то не хочетъ, чтобы я видѣлся съ нею. Чего онъ боится? И опять у него, въ мое отсутствіе, былъ кардиналъ X. О «чудѣ» мнѣ ничего не говорятъ.

Но я терпѣливъ — и жду. Въ началѣ это показалось мнѣ нѣсколько скучнымъ, но на дняхъ я нашель новое развлеченіе и теперь я даже доволенъ. Это — римскіе музеи, въ которыхъ я провожу каждое утро какъ добросовѣстный американецъ, недавно научившійся отличать живопись отъ скульптуры. Но со мной нѣтъ Бедкера и я странно счастливъ, что рѣшительно ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ: мраморѣ и картинахъ. Мнѣ просто нравится все это.

Мнѣ нравится, что въ музеяхъ такъ хорошо пахнетъ моремъ. Почему моремъ? — я не знаю: море далеко и я скорѣе ждалъ запаха гнили. И тамъ такъ просторно — просторнѣе, нежели въ Кампаньи. Въ Кампаньи я вижу только пространство, по которому бѣгаютъ поѣзда и автомобили, здѣсь я плаваю во времени. Здѣсь такъ много за то времени! И еще мнѣ нравится, что здѣсь такъ почтительно сохраняютъ обломокъ мраморной ноги, какую-то каменную подошву съ кусочкомъ пятки. Какъ осель изъ Иллинойса, я совершенно не понимаю, что въ ней хорошаго, но уже вѣрю, что это хорошо, и меня трогаетъ твоя осторожная бережливость, человѣчекъ. Береги! Ломай живыя ноги, это ничего, но эти ты долженъ сохранять. Очень хорошо, когда двѣ тысячи лѣтъ живые, умирающіе, постоянно мѣняющіеся люди берегутъ холодный осколочекъ мраморной ноги.

Когда съ римской улицы, гдѣ каждый камешекъ залитъ свѣтомъ апрѣльскаго солнца, я вхожу въ тѣнистый музей, его прозрачная и ровная тѣнь мнѣ кажется особеннымъ свѣтомъ, болѣе прочнымъ, нежели слишкомъ экспансивные солнечные лучи. Насколько п о м н ю, именно такъ должна свѣтиться вѣчность. И эти мраморы! Они столько поглотили солнца, какъ англичанинъ виски, прежде чѣмъ ихъ загнали сюда, что теперь имъ не страшна никакая ночь... и мнѣ возлѣ нихъ не страшно проклятой ночи. Береги ихъ, человекъ!

Если это называется искусство, то какой же ты, Вандергудъ, осель! Конечно, ты культуренъ, ты почтительно смотрѣлъ на искусство, но какъ на чужую религію и понималъ въ ней не больше, чѣмъ тотъ осель, на которомъ Мессія вступалъ въ Іерусалимъ. А вдругъ пожаръ? Вчера эта мысль весь день тревожила меня и я пошелъ съ нею къ Магнусу. Но онъ слишкомъ занятъ чѣмъ-то другимъ и долго не понималъ меня.

— Въ чемъ дѣло, Вандергудъ? Вы хотите застраховать Ватиканъ — или что? Скажите яснѣе.

— О! Застраховать! — воскликнулъ я съ негодованіемъ: вы варваръ, Фома Магнусъ! Наконецъ, онъ понялъ. Улыбнувшись весьма добродушно, онъ потянулся, зѣвнулъ и

положилъ передъ моимъ носомъ какую-то бумажку.

— А вы дѣйствительно господинъ съ Марса, милый Вандергудъ. Не возражайте и лучше подпишите эту бумажку. Послѣдняя.

— Подпишу, но съ однимъ условіемъ. Вашъ взрывъ не коснется Ватикана?

Онъ снова усмѣхнулся:

— А вамъ жаль? Тогда лучше не подписывайте. Вообще, если вамъ чего-нибудь жаль — чего бы то ни было, Вандергудъ — онъ нахмурился и сурово посмотрѣлъ на меня, — то лучше разстанемся, пока не поздно. Въ моей игрѣ нѣтъ мѣста для жалости и моя піеса не для сантиментальныхъ американскихъ миссъ.

— Если вамъ угодно. . . — я подписалъ бумагу и отбросилъ ее. — Но кажется вы не на шутку вступили въ обязанности Сатаны, дорогой Магнусъ!

— А развѣ и у Сатаны есть обязанности? Жалкій Сатана. Тогда я не хочу быть Сатаной.

— Ни жалости, ни обязанностей?

— Ни жалости, ни обязанностей.

— А что же тогда?

Онъ быстро взглянулъ на меня блестящими глазами и отвѣтилъ однимъ короткимъ словомъ, разсѣкшимъ воздухъ передъ моимъ лицомъ:

— В о л я.

— И. . . и токъ высокаго напряженія?

Магнусъ снисходительно улыбнулся:

— Я очень радъ, что вы такъ хорошо запомнили мои слова, Вандергудъ. Это можетъ вамъ пригодиться въ свое время.

Проклятая собака! Мнѣ такъ захотѣлось ударить его, что я — поклонился особенно вѣжливо и низко. Но онъ удержалъ меня, радушнымъ жестомъ указывая на кресло:

— Куда же вы, Вандергудъ? Посидите. Последнее время мы такъ мало видимся. Какъ ваше здоровье?

— Благодарю васъ, чудесно. А какъ здоровье синьорины Маріи?

— Все еще неважно. Но это пустяки. Еще нѣсколько дней ожиданія и вы. . . Такъ вамъ понравились музеи, Вандергудъ? Когда то и я отдалъ имъ много времени и чувства. Да помню, помню. . . Вы не находите, Вандергудъ, что человѣкъ въ массѣ своей — существо отвратительное?

Я удивленно поднялъ глаза:

— Я не вполне понимаю этотъ переходъ, Магнусъ. Наоборотъ, музеи открыли мнѣ человѣка съ новой и довольно пріятной стороны. . .

Онъ засмѣялся:

— Любовь къ людямъ?. . . Ну, ну, не сердитесь на шутку, Вандергудъ. Видите ли: все, что дѣлаетъ человѣкъ, прекрасно въ наброскѣ — и отвратительно въ картинѣ. Возьмите эскизъ христіанства съ его нагорной пропо-

вѣдью, лиліями и колосьями, какъ онъ чудесенъ! И какъ безобразна его картина съ пономарями, кострами и кардиналомъ X.! Начинаетъ геній, а продолжаетъ и кончаетъ идиотъ и животное. Чистая и свѣжая волна морского прибоя ударяетъ въ грязный берегъ — и, грязная, возвращается назадъ, неся пробки и скорлупу. Начало любви, начало жизни, начало римской имперіи и великой революціи — какъ хороши всѣ начала! А конецъ ихъ? И если отдѣльному человѣку удавалось умереть такъ же хорошо, какъ онъ родился, то массы, массы, Вандергудъ, всякую литургію кончаютъ безстыдствомъ!

— О! А причины, Магнусъ?

— Причины? Повидимому, здѣсь сказывается самое существо человѣка, животного, въ массѣ своей злого и ограниченнаго, склоннаго къ безумію, легко заражаемаго всѣми болѣзнями и самую широкую дорогу кончающаго неизбѣжнымъ тупикомъ. И оттого такъ высоко надъ жизнью человѣка стоитъ его искусство! . . .

— Я не понимаю.

— Что же здѣсь непонятнаго? Въ искусствѣ Геній начинаетъ и геній кончаетъ. Вы понимаете: Геній! Болванъ, подражатель или критикъ безсиленъ что-нибудь измѣнить или испортить въ картинахъ Веласкеца, скульптурѣ Анджело или стихахъ Гомера. Онъ можетъ

ихъ уничтожить, разбить, сжечь, сломать, но принизить ихъ до себя не въ силахъ — и оттого онъ такъ ненавидитъ истинное искусство. Вы понимаете, Вандергудъ? Его лапа безсильна!

Магнусъ помоталъ въ воздухѣ бѣлой руной и разсмѣялся.

— Но почему же онъ такъ тщательно [охраняетъ и бережетъ]?...

— Это не онъ охраняетъ и бережетъ. Это дѣлаетъ особая порода вѣрующихъ сторожей — Магнусъ снова разсмѣялся: а вы замѣтили, какъ имъ неловко въ музеѣ?

— Кому — имъ?

— Ахъ, ну этимъ, которые приходятъ смотрѣть! Но самое смѣшное въ этой исторіи не то, что дуракъ — дуракъ, а то, что Геній неуклонно обожаетъ дурака подъ именемъ ближняго и страстно ищетъ его убійственной любви. Самымъ дикимъ образомъ Геній не понимаетъ, что ег о настоящий ближній — такой же Геній, какъ и онъ, и вѣчно раскрываетъ свои объятія человѣкоподобному... который туда и лѣзетъ охотно, чтобы вытащить часы изъ жилетнаго кармана! Да, милый Вандергудъ, это очень смѣшная исторія, и я боюсь...

Онъ умолкъ и задумался, тяжело глядя въ полъ: такъ, вѣроятно, смотрятъ люди въ глубину собственной могилы. И я понялъ, чего боялся этотъ геній, и еще разъ преклонился

передъ этимъ сатанинскимъ умомъ, знавшимъ въ мірѣ только себя и свою волю. Вотъ Богъ, который даже съ Олимпомъ не пожелаетъ раздѣлить своей власти! И сколько презрѣнія къ человѣчеству! И какое открытое пренебреженіе ко мнѣ! Вотъ проклятая щепотка земли, отъ которой способенъ расчихаться даже Дьяволъ!

И ты знаешь, чѣмъ кончилъ я этотъ вечеръ? Я взялъ за шиворотъ моего благочестиваго Топпи и пригрозилъ его застрѣлить, если онъ не напьется вмѣстѣ со мною — и мы напились! Началось это въ какомъ-то грязненькомъ «Гамбринусѣ» и продолжалось въ ночныхъ темныхъ тавернахъ, гдѣ я щедро поилъ какихъ-то черноглазыхъ бандитовъ, мандолинистовъ и пѣвцовъ, пѣвшимъ мнѣ про М а р і ю: я пилъ, какъ ковбой, попавшій въ городъ послѣ годичной трезвой работы. Долой музеи! Помню, я много кричалъ и размахивалъ руками — но еще никогда я не любилъ мою чистую М а р і ю такъ нѣжно, такъ сладко и больно, какъ въ этомъ угарномъ чаду, пропитанномъ запахами вина апельсиновъ и какого-то горячаго сала, въ этомъ дикомъ кругу чернобородыхъ вороватыхъ лицъ и жадно сверкающихъ глазъ, среди мелодичнаго треньканья мандолинъ, отъкрывшаго мнѣ самую преисподнюю рая и ада!

Смутно помню какихъ-то ласковыхъ, но торжественныхъ убійцъ, которыхъ я цѣловалъ

и прощалъ во имя Маріи. Помню, что я предлагалъ всѣмъ идти пьянствовать въ Колизей, на то самое мѣсто, гдѣ когда-то умирали мученики, но не знаю, почему это не вышло — кажется по техническимъ затрудненіямъ. Но какъ хорошъ былъ Топпи! Вначалѣ онъ напивался долго и молча, какъ архіепископъ. Потомъ вдругъ сталъ показывать интересные фокусы. Поставилъ себѣ на носъ огромную фляжку Кіанти и весь облился краснымъ виномъ. Пробовалъ передергивать карты, но былъ немедленно уличенъ ласковыми убійцами, съ блескомъ исполнившими тотъ же фокусъ. Ходилъ на четверенькахъ, пѣлъ въ носъ какія-то духовные стихи, плакалъ и вдругъ откровенно заявилъ, что онъ — Чертъ.

Домой мы шли пѣшкомъ, шатаясь по всей улицѣ, стучаясь о стѣны и фонари и блаженствуя, какъ два студента. Топпи пробовалъ задирать полисменовъ, но, тронутый ихъ вѣжливостью, кончалъ суровымъ благословеніемъ, мрачно говоря:

— Иди и больше не грѣши!

Потомъ со слезами сознался, что онъ влюбленъ въ одну синьору, пользуется взаимностью и потому долженъ отказаться отъ духовнаго званія. Сказавъ это, легъ на чей-то каменный порогъ и упрямо заснулъ, тамъ его я и оставилъ.

Марія, Марія, какъ испытуешь ты меня! Я еще ни разу не касался твоихъ устъ, вчера я

цѣловаль только красное вино... но откуда же на моихъ губахъ эти жгучіе слѣды? Только вчера я колѣнопреклоненно вѣнчалъ тебя цвѣтами, Мадонна, только вчера я съ робостью касался края твоихъ одеждъ, а сегодня ты только женщина и я хочу тебя! Мои руки дрожать; съ тяжелымъ бѣшенствомъ я думаю о препятствіяхъ, о комнатахъ, шагахъ и порогахъ, раздѣляющихъ насъ — я хочу тебя! Въ зеркало я не узналъ мои глаза: на нихъ лежитъ какая то странная пленка, и дышу я тяжело и неровно, и весь день моя мысль похотливо блуждаетъ около твоей обнаженной груди. Я все забылъ.

Въ чьей я власти? Она гнетъ меня, какъ мягкое раскаленное желѣзо, я оглушенъ, я слѣпъ отъ собственнаго жара и искръ. Что ты дѣлаешь, человѣче, когда это случается съ тобою? Идешь и берешь женщину? — насилиуешь ее? Подумай: сейчасъ ночь и Марія такъ близко, я могу совсѣмъ, совсѣмъ неслышно дойти до ея комнаты... и я хочу ея крика! А если Магнусъ закроетъ мнѣ путь? Я убью Магнуса.

Вздоръ.

Нѣтъ, скажи, въ чьей я власти? — ты это долженъ знать, человѣкъ. Сегодня передъ вечеромъ, убѣгая отъ себя и Маріи, я бродилъ по улицамъ, но тамъ еще хуже: вездѣ я видѣлъ мужчинъ и женщинъ, мужчинъ и женщинъ.

Какъ будто прежде я ихъ не видалъ! Мнѣ всѣ они казались голыми. Я долго стоялъ на Монте-Пинчю и старался понять, что такое закатъ солнца, и не могъ понять: предо мною двигались бесконечно мужчины и женщины и смотрѣли другъ другу въ глаза. Что такое женщина, объясни мнѣ! Одна очень красивая, сидѣла въ автомобилѣ, ея блѣдное лицо розовѣло отъ заката, а въ ушахъ горѣли двѣ искры брилліантовъ. Она смотрѣла на закатъ и закатъ смотрѣлъ на нее, и больше ничего, но я не могъ вынести этого: мое сердце охватила такая тоска и любовь, такая любовь и тоска, какъ будто я умираю. Тамъ, сзади нея, были еще деревья, зеленые, почти черные.

Марія! Марія!

19 апрѣля, о. Капри.

На морѣ полный штиль. Съ высокаго обрыва я долго смотрѣлъ на маленькую шкуну, застывшую въ голубомъ просторѣ. Ея бѣлыя паруса были неподвижны и она казалась счастливою, какъ я въ тотъ день. И снова великое спокойствіе снизошло на меня и святое имя М а р і и звучало безмятежно и чисто, какъ воскресный колоколъ на дальнемъ берегу.

Потомъ я легъ на траву, лицомъ къ небу. Спину мнѣ нагрѣвала добрая земля, а передъ

закрытыми глазами было такъ много горячаго свѣта, точно я погрузился лицомъ въ самое солнце. Въ трехъ шагахъ отъ меня была пропасть, стремительный обрывъ, головокружительная отвѣсная стѣна и оттого мое ложе изъ травы казалось воздушнымъ и легкимъ, и было пріятно обонять запахъ травы и весеннихъ капрійскихъ цвѣтовъ. Еще пахло Топпи, который лежалъ возлѣ меня: когда онъ нагрѣвается солнцемъ, отъ него начинается сильно пахнуть мѣхомъ. Онъ крѣпко загорѣлъ, точно намазался углемъ, и вообще это очень пріятный старый Чертъ.

Это мѣсто, гдѣ мы лежали, называется Анакапри и составляетъ возвышенную часть островка. Солнце уже зашло, когда мы отправились внизъ, и свѣтила неполная луна, но было все также тепло и тихо и гдѣ-то звучали влюбленные мандолины, взывая къ Маріи. Вездѣ Марія! Но великимъ спокойствіемъ дышала моя любовь, была обвѣяна чистотою луннаго свѣта, какъ бѣлые домики внизу. Въ такомъ же домикѣ жила когда-то Марія и въ такой же домикѣ я увезу ее скоро, черезъ четыре дня.

Высокая стѣна, вдоль которой спускается дорога, закрыла отъ насъ луну и тутъ мы увидѣли статую Мадонны, стоявшую въ нишѣ довольно высоко надъ дорогой и кустарникомъ. Передъ царицей ровно свѣтился слабый огонекъ лампы, и въ своемъ сторожномъ без-

молви она казалась такою живою, что немного холодѣло сердце отъ сладкаго страха. Топпи преклонилъ голову и пробормоталъ какую-то молитву, а я снялъ шляпу и подумалъ:

Какъ ты стоишь высоко надъ этою чашей, полной лунной мглы и невѣдомыхъ очарованій, такъ М а р і я стоитъ надъ моею душою. . .

Довольно! Здѣсь опять начинается необыкновенное и я умолкаю. Сейчасъ буду пить шампанское, а потомъ пойду въ кафе, тамъ сегодня играютъ какіе-то «знаменитые» мандолинисты изъ Неаполя. Топпи соглашается лучше быть застрѣленнымъ, чѣмъ идти со мною: его до сихъ поръ мучаетъ совѣсть. Но это хорошо, что я буду одинъ.

23 апрѣля, Римъ
палаццо Орсини.

. . . Ночь. Мой дворецъ безмолвенъ и мертвъ, какъ будто и онъ лишь одна изъ руинъ стараго Рима. За большимъ окномъ садъ: онъ призреченъ и бѣлъ отъ луннаго свѣта и дымчатый столбъ фонтана похожъ на безголовый призракъ въ серебряной кольчугѣ. Его плескъ едва слышенъ сквозь толстыя рамы — словно сонное бормотанье ночного сторожа.

‡ Да, все это очень красиво и. . . какъ это говорится? — дышетъ любовью. Конечно, хо-

рошо бы рядомъ съ Маріей идти по голубому песку этой дорожки и ступать на свои тѣни. Но мнѣ тревожно и моя тревога шире, чѣмъ любовь. Стараясь шагать легко, я брожу по всей комнатѣ, тихо припадаю къ стѣнамъ, замираю въ углахъ и все слушаю что-то. Что-то далекое, что за тысячи километровъ отсюда. Или оно только въ моей памяти, то, что я хочу услышать? И тысячи километровъ это тысячи лѣтъ моей жизни?

Ты удивился бы, увидавъ, какъ я одѣтъ. Вдругъ мнѣ сталъ невыносимо тяжелъ мой прекрасный американскій костюмъ и на голое тѣло я одѣлъ трико для купанья. Тогда я сразу какъ будто похудѣлъ, сталъ очень высокъ и гибокъ и долго пробовалъ свою гибкость, скользя по комнатѣ, неожиданно мѣняя направление, какъ безшумная летучая мышь. Это не я тревожусь, это полны тревоги всѣ мои мускулы и мышцы, и я не знаю, чего они хотятъ? Потомъ мнѣ стало холодно, я одѣлся и сѣлъ писать. Кромѣ того, я выпилъ вина и закрылъ драпри, чтобы не видѣть бѣлаго сада. Кромѣ того я еще осмотрѣлъ, привелъ въ порядокъ и зарядилъ браунингъ, который я завтра возьму съ собою на дружескую бесѣду съ Фокою Магнусомъ.

Видишь ли, у Фомы Магнуса есть с о т р у д н и к и. Такъ онъ называетъ этихъ неизвѣстныхъ мнѣ господъ, которые почтительно

даютъ мнѣ дорогу при встрѣчѣ, но не кланяются, какъ будто мы встрѣтились на улицѣ, а не въ моемъ домѣ. Ихъ было два, когда я уѣзжалъ на Капри, теперь ихъ шестеро, какъ скавалъ мнѣ Топпи, и они здѣсь живутъ. Топпи они не нравятся, да и мнѣ тоже. Лица у нихъ нѣтъ, я его страннымъ образомъ не видѣлъ — это я понялъ только теперь, когда захотѣлъ ихъ вспомнить.

— Это мои сотрудники — сказалъ мнѣ сегодня Магнусъ насмѣшливо, нисколько не скрывая насмѣшки.

— Скажите имъ, Магнусъ, что они дурно воспитаны. Они не кланяются при встрѣчѣ.

— Наоборотъ, дорогой Вандергудъ! Они слишкомъ воспитаны. Они просто не рѣшаются на поклонъ, не будучи вамъ представлены! Это очень . . . корректные люди. Впрочемъ, савтра вы все узнаете, не хмурьтесь и потерпите, Вандергудъ. Одна ночь!

— Какъ здоровье синьорины Маріи?

— Завтра она будетъ здорова, — онъ положилъ руку мнѣ на плечо и приблизилъ свои темные, злые и наглые глаза: любовный жаръ, а?

Я стряхнулъ съ плеча его руку и крикнулъ:

— Синьоръ Магнусъ! Я . . .

— Вы — онъ хмуро посмотрѣлъ на меня и спокойно повернулъ спину: до завтра, мистеръ Вандергудъ.

Вотъ почему я зарядилъ револьверъ. Вечеромъ мнѣ передали письмо отъ Магнуса: онъ извиняется, объясняетъ все нервностью и увѣряетъ, что искренне и горячо хочетъ моей дружбы и довѣрія. Соглашается, что его сотрудники дѣйствительно не воспитанные люди. Я долго всматривался въ эти неразборчивыя торопливыя строки, на подчеркнутое слово «довѣрія» — и мнѣ захотѣлось взять съ собою не револьверъ для бесѣды съ этимъ другомъ, а скорострѣльную пушку.

Одна ночь, но она такъ длинна!

Мнѣ угрожаетъ опасность. Это чувствую я и это знаютъ мои мускулы, оттого они въ такой тревогѣ, теперь я понялъ это. Ты думаешь, что я просто струсилъ, человѣче? Клянусь вѣчнымъ спасеніемъ — нѣтъ! Не знаю, куда дѣвался мой страхъ, еще недавно я всего боялся: и темноты, и смерти, и самой маленькой боли, а сейчасъ мнѣ ничего не страшно. Только странно немного... такъ говорить: мнѣ странно?

Вотъ сижу я на твоей землѣ, человѣче, и думаю о другомъ человѣкѣ, который мнѣ опасенъ, и самъ я — человѣкъ. А тамъ луна и фонтанъ. А тамъ — Марія, которую я люблю. А вотъ — вино и стаканъ. И это — твоя и моя жизнь... Или я только выдумалъ, что я когда-то былъ Сатаною? Вижу, что это лишь нарочно, и фонтанъ, и Марія, и самыя

мои мысли о какомъ-то Магнусѣ-человѣчкѣ, но истиннаго моего не могу ни найти, ни понять. Тщетно допрашиваю память — она полна и она безмолвна, какъ закрытая книга, и нѣтъ силы раскрыть эту зачарованную книгу, таящую всѣ тайны моего прошлаго бытія. Напрягая зрѣніе, тщетно вглядываюсь въ дальнюю и свѣтлую глубину, откуда сошелъ я на эту картонную землю — и ничего не вижу въ томительныхъ колыханіяхъ безбрежнаго тумана. Тамъ, за туманомъ, моя страна, но кажется — но кажется, я совсѣмъ забылъ къ ней дорогу.

Но мнѣ вернулась скверная привычка Вандергуда напиваться въ одиночку и я пьянъ немного. Это ничего, въ послѣдній разъ. Это тоже нарочно. Сейчасъ я видѣлъ нѣчто, послѣ чего не хочу смотрѣть ни на что другое. Мнѣ захотѣлось взглянуть на бѣлый садъ и представить, какъ могъ бы я идтисъ Маріей по голубой песчаной дорожкѣ — я закрылъ свѣтъ въ комнатѣ и раздернулъ широко драпри. И, какъ видѣніе, какъ сонъ, всталъ передо мною бѣлый садъ и подумай! — по голубой, по песчаной дорожкѣ шли двое, мущина и женщина, и женщина была — Марія. Они шли тихо ступая на свои тѣни, и мущина обнималъ ее. Мой счетчикъ въ груди застучалъ бѣшено, упалъ на полъ и почти разбился, когда, наконецъ, я узналъ мущину — о, это былъ Магнусъ,

только Магнусъ, милый Фома, отецъ, будь онъ проклятъ съ своими отеческими объятіями!

Ахъ, какъ я опять полюбилъ мою Марію! Я сталъ на колѣни передъ окномъ и протянулъ къ ней руки. . . правда, что-то въ этомъ родѣ я уже видѣлъ въ театрѣ, но мнѣ все равно: я протянулъ руки, вѣдь я одинъ и пьянъ, отчего мнѣ не дѣлать такъ, какъ я хочу? Мадонна! Потомъ я сразу задернулъ занавѣсъ.

Тихо, какъ паутинку, какъ горсть луннаго свѣта, я понесу мое видѣніе и вплету его въ ночные сны. Тихо! . . . Тихо!

25 мая 1914 г., Италия.

Если бы слугою Моимъ было не жалкое слово, а сильный оркестръ, Я заставилъ бы выть и ревѣть всѣ мои мѣдныя трубы. Я поднялъ бы къ небу ихъ блестящія пасти и вылъ бы долго, вылъ бы мѣднымъ скрежущимъ воемъ, отъ котораго волосы встаютъ на головѣ и пугливѣе бѣгутъ облака. Я не хочу лживыхъ скрипокъ, мнѣ ненавистенъ нѣжный рокоть продажныхъ струнъ подъ пальцами лжецовъ и мошенниковъ — дыханіе! дыханіе! Моя глотка, какъ мѣдная труба, мое дыханіе, какъ ураганъ, рвущійся въ узкія щели, и весь я звеню, лягаю и скрежещу, какъ грудa желѣза подъ вѣтромъ. О, это не всегда гнѣвный и мощный ревъ мѣдныхъ трубъ — часто, очень часто это жалобный визгъ перегорѣлаго и ржаваго желѣза, скользящій и одинокій, какъ зима, свистъ согнутыхъ прутьевъ, отъ котораго холодѣютъ мысли и сердце заволакивается ржавчиной тоски и бездомья. Все, что можетъ горѣть въ огнѣ, выгорѣло во мнѣ. Это я хотѣлъ игры? Это я хотѣлъ игры? Такъ вотъ — смотри на этотъ чудовищ-

ный остовъ сгорѣвшаго театра: въ немъ сгорѣли и всѣ актеры. . . ахъ, всѣ актеры сгорѣли въ немъ и сама гнусная правда смотреть въ нищенскія дыры его пустыхъ оконъ! !

Клянусь Моимъ престоломъ! — о какой еще тамъ любви бормоталъ я, вочеловѣчившійся? Кому еще тамъ протягивалъ мои объятія? Не тебѣ ли. . . товарищъ? Клянусь моимъ престоломъ! — если я былъ Любовью на одно мгновеніе, то отнынѣ я — Ненависть и остаюсь ею вѣчно.

Сегодня останемся на этомъ, дорогой товарищъ. Я давно не писалъ и мнѣ снова надо привыкать къ твоему туескому и плоскому дику, разрисованному румянами пощечинъ, и я немного забылъ тѣ слова, что говорятся между порядочными, недавно битыми людьми. Пойди воцъ, мой другъ. Сегодня я мѣдная труба и ты першишь у меня въ горлѣ, червячекъ. Оставь меня.

26 мая, Италия.

Это было мѣсяцъ назадъ, когда Фома Магнусъ взорвалъ меня. Да, это правда, онъ таки взорвалъ меня, и это было мѣсяцъ тому назадъ, въ священномъ городѣ Римѣ, въ палаццо Орсини, когда-то принадлежавшемъ миллиардеру Генри Вандергуду — ты помнишь этого милаго

американца съ его сигарой и золотыми патентованными зубами? Увы! — его больше нѣтъ съ нами, онъ внезапно скончался и ты сдѣлаешь хорошо, если закажешь о немъ заупокойную мессу: его иллинойская душа нуждается въ твоихъ молитвахъ.

Вернемся, однако, къ его послѣднимъ часамъ. Я постараюсь быть точнымъ въ моихъ воспоминаніяхъ и передамъ не только чувства, но и всѣ слова, сказанныя въ тотъ вечеръ — это было вечеромъ, луна уже свѣтила. Очень возможно, что будутъ не совсѣмъ тѣ слова, что говорились, но во всякомъ случаѣ тѣ, что я слышалъ и запомнилъ. . . если тебя когда-нибудь сѣкли, уважаемый товарищъ, то ты знаешь, какъ трудно самому запомнить и сосчитать всѣ удары розги. Перемѣщеніе центровъ, понимаешь? О, ты все понимаешь. Итакъ примемъ послѣднее дыханіе Генри Вандергуда, взорваннаго злодѣемъ Фомою Магнусомъ и погребеннаго. . . *М а р і е й.*

Помню: послѣ той тревожной ночи, на утро я проснулся совсѣмъ — спокойнымъ и даже радостнымъ. Вѣроятно то было вліяніе солнца, свѣтившаго въ то самое широкое окно, откуда ночью лился этотъ непріятный и слишкомъ многозначительный лунный свѣтъ. Понимаешь: то луна, а то солнце? О, ты все понимаешь. Очень вѣроятно, что по той же причинѣ я проникся самой трогательной вѣрой

въ добродѣтель Магнуса и ждалъ къ ночи — безоблачнаго счастья. Тѣмъ болѣе, что его сотрудники. . . ты помнишь его сотрудниковъ? — к л а н я л и с ь мнѣ. Что такое поклонъ? — а какъ много онъ значить для вѣры въ чело-вѣка!

Ты знаешь мои хорошія манеры и повѣришь, что внѣшне я былъ сдержанъ и холоденъ, какъ джентельменъ, получившій наслѣдство, но если бы ты приложилъ ухо къ моему жи-воту, ты услышалъ бы, что внутри меня иг-рають скрипки. Что-то любовное, пони-маешь? О, ты все понимаешь. Такъ съ этими скрипками я и вошелъ къ Магнусу вечеромъ, когда уже снова свѣтила луна. Магнусъ былъ одинъ. Мы долго молчали и это показало, что меня ждетъ очень интересный разговоръ. Наконецъ я заговорилъ:

— Какъ здоровье синьорины. . .

Но онъ прервалъ меня:

— Намъ предстоитъ очень трудный раз-говоръ, Вандергудъ. Васъ это не волнуетъ?

— О, нѣтъ, нисколько.

— Хотите вина? Впрочемъ, нѣтъ не стоитъ. Я выпью немного, а вамъ не стоитъ. Правда, Вандергудъ?

Онъ засмѣялся, наливая вино, и тутъ я съ удивленіемъ замѣтилъ, что самъ онъ очень волнуется: его большія бѣлыя руки палача замѣтно дрожали. Не знаю точно, когда за-

молкли мои скрипки — кажется, въ эту минуту. Магнусъ выпилъ два стакана вина — онъ хотѣлъ немного — и продолжалъ, садясь:

— Да, вамъ не стоитъ пить, Вандергудъ. Мнѣ нужно все ваше сознание, ничѣмъ не затемненное... вы ничего не пили сегодня? Виски и сода? Нѣтъ? — это хорошо. Надо, чтобы сознание было свѣтло и трезво. Я часто думалъ, нельзя въ такихъ случаяхъ примѣнять анестезирующія средства, какъ при... при...

— Какъ при вивисекціи?

Онъ серьезно мотнулъ головою:

— Да, какъ при вивисекціи, вы чудесно схватили мою мысль, старина. Да, при душевной вивисекціи. Напримѣръ, когда любящей матери сообщаютъ о смерти ея сына или... очень богатому человѣку, что онъ разорился. Но сознание, какъ быть съ сознаниемъ... нельзя же ихъ всю жизнь держать подъ наркозомъ! Вы понимаете, Вандергудъ? Въ концѣ концовъ, я вовсе не такой жестокой человѣкъ, какимъ иногда кажусь даже самому себѣ, и чужая боль часто вызываетъ во мнѣ очень неприятныя отвѣтныя судороги. Это нехорошо. У оператора рука должна быть тверда.

Онъ посмотрѣлъ на свои пальцы: они уже не дрожали. Улыбнувшись онъ продолжалъ:

— Впрочемъ, вино также помогаетъ. Милый Вандергудъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ ко-

торымъ и вы такъ любите клясться, что мнѣ очень непріятно причинять вамъ эту маленькую . . . боль. Пустое, Вандергудъ! Сознаніе, большіе сознанія! Вашу руку, дружище!

Я протянулъ руку и своей горячей большой рукою Магнусъ словно обнялъ мою ладонь и пальцы и долго держалъ ихъ въ этой странной ваннѣ, напряженной, словно проникнутой какими то электро-токами. Потомъ отпустилъ съ легкимъ вздохомъ.

— Вотъ такъ. Бодрѣе, Вандергудъ!

Я пожалъ плечами. Закурилъ сигару. Спросилъ:

— Вашъ примѣръ относительно очень богатаго человѣка, который внезапно сталъ нищимъ, не относится ко мнѣ? Я — разорень?

Магнусъ медленно, смотря мнѣ прямо въ глаза, отвѣтилъ:

— Если хотите, то — да. У васъ нѣтъ ничего. Ровно ничего. И этотъ дворець уже проданъ, завтра въ него вступятъ новые владельцы.

— О! Это интересно. А гдѣ же мои миллиарды?

— У меня. Они мои. Я очень богатый человѣкъ, Вандергудъ.

Я переложилъ сигару въ другую сторону рта и выразительно сказалъ:

— И готовы протянуть мнѣ руку помощи? Вы — наглый мошенникъ, Фома Магнусъ.

— Если хотите, то — да. Въ этомъ родѣ.

— И лжецъ!

— Пожалуй. Вообще, милый Вандергудъ, вамъ необходимо тотчасъ же переимѣнить вашъ взглядъ на жизнь и людей. Вы слишкомъ идеалистъ.

— А вамъ — я поднялся съ кресла — а вамъ слѣдуетъ переимѣнить собесѣдника. Позвольте мнѣ откланяться и прислать сюда полицейскаго комиссара.

Магнусъ засмѣялся:

— Вздоръ, Вандергудъ! Все сдѣлано по закону. Вы сами передали мнѣ все. Это никого не удивить. . . при вашей любви къ людямъ. Конечно, вы можете объявить себя сумасшедшимъ — понимаете? тогда я пожалуй сяду въ тюрьму. Но вы — сядете въ сумасшедшій домъ. Едва ли вы этого захотите, дружище. Полиція! Впрочемъ, ничего, говорите, это облегчаетъ въ первыя минуты.

Кажется, я дѣйствительно не сумѣлъ скрыть моего волненія. Я съ гнѣвомъ бросилъ сигару въ огонь камина и измѣрилъ глазами окно и Магнуса. . . итъ, эта туша была слишкомъ велика для игры въ мячъ. Въ ту минуту самая потеря состоянія не вполне ясно представлялась моему уму, и возмущало меня не это, а наглый тонъ Магнуса, его почти покровительственныя манеры стараго мошенника. И еще что-то, очень безпокойное и даже зло-

вѣщее, какъ угроза, смутно чувствовалось мною: какъ будто настоящая опасность была у меня не передъ глазами, а за спиной. Я не зналъ, куда направить глаза и это лишало меня самообладанія.

— Въ чемъ дѣло, наконецъ?! — топнулъ я ногою.

— Въ чемъ дѣло? — какъ эхо, отозвался Магнусъ. — Да, и я въ сущности не совсѣмъ понимаю, что такъ возмущаетъ васъ, Вандергудъ? Вы столько разъ предлагали мнѣ эти деньги, даже навязывали ихъ мнѣ, а теперь, когда они въ моихъ рукахъ, вы хотите звать полицію! Конечно — Магнусъ улыбнулся — здѣсь есть маленькая разница: великодушно предоставляя деньги въ мое распоряженіе, вы оставались ихъ господиномъ и господиномъ положенія, тогда какъ сейчасъ... понимаете, дружище: сейчасъ я могу просто вытолкать васъ изъ этого дома!

Я выразительно посмотрѣлъ на Магнуса. Онъ отвѣтилъ не менѣе выразительнымъ пожатіемъ широкихъ плечъ и сердито сказалъ:

— Оставьте эти глупости. Я сильнѣе васъ. Не будьте дуракомъ больше, чѣмъ обязываетъ къ тому положеніе.

— Вы — необыкновенно наглый мошенникъ, синьоръ Магнусъ!

— Опять! Какъ эти сантиментальныя души ищутъ утѣшенія въ словахъ! Возьмите си-

гару, сядьте и слушайте. Уже давно мнѣ нужны деньги, очень большія деньги. Въ моемъ прошломъ, котораго вамъ не къ чему знать, у меня были нѣкоторыя. . . неудачи, раздражавшія меня. Дураки и сентиментальныя души, вы понимаете? Моя энергія была схвачена и заперта, какъ воробей въ клѣтку. Три года неподвижно сидѣлъ я въ этой проклятой щели, подстерегая случая. . .

— Это — въ прекрасной Кампаньи?

— Да, въ прекрасной Кампаньи. . . и уже началъ терять надежду, когда появились вы. Здѣсь я нѣсколько затрудняюсь въ выраженіяхъ. . .

— Говори прямо, не стѣсняйся.

— Можно на ты? Да, это удобнѣе. Съ твоей любовью къ людямъ, съ твоей и гр о ю, какъ ты назвалъ это въ послѣдствіи, ты былъ очень страненъ, мой другъ, и я довольно долго колебался, кто ты: необыкновенный ли дуракъ или такой же. . .мошенникъ, какъ и я. Видишь ли, такіе необыкновенные ослы слишкомъ рѣдко встрѣчаются, чтобы не вызывать сомнѣній даже во мнѣ. Ты не сердисься?

— О, нисколько.

— Ты суешь мнѣ деньги, а я думаю: ловушка! Впрочемъ, ты подвигался впередъ очень быстро, и нѣкоторыя мѣры съ моей стороны. . .

— Извини, что я прерываю тебя. Значить, эти книги твои... уединенныя размышленія надъ жизнью, бѣлый домикъ и... все это ложь? А убійство — помнишь: руки въ крови?

— Убивать мнѣ приходилось, это правда, и надъ жизнью я размышлялъ не мало, поджидая тебѣя, но остальное, конечно, ложь. Очень грубая, но ты быть такъ мило довѣрчивъ...

— А... Марія?

Признаюсь, человѣче, что я едва выговорилъ это имя: такъ схватило меня что-то за горло. Магнусъ внимательно осмотрѣлъ меня и мрачно отвѣтилъ:

— Дойдемъ и до Маріи. Какъ ты волнуешься, однако, у тебя даже ногти посинѣли. Можетъ быть, дать вина? Ну, не надо, терпи. Я продолжаю. Когда у тебя началось съ Маріей... конечно, при моемъ маленькомъ содѣйствіи, я окончательно повѣрилъ, что ты...

— Необыкновенный осель?

Магнусъ быстро и успокоительно поднялъ руку:

— О, нѣтъ! Такимъ ты казался только въ началѣ. Скажу тебѣ правдиво, какъ и все, что я говорю сейчасъ: ты вовсе не глупъ, Вандергудъ, теперь я узналъ тебя ближе. Это пустяки, что ты такъ наивно отдалъ мнѣ всѣ свои миллиарды — мало ли умныхъ людей

обманивалось искусными...мошенниками! Твое несчастье въ другомъ, товарищъ.

Я имѣлъ силы усмѣхнуться.:

— Любовь къ людямъ?

— Нѣтъ, дружище: презрѣніе къ людямъ!

Презрѣніе и вытекающая изъ него наивная вѣра въ тѣхъ же людей. Ты видишь всѣхъ людей настолько ниже себя, ты такъ убѣжденъ въ ихъ фатальномъ безсиліи, что совершенно не боишься ихъ и готовъ погладить по головкѣ гремучую змѣю: такъ славно гремитъ! Людей надо бояться, товарищъ! Вѣдь я знаю твою и г р у, но порою ты искренне болталъ что-то о человѣкѣ, даже жалѣлъ его, но всегда откуда-то сверху или сбоку — не знаю. О, если бы ты могъ ненавидѣть людей, я съ удовольствіемъ взялъ бы тебя съ собою. Но ты эгоистъ, ты ужасный эгоистъ, Вандергудъ, и я даже перестаю жалѣть, что ограбилъ тебя, когда подумаю объ этомъ! Откуда у тебя это подлое презрѣніе!

— Я еще только учусь быть человѣкомъ.

— Что жъ, учись. Но зачѣмъ же ты зовешь мошенникомъ твоего профессора? Это неблагодарно: вѣдь я же твой профессоръ, Вандергудъ!

— Къ черту болтовню. Значить... значить ты не берешь меня съ собою?

— Нѣтъ, дружище, не беру.

— Такъ. Одни миллиарды? Хорошо. Но твой планъ: взорвать землю или что-то въ этомъ родѣ? Или ты здѣсь лгалъ? Не можетъ быть, чтобы ты хотѣлъ только... открыть ссудную кассу или стать тряпичнымъ королемъ!

Магнусъ съ грустью, даже какъ будто съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на меня и медленно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, здѣсь я не лгалъ. Но ты не годишься идти со мною. Ты будешь постоянно хватать меня за руку. Ты сейчасъ столько кричалъ: лжець, мошенникъ, воръ... странно, ты еще только учишься быть человѣкомъ, а уже такъ пропитался этими пустяками. Когда я подниму руку, чтобы бить, твое презрѣніе начнетъ хныкать: оставь ихъ, не трогай, пожалѣй. О, еслибы ты могъ ненавидѣть! Нѣтъ, ты ужасный эгоистъ, старина.

Я закричалъ:

— Да чертъ тебя возьми, наконецъ, съ твоимъ эгоизмомъ! Я вовсе не глупѣ тебя, мрачная скотина, и я не понимаю, что ты открылъ въ ненависти святого!

Магнусъ нахмурился:

— Прежде всего: не кричи, или я тебя выгоню. Слыхалъ? Да, пожалуй, ты не глупѣ меня, но человѣческое дѣло — не твое дѣло. Понялъ, розовая скотина! Идя взрывать, я иду устраивать мои дѣла, а ты хочешь быть только моимъ управляющимъ на чужомъ

заводѣ. Пусть воруютъ и портятъ машины, а тебѣ только бы получать свое жалованье да поклоны, да? А я не могу! Все это — онъ широкимъ жестомъ повель рукою: мой заводъ, мой, ты понимаешь, и обкрадываютъ меня. Я обворованъ и оскорбленъ. И я ненавижу оттого, что я оскорбленъ. Что бы ты дѣлалъ въ концѣ концовъ съ твоими миллиардами, если бы я не догадался взять ихъ у тебя? Строилъ бы оранжереи и дѣлалъ наслѣдниковъ — для продолженія! Собственная яхта въ двѣ трубы и брилліанты для жены? А я. . . дай мнѣ все золото, что есть на землѣ, и я все его брошу въ пекло моей ненависти. Потому, что я оскорбленъ! Когда ты видишь горбатаго, ты бросаешь ему лиру, чтобы онъ дальше таскалъ свой горбъ, да? А я хочу уничтожить его, убить, сжечь, какъ кривое полѣно. Ты кому жалуешься, когда тебя обмануть или собака укуситъ тебя за палець? Женѣ, — полиціи — общественному мнѣнію? А если жена съ лакеемъ наставитъ тебѣ рога или общественное мнѣніе не пойметъ тебя и вмѣсто сожалѣнія — высѣчетъ, ты тогда идешь къ Богу? А мнѣ не къ кому идти, я ни кому не жалуясь, но и не прощаю, понимаешь! Не прощаю, прощаютъ только эгоисты. Я лично оскорбленъ!

Я слушалъ молча. Оттого ли, что я сѣлъ близко къ камину и смотрѣлъ въ огонь и

только слушалъ, слова Магнуса слились съ видомъ горящихъ и раскаленныхъ полѣньевъ: вспыхивало полѣно новымъ огнемъ — и вспыхивало слово, распадалась на части насквозь раскаленная, красная масса — и слова разбрызгивались, какъ горячіе угли. Въ головѣ у меня было не совсѣмъ ясно, и эта игра вспыхивающихъ, свѣтящихся, летающихъ словъ погрузила меня въ странный и мрачный полусонъ. Но вотъ что сохранила память:

— О, еслибы ты могъ ненавидѣть! Если бы ты не былъ такъ трусливъ и малодушенъ! Я взялъ бы тебя съ собою и ты увидѣлъ бы такой пожаръ, который навсегда осушилъ бы твои дрянненькіе слезы, выжегъ бы до тла твои слезливыя мечты! Ты слышишь, какъ поютъ дураки во всемъ мірѣ? Это они заряжаютъ пушки. Умному надо только приложить огонь къ затравкѣ, ты понимаешь? Ты можешь спокойно смотрѣть какъ за тоненькой перегородкой лежать рядомъ: блаженствующій теленокъ — и голодная змѣя? Я не могу. Я долженъ пробуравить маленькое отверстие, маленькое отверстие... остальное они сдѣлаютъ сами. Ты знаешь, что отъ соединенія правды съ ложью получается взрывъ? Я хочу соединить. Я ничего не буду дѣлать самъ: я только кончу ихъ работу. Ты слышишь, какъ они весело поютъ? — я заставлю ихъ плясать! Пойдемъ со мною, товарищъ! Ты

хотѣлъ какой-то игры — мы дадимъ необыкновенный спектакль! Мы приведемъ въ движеніе всю землю и миллионы маріонетокъ послушно запрыгають по нашему принаву: ты еще не знаешь, какъ онѣ талантливы и послушны, это будетъ превосходная игра, ты получишь огромное удовольствіе. . .

Большое полѣно упало и разсыпалось множествомъ искръ и горячихъ угольковъ. Огонь упалъ и каминъ сталъ угрюмымъ и краснымъ. Изъ потемнѣвшаго закопченаго жерла несло молчаливымъ жаромъ, опалывшимъ мое лице, и вдругъ мнѣ представился мой театръ куколъ. Это огонь и тепло строили миражи. Будто снова глухо затумпали барабаны, и весело звякнули мѣдныя тарелки, и веселый клоунъ пошелъ вверхъ ногами, а у бѣдной куколки разбили ея фарфоровую головку. Потомъ еще головку, и еще. Потомъ я увидѣлъ мусорный ящикъ, и оттуда торчали двѣ неподвижныя ножки въ розовыхъ туфелькахъ. А барабаны все тумпали: тумпъ — тумпъ — тумпъ. И я сказалъ задумчиво:

— Мнѣ кажется, что имъ будетъ больно.

И за моей спиною прозвучалъ надменный и равнодушный отвѣтъ:

— Очень возможно.

. . .Тумпъ. Тумпъ. Тумпъ. . .

— Тебѣ все равно, Вандергудъ, а я не могу! Пойми, наконецъ: я не могу допустить, чтобы

всякая двуногая мразь также называлась человекомъ. Ихъ стало слишкомъ много, подъ покровительствомъ докторовъ и законовъ они плодятся, какъ кролики въ садкѣ. Обманутая смерть не успѣваетъ справляться съ ними, она сбита съ толку, она совсѣмъ потеряла мужество и свой моральный духъ. Она безпутничаетъ по танц-классамъ. Я ихъ ненавижу. Мнѣ становится противно ходить по землѣ, которой овладѣла чужая, чужая порода. Надо на время отмѣнить законы и пустить смерть въ загородку. Впрочемъ, они сдѣлаютъ это сами. Нѣтъ, это не я, это они сами. Не думай, что я какъ-то особенно жестокъ, нѣтъ, — я только логиченъ. Я только выводъ — знакъ равенства — итогъ — черта подъ рядомъ цифръ. Ты можешь называть меня Эрго, Магнусъ Эрго! Они говорятъ: дважды два, я отвѣчаю: четыре. Ровно четыре. Вообрази, что мѣръ застылъ на мгновеніе въ полной неподвижности и ты увидишь такую картину: вотъ чья-то улыбающаяся беззаботно голова, а надъ нею — занесенный, застывшій топоръ. Вотъ куча пороху, а вотъ падающая въ порохъ искра. Но она остановилась и не падаетъ. Вотъ тяжелое зданіе на единственной уже согнувшейся подпорѣ. Но все застыло и подпора не ломается. Вотъ чья-то грудь, а вотъ чья-то рука, дѣлающая пулю для этой груди. Развѣ это приготовилъ я?

Я только беру рычажекъ и разъ! — двигаю его внизъ. Топоръ опускается на смѣющуюся голову и дробить ее. Искра падаетъ въ порохъ — готово! Зданіе рушится. Приготовленная пуля пробиваетъ приготовленную грудь. А я только надавилъ рычажекъ, я, Магнусъ Эрго! Подумай: развѣ я могъ бы убивать, если бы въ мірѣ были только скрипки и другіе музыкальные инструменты?

Я захохоталъ:

— Только скрипки!

Магнусъ отвѣтилъ смѣхомъ: голосъ его былъ хриплъ и тяжелъ:

— Но у нихъ другіе инструменты! И я буду пользоваться ихъ инструментами. Видишь какъ это просто и интересно?

— А дальше, Магнусъ Эрго?

— Почему я знаю, что будетъ дальше?

Я вижу только э т у страницу и рѣшаю только э т у задачу. Я не знаю, что на слѣдующей страницѣ.

— Можетъ быть, то же самое?

— Можетъ быть то же самое. А можетъ быть, что это послѣдняя страница. . . пу что жъ: итогъ все равно нуженъ.

— Ты когда-то говорилъ о ч у д ѣ?

— Да. Это мой рычагъ. Ты помнишь, что я рассказывалъ о моемъ взрывчатомъ веществѣ? Я обѣщаю кроликамъ, что они станутъ львами. . . Видишь ли: кроликъ не

выносить ума. Если кролика сдѣлать умнымъ, онъ повѣсится отъ тоски. Умъ — это логика, а что хорошаго можетъ обѣщать кролику логика? Одинъ вертелъ и непочетное мѣсто въ рестораннымъ меню. Ему надо или обѣщать безсмертіе за небольшую плату, какъ это дѣлаетъ мой другъ кардиналъ Х. или — земной рай. Ты увидишь, какую энергію, какую смѣлость и прочее разовьетъ мой кроликъ, когда я нарисую ему на стѣнѣ райскія кущи и эдемскія сады!

— На стѣнѣ?

— Да, — на каменной стѣнѣ. Онъ весь своей породой пойдетъ на штурмъ!.. И кто знаетъ... да, кто знаетъ... а вдругъ онъ этой массой дѣйствительно сломастъ стѣну?

Магнусъ задумался. Я всталъ отъ потухшаго камина и внимательно посмотрѣлъ на взрывчатую голову моего отвратительнаго друга... что-то наивное, какія то двѣ морщинки, почти дѣтскія по своему выраженію, сложились на его каменномъ лбу. Я засмѣялся и вскрикнулъ:

— Фома Магнусъ! Магнусъ Эрго! — ты вѣришь?

Не поднимая головы, онъ также задумчиво, словно не слыхавъ моего смѣха, отвѣтилъ:

— Надо попробовать.

Но я продолжалъ смѣяться: во мгнѣ уже начала разгораться дикая — вѣроятно, чело-вѣческая — насмѣшливая злоба:

— Фома Магнусъ! Магнусъ Кроликъ! — ты вѣришь?

Тогда онъ съ силою ударилъ по столу своей тяжелой ладонью и заревѣлъ, какъ изступленный:

— Молчи! Я говорю: надо попробовать. Откуда я могу знать? Я еще не былъ на Марсѣ и не смотрѣлъ на землю съ изнанки. Молчи, проклятый эгоистъ! Ты ничего не понимаешь въ нашихъ дѣлахъ. Ахъ, если бы ты могъ ненавидѣть! . . .

— Я уже ненавижу.

Магнусъ внезапно и странно успокоился. Сѣлъ — и внимательно, недовѣрчиво, изподлобья, осмотрѣлъ меня со всѣхъ сторонъ:

— Ты? Ненавидишь? Кого?

— Тебя.

Онъ еще разъ также внимательно осмотрѣлъ меня и недовѣрчиво качнулъ головою:

— Это правда, Вандергудъ?

— Если о н и кролики, то ты самый отвратительный изъ нихъ, потому что ты — помѣсь кролика и . . . Сатаны. Ты трусь! Это неважно, что ты мошенникъ, грабитель, лжець, и убійца, но ты трусь. Я ждалъ большаго, старина. Я ждалъ, что твой умъ подниметъ тебя до величайшаго злодѣйства, но ты самое

злодѣйство превращаешь въ какую-то подлѣй-
шую филантропію. Ты такой же лакей, какъ
и другіе, но прислуживать ты хочешь человѣ-
ческому заду. Вотъ вся твоя мудрость!

Магнусъ вздохнулъ:

— Нѣтъ, это не то. Ты ничего не пони-
маешь, Вандергудъ.

— А тебѣ не хватаетъ смѣлости, дружище.
Если ты Магнусъ Эрго —.. какая наглость:
Магнусъ Эрго! — то и иди до конца. Тогда
и я пойду съ тобою... быть можетъ!

— Правда, пойдешь?

— А отчего мнѣ не пойти? Пусть я Презрѣ-
ніе, а ты Ненависть, мы можемъ идти вмѣстѣ.
Не бойся, что я буду хватать тебя за руку.
Ты многое мнѣ открылъ, моя милая гадина,
и я не стану удерживать твоей руки, если даже
ты поднимешь ее — на себя.

— Ты измѣнишь мнѣ?

— А ты меня убьешь. Развѣ этого недо-
статочно?

Но Магнусъ недовѣрчиво качалъ головою и
твердилъ:

— Ты измѣнишь мнѣ. Я живой человѣкъ,
а отъ тебя несетъ запахомъ трупа. Я не хочу
презирать себя, тогда я погибъ. Не смѣй
смотреть на меня! Смотри на тѣхъ.

Я засмѣялся.

— Хорошо. Я не буду смотрѣть на т е б я. Я буду смотрѣть на тѣхъ. Моимъ презрѣніемъ я облегчу тебѣ работу.

Магнусъ задумался и думаль долго. Потомъ изподлобья взглянулъ на меня и тихо спросилъ:

— А Марія?...

Проклятый! онъ снова уронилъ мое сердце на землю! Я дико смотрѣлъ на него, какъ разбуженный ночью огнемъ пожара. И три высокихъ волны перекатились черезъ мою грудь. Первою волною поднялись умолкшія скрипки... ахъ, какъ взвыли онѣ, точно не на струнахъ, а на моихъ жилахъ игралъ музыкантъ! Потомъ огромнымъ валомъ съ пѣнистою гривой прокатились всѣ образы, всѣ чувства и мысли моей недавней и милой человѣчности: подумай, тамъ было все! тамъ была даже ящерица, которая какъ-то лунной ночью прощуршала возлѣ моихъ ногъ. Даже маленькую ящерицу я вспомнилъ! И третьей голубой волною тихо вскатилось на берегъ священное имя: М а р і я. И тихо ушла, оставивъ нѣжнѣйшее кружево пѣны, и солнце изъ за моря брызнуло лучами, и на одно мгновѣніе, на одну минуточку, стала я бѣлой шкуной съ опущенными парусами. Гдѣ были звѣзды, пока единымъ словомъ не возжегъ ихъ Владыка вселенной? Мадонна.

Магнусъ тихо окликнулъ меня:

— Куда ты? Тамъ ея нѣтъ. Чего ты хочешь?

— Простите, дорогой Магнусъ, но я бы хотѣлъ видѣть синьорину Марію. Только на одну минуту. Мнѣ не совсѣмъ хорошо, что-то сдѣлалось съ моей головой и глазами. Вы улыбаются, дорогой Магнусъ, или это только кажется мнѣ? Я слишкомъ долго смотрѣлъ на горящія дрова и теперь мнѣ трудно понять, что передо мною. Вы сказали: Марія? Да, я хотѣлъ бы увидѣть ее. Мы потомъ продолжимъ нашъ интересный разговоръ, вы мнѣ напомните, гдѣ мы остановились, а пока я очень просилъ бы... Можетъ быть, мы поѣдемъ на автомобилѣ въ Кампанью? Тамъ такъ хорошо. И синьорина Марія...

— Сядь. Ты сейчасъ ее увидишь.

Но я еще не кончилъ мою околесицу — что за чертъ случился съ моей головою! Я еще долго плелъ ее и — теперь мнѣ смѣшно вспомнить это! — раза два горячо пожалъ неподвижную и тяжелую руку Фомы Магнуса: вѣроятно, онъ казался мнѣ отцомъ въ ту минуту. Наконецъ я замолчалъ, сталъ кое-что соображать, но все еще покорно по приказу Магнуса сѣлъ въ кресло и приготовился внимательно слушать его.

— Теперь ты можешь слушать? Ты очень разволновался, старина. Помни: сознание! Сознание!

— Да, теперь могу. Я... все вспомнил. Продолжай, дружище, я слушаю.

Да, я вспомнил все, но мнѣ было безразлично, что говорилъ и что будетъ говорить Магнусъ: я ждалъ Марію. Вотъ какъ сильна была моя любовь! Почему-то глядя въ сторону и отбивая тактъ ладонью по столу, Магнусъ медленно и словно неохотно произнесъ слѣдующее:

— Слушай, Вандергудъ. Въ сущности, для меня было бы всего удобнѣе просто выгнать тебя на улицу съ твоимъ идиотскимъ Топпи. Ты хотѣлъ испытать все человѣческое, и я съ удовольствіемъ посмотрѣлъ бы на тебя, какъ ты зарабатываешь хлѣбъ. Вѣроятно, отвыкъ, а? Интересно бы и другое: посмотреть, во что превратится твое великолѣпное презрѣніе, когда... Но я не золь. Странно сказать, но во мнѣ есть даже чувство маленькой благодарности за... твои миллиарды, и кромѣ того маленькая надежда. Да, надежда, что ты еще можешь стать... человѣкомъ. И хотя это нѣсколько свяжетъ меня, я готовъ взять тебя съ собою, но только — послѣ нѣкотораго испытанія. Ты — все еще хочешь взять... Марію?

— Да.

— Хорошо.

Магнусъ тяжело поднялся съ кресла и направился къ двери. Но на половинѣ дороги

внезапно повернулъ ко мнѣ и — до чего это было неожиданно со стороны стараго мошенника! — поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Сиди, сиди, старина. Я сейчасъ ее позову. Слугъ сегодня нѣтъ въ домѣ.

Послѣднее онъ договорилъ, легонько стуча въ дверь. На мгновеніе показалась голова одного изъ сотрудниковъ и скрылась. Также тяжело Магнусъ вернулся на свое мѣсто и, вѣдохнувъ сказалъ:

— Сейчасъ прійдетъ.

Мы молчали. Я неотступно смотрѣлъ на высокую дверь, и вотъ она открылась. Вошла Марія. Я быстрыми шагами направился къ ней на встрѣчу и низко наклонился надъ ея рукою. И Магнусъ крикнулъ:

— Не цѣлуй руки!

27 мая.

Вчера я не могъ продолжать. Не смѣйся! Это простое сочетаніе простыхъ словъ: не цѣлуй руки! — кажется мнѣ самымъ страшнымъ изъ всего, что можетъ произнести человѣческій языкъ. На меня они дѣйствуютъ магически, какъ заклятіе. Когда бы они не прозвучали во мнѣ, они прерываютъ меня, прекращаютъ то состояніе, въ какомъ я былъ, и переводятъ въ новое. Если я го-

ворилъ, я умолкаю, какъ внезапно онѣмѣвшій. Если я шель, я останавливаюсь. Если я стоялъ, я бѣгу. Если они прозвучать во снѣ, то, какъ бы ни крѣпокъ былъ мой сонъ, Я просыпаюсь и больше уже не сплю. Очень простыя, чрезвычайно простыя слова: не цѣлуй руки!

Теперь слушай, что было дальше.

Итакъ: я наклонился надъ рукой Маріи. Но возгласъ Магнуса былъ такъ неожиданенъ и страненъ, въ хрипломъ голосѣ его звучала такая повелительность и даже страхъ, что нельзя было не подчиниться. Какъ будто онъ останавливалъ слѣпого на краю пропасти! Но я не понялъ и съ недоумѣніемъ поднялъ голову, все еще держа руку Маріи въ своей, и вопросительно взглянулъ на Магнуса. Онъ дышалъ тяжело — какъ будто уже видѣлъ паденіе въ пропасть — и на мой вопросительный взглядъ тихо, слегка задыхаясь, отвѣтилъ:

— Оставь ея руку, — Марія, отойди отъ него.

Марія высвободила руку и отошла въ сторону, далеко отъ меня. Все еще не понимая, я смотрѣлъ, какъ она отходила, уже стоялъ одинъ, а все еще ничего не понималъ. На одно коротенькое мгновеніе мнѣ стало даже смѣшно, напоминало какую то сцену изъ комедіи, гдѣ влюбленные и сердитый отецъ, но тотчасъ же этотъ нелѣпый смѣхъ погасъ и я съ

покорнымъ ожиданіемъ устремилъ глаза на Магнуса.

Магнусъ медлилъ. Тяжело вставъ, онъ два раза прошелъ по комнатѣ, потомъ остановился прямо передо мною и, заложивъ руки за спину, сказалъ:

— При всѣхъ твоихъ странностяхъ, ты порядочный человѣкъ, Вандергудъ. Я тебя о г р а б и л ь (онъ такъ сказалъ!), но я не могу дальше позволять, чтобы ты цѣловалъ руку у... этой женщины. Слушай! Слушай! Я уже сказала тебѣ, что ты долженъ сразу и немедленно переменить твой взглядъ на людей. Это очень трудно, я сочувствую тебѣ, но это необходимо, дружище. Слушай, слушай! Ты былъ введенъ мною въ заблужденіе: Марія — не дочь мнѣ...вообще у меня нѣтъ дѣтей. И...не Мадонна. Она — моя любовница и была ею до вчерашней ночи...

...Теперь я понимаю, что Магнусъ былъ по своему милосердъ и погружалъ меня въ темноту съ нарочитой медленностью. Но тогда я не понималъ этого и, задыхаясь м е д л е н н о, дыша все короче, также медленно терялъ сознаніе. И когда съ послѣдними словами Магнуса во мнѣ погасъ послѣдній свѣтъ и непроницаемая тьма объяла меня, я выхватилъ револьверъ и нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ Магнуса. Не знаю, сколько было выстрѣловъ, помню только рядъ смѣющихся вспы-

хивающихъ огоньковъ и толчковъ руки, дергавшихъ ее кверху. Совершенно не помню, какъ и когда вбѣжали с о т р у д н и к и Магнуса и обезоружили меня. Когда я опомнился, картина была такая. С о т р у н и к о в ъ уже не было въ комнатѣ. Я глубоко сидѣлъ въ креслѣ у потухшаго камина, волосы мои были мокры отъ воды и надъ лѣвой бровью сочилась кровью небольшая ссадина. Воротничка на мнѣ не было и рубашка была разорвана, былъ почти совсѣмъ оторванъ лѣвый рукавъ и мнѣ все приходилось подтягивать его кверху. Марія стояла на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ словно ни разу не двинувшись за все время борьбы. Удивило меня присутствіе Топпи, который сидѣлъ въ углу и странно смотрѣлъ на меня. У стола спиною ко мнѣ, стоялъ Магнусъ и наливалъ себѣ вино.

Когда я особенно глубоко вздохнулъ, Магнусъ быстро обернулся и сказалъ странно обычнымъ тономъ:

— Хотите вина, Вандергудъ? Теперь вамъ можно выпить стаканъ. Натѣ, выпейте. — Видите, вы въ меня не попали. Не знаю радоваться этому или нѣтъ, но я живъ. Ваше здорье, старина!

Я коснулся пальцемъ лба и пробормоталъ:

— Кровь...

— Пустое, маленькая ссадина, она сейчас подсохнет. Не надо трогать.

— Пахнет. . .

— Порохомъ? Да, но и это сейчас пройдет. Здѣсь Топпи, вы видите? Онъ просилъ оставить его здѣсь. Вы ничего не будете имѣть противъ, если вашъ секретарь останется при дальнѣйшемъ разговорѣ? Онъ очень преданъ вамъ.

Я взглянулъ на Топпи и улыбнулся. Топпи соорилъ гримасу и нѣжно простоналъ:

— Мистеръ Вандергудъ! Это я, вашъ Топпи.

И заплакалъ. Этотъ старый чертъ, все еще пахнуцій мѣхомъ, этотъ шутъ въ черномъ сюртукѣ, этотъ пономарь съ отвислымъ носомъ, совратитель маленькихъ дѣвочекъ — заплакалъ! Но еще хуже то, что, поморгавъ глазами, заплакалъ и я, «мудрый, безсмертный, всесильный!» Такъ плакали мы оба, два прожженныхъ черта, попавшихъ на землю, а люди — я счастливъ отдать имъ должное! — съ сочувствіемъ смотрѣли на наши горькія слезы. Плача и одновременно смѣясь, я сказалъ:

— А трудно быть человѣкомъ, Топпи?

И Топпи, всхлипнувъ, покорно отвѣтилъ:

— Очень трудно, мистеръ Вандергудъ.

Но тутъ я взглянулъ случайно на Марію и мои сантиментальныя слезы сразу высохли.

Вообще этотъ вечеръ памятенъ мнѣ самыми неожиданными и нелѣпыми переходами въ настроеніи, ты вѣроятно знаешь ихъ, человѣче? То я нылъ и звякалъ лирою, какъ слезливый поэтъ, то вдругъ преисполнялся каменнымъ спокойствіемъ и чувствомъ несокрушимой силы, а то начиналъ болтать глупости, какъ попугай, испугавшійся собаки, и болталъ все громче, глупѣе и несноснѣй, пока новый переходъ не повергалъ меня въ смертельную и безсловесную тоску. Магнусъ поймалъ мой взглядъ на Марію и какъ-то нехотя улыбнулся. Я поправилъ воротъ моей разорванной рубашки и сказалъ с у х о:

— Не знаю еще, радоваться мнѣ или нѣтъ, что я не убилъ тебя, дружище. Теперь я совершенно спокоенъ и просилъ бы тебя рассказать мнѣ все...объ этой женщинѣ. Но такъ какъ ты лжець, то прежде всего я спрошу ее. — Синьорина Марія, вы были моей невестой и въ ближайшіе дни я думалъ назвать васъ своей женой, скажите же правду: вы дѣйствительно...любовница этого человѣка?

— Да, синьоръ.

— И...давно?

— Пять лѣтъ, синьоръ.

— А сколько вамъ лѣтъ сейчасъ?

— Девятнадцать, синьоръ.

— Значитъ, съ четырнадцати лѣтъ? — Продолжай, Магнусъ.

— О, Боже!

(Это воскликнулъ Топпи, старый чертъ.)

— Сядь, Марія. — Какъ видишь, Вандергудъ — спокойно и сухо началъ Магнусъ, словно демонстрируя не человѣка, а препаратъ — эта моя любовница явленіе не совсѣмъ обычное. При ея необыкновенномъ сходствѣ съ Мадонной, способномъ обмануть и не такихъ знатоковъ въ религіи, какъ мы съ тобою, при ея дѣйствительно неземной красотѣ, чистотѣ и прелести — она съ ногъ до головы продажная, развратная и совершенно безстыдная тварь. . .

— Магнусъ!

— Успокойся. Ты видишь, какъ она слушаетъ меня? Даже твой старый Топпи ежится и краснѣетъ, а у нея — все также ясенъ взоръ и всѣ черты полны ненарушимой гармоніи. . . ты замѣтилъ, какъ ясенъ взоръ Маріи? Онъ всегда ясенъ. Марія, ты слушаешь меня?

— Да, конечно.

— Хочешь апельсинъ или вина? Возьми тамъ на столѣ. Кстати, обрати вниманіе на ея походку: она всегда какъ будто идетъ по цвѣтамъ или шествуетъ на облакахъ, легкость и красота необыкновенная! Какъ старый ея любовникъ, могу прибавить еще подробность, которой ты не знаешь: она сама, ея тѣло, пахнетъ какими то удивительными цвѣтами. Теперь о ея душевныхъ свой-

ствахъ, какъ говорятъ психологи. Если о ней говорить обычнымъ языкомъ, то она глупа, какъ гусыня, глупа непроходимо. Но хитра. Но лжива. Очень жадна къ деньгамъ, но любить ихъ только въ золотѣ. Все, что она говорила тебѣ, она говорила съ моихъ словъ, болѣе сложныя фразы заучивая наизусть . . . я таки порядочно намучился съ нею. И всеже, я очень боялся, что ты, не смотря на любовь, увидишь ея слишкомъ явную глупость и потому всѣ послѣдніе рѣшительные дни скрывалъ ее отъ тебя.

Топпи простоналъ:

— О, Боже! Мадонна!

— Васъ это удивляетъ, м-ръ Топпи? — спросилъ Магнусъ повернувъ голову. — И не одного васъ, добавлю. Помнишь, Вандергудъ я говорилъ тебѣ о роковомъ сходствѣ Маріи, которое привело одного юношу къ смерти. Тогда я солгалъ тебѣ только на половину: юноша дѣйствительно покончилъ съ собою, когда увидѣлъ сущность моей Маріи. Онъ былъ чистъ душою, любилъ, какъ и ты, и не могъ вынести. . . какъ это говорится? — крушенія своего идеала.

Магнусъ засмѣялся:

— Ты помнишь Джіованни, Марія?

— Немного.

— Ты слышишь, Вандергудъ? — смѣясь, спросилъ Магнусъ. Точно такъ же и такимъ

же голосомъ она сказала бы обо мнѣ черезъ недѣлю, еслибы ты сегодня убилъ меня. Скушай еще апельсинъ, Марія. . . Но если говорить о Маріи не совсѣмъ обычнымъ языкомъ, то она даже и не глупа. Просто у нея нѣтъ того, что зовется душою, совсѣмъ нѣтъ. Я много разъ пытался заглянуть въ глубину ея сердца, ея мыслей и каждый разъ кончалось у меня головокруженіемъ, какъ на краю пропасти: тамъ нѣтъ ничего. Пустота. Ты, вѣроятно, замѣчалъ, Вандергудъ или вы, м-ръ Топпи, что ледъ не такъ холоденъ, какъ лобъ мертваго человѣка? И какую извѣстную вамъ пустоту, невольные мои друзья, вы не вообразите себѣ, она не можетъ сравниться съ тѣмъ почти абсолютнымъ *vacuum*, что составляетъ ядро моей прекрасной, свѣтоносной звѣзды. Звѣзда морей — кажется такъ ты однажды назвалъ ее, Вандергудъ?

Магнусъ снова засмѣялся и выпилъ стаканъ вина, онъ много пилъ въ тотъ вечеръ.

— Хотите вина, м-ръ Топпи? Нѣтъ? ну, какъ хотите. Я выпью. — Такъ вотъ почему, Вандергудъ, я не хотѣлъ, чтобы ты цѣловалъ руку у этой твари. Не потупляй глазъ, дружище. Вообрази, что ты въ музеѣ и смотри на нее смѣло и прямо. Вы что-то хотите возразить, м-ръ Топпи?

— Да, синьоръ Магнусъ. Извините меня, мистеръ Вандергудъ, но я просилъ бы позво-

ленія удалиться. Какъ джентельмень, хотя и . . . маленькій, я не могу присутствовать при . . . при . . .

Магнусъ насмѣшливо прищурилъ глаза:

— При такой сценѣ?

— Да, при такой сценѣ, когда одинъ джентельмень, съ молчаливаго согласія другого джентельмена, такъ оскорбляетъ женщину — вспльчиво воскликнулъ Топпи и всталъ.

Все также иронически Магнусъ обратился ко мнѣ:

— А ты что скажешь, Вандергудъ? Отпустить этого слишкомъ маленькаго джентельмена?

— Остайся, Топпи.

Топпи покорно сѣлъ. Съ того момента, какъ началъ говорить Магнусъ, я какъ будто впервые перевелъ дыханіе и взглянулъ на Марію. Что тебѣ сказать? Это была М а р і я. И тутъ я понялъ немного, что именно происходитъ въ головѣ, когда люди начинаютъ сходить съ ума.

— Можно продолжать? — спросилъ Магнусъ.

— Впрочемъ, мнѣ осталось немного. Да, я взялъ ее, когда ей было четырнадцать или пятнадцать лѣтъ, она сама не знаетъ точно своихъ годовъ, но я былъ уже не первый ея любовникъ и . . . не десятый. Никогда я не могъ узнать точно и полно ея прошлаго. Либо она хитро лжетъ, либо дѣйствительно лишена

памяти, но никакіе самыя тонкіе разспросы, на которые попался бы даже опытный преступникъ, ни подкупы и подарки, ни даже угрозы — а она очень труслива! — не могли принудить ее къ разсказу. Она «не помнить», вотъ и все. Но ея глубочайшая развращенность, способная смутить даже султана, ея необыкновенная опытность и смѣлость въ арсь аманди подтверждаютъ мою догадку, что она получила воспитаніе въ лупанаріи... или при дворѣ какого нибудь Нерона. Я не знаю ея возраста и на моихъ глазахъ она не мѣняется — отчего не допустить, что ей не 20, а двѣ тысячи лѣтъ? Марія... ты все умѣешь и все можешь?

Я не смотрѣлъ на эту женщину. Но въ ея отвѣтъ прозвучало легкое неудовольствіе:

— Не говори глупостей. Что можетъ подумать обо мнѣ м-ръ Вандергудъ?

Магнусъ громко разсмѣялся и стукнулъ стаканомъ:

— Слышишь, Вандергудъ: она дорожить твоимъ мнѣніемъ! А если я прикажу ей немедленно въ нашемъ присутствіи раздѣться...

— Боже мой, Боже мой — простоналъ Топпи и закрылъ лицо руками. Я быстро взглянулъ въ глаза Магнусу — и надолго застылъ въ страшномъ очарованіи этого взгляда. Его лицо еще смѣялось, эту блѣдную маску еще корчило подобіе веселаго смѣха, но глаза были

неподвижны и тусклы. Обращенные на меня, они смотрѣли куда-то дальше и были ужасны своимъ выраженіемъ темнаго и пустаго бѣшенства: такъ гнѣваться и такъ грозить могъ бы только черепъ своими пустыми орбитами.

И опять потемнѣло у меня въ головѣ и, когда я опомнился, Магнусъ уже сидѣлъ, отвернувшись, и спокойно пилъ вино. Не поворачиваясь, онъ приподнялъ стаканъ на свѣтъ, понюхалъ вино, отхлебнулъ немного и сказалъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, какъ и раньше:

— Такъ вотъ, Вандергудъ, дружище. Теперь ты знаешь почти все о Маріи или Мадоннѣ, какъ ты ее называлъ и я тебя спрашиваю: ты хочешь ее взять или нѣтъ? Я отдаю ее. Возьми. Если ты скажешь да, она сегодня же будетъ въ твоей спальнѣ и . . .клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, ты проведешь очень не дурную ночь. Ну — что?

— Вчера ты, а сегодня я?

— Вчера я, а сегодня ты —онъ нехотя улыбнулся: ты совсѣмъ плохой мужчина, Вандергудъ, что спрашиваешь о такихъ пустякахъ. Или ты еще не привыкъ, чтобы твою постель нагрѣвалъ другой? Возьми, она славная дѣвочка. Она все умѣетъ.

— Ты кого мучаешь, Магнусъ: меня — или себя?

Магнусъ иронически взглянулъ на меня:

— Какой умный мальчик! Конечно себя! Вы очень умный американец, м-ръ Вандергудъ, и я искренне удивляюсь, что вы сдѣлали такую плохую карьеру. Идите спать, милыя дѣти, спокойной ночи. Что ты такъ смотришь, Вандергудъ: находишь, что часъ еще слишкомъ ранній? Тогда возьми ее и прогуляйся по саду. Когда ты увидишь Марію при лунномъ свѣтѣ, три тысячи Магнусовъ не въ силахъ будутъ доказать, что это небесно-чистое существо такая же тварь, какъ...

Я вспылить:

— Вы — отвратительный мошенникъ и лжецъ, Фома Магнусъ! Если она получила воспитаніе въ лупанаріи, то ваше высшее образованіе, почтеннѣйшій синьоръ, закончилось видимо въ каторжной тюрьмѣ. Откуда вы принесли тотъ ароматъ, которымъ такъ густо пропитаны всѣ ваши истинно джентельменскія шутки и остроты. Меня начинаетъ тошнить отъ вида вашей блѣдной рожи. Сдѣлавъ женщину приманкой, какъ самый обыкновенный труппобный герой...

Магнусъ ударилъ кулакомъ по столу, его глаза налились кровью и горѣли.

— Молчать! Ты — невообразимый осель, Вандергудъ! Развѣ ты не понимаешь, что я самъ былъ обманутъ ею — обманутъ, какъ и ты? Кто не обманется, встрѣтивъ М а д о н-

н у? О, дьяволъ! И чего стоють страданія твоей ничтожной, полосатой, американской душонки рядомъ съ муками моею души? О, дьяволъ! Остроты, шутки, джентельмены и леи, ослы и тигры, боги и черти! Развѣ ты не видишь: это не женщина, это — орель, который ежедневно клюетъ мою печень! Мои муки начинаются съ утра. Каждое утро, забывъ вчерашнее я вижу передъ собою Мадонну и вѣрю! Я думаю: что было со мною вчера? Вѣроятно, я ошибся, чего-то не доглядѣлъ. Не- можетъ быть, чтобы этотъ ясный взоръ, эта божественная поступь, этотъ пречистый ликъ Мадонны принадлежалъ проституткѣ. Это въ твоей душѣ грязь, Фома, а она чиста, какъ облатка. И бывало такъ, что я на колѣняхъ вымаливалъ прощенія у этой твари! Представляешь это: на колѣняхъ! И вотъ когда я былъ истиннымъ и жалкимъ мошенникомъ, Вандергудъ. Я жалко выдумывалъ ее, я подсовывалъ ей мои мысли и чувства и радовался какъ идиотъ, чуть не плакалъ отъ счастья, когда она, шатаясь въ словахъ, что-то повторяла. Какъ жрецъ, я самъ раскрашивалъ моего идола, а потомъ падалъ ницъ въ упоеніи! Но правда была сильнѣе. Минута за минутой, часъ за часомъ сползала съ нея ложь, и бывало такъ, что къ ночи я билъ ее. Плакалъ и билъ, билъ жестоко, какъ сутенеръ бьетъ свою лю-

бовницу. А потомъ ночь съ ея вавилонскимъ развратомъ, мертвый сонъ — и забвеніе. И опять утро. И опять Мадонна. И опять... О, дьяволъ! Какъ печень у Прометея, за ночь выростала моя вѣра, и какъ коршунъ, цѣлый день она терзала ее. Вѣдь я тоже живой человѣкъ, Вандергудъ!

Поеживаясь, какъ отъ холода, Магнусъ быстро заходилъ по комнатѣ, заглянулъ въ потухшій каминъ и подошелъ къ Маріи. Марія вопросительно подняла на него свой ясный взоръ и, съ осторожной нѣжностью, какъ ласкаютъ попугая или кошку, Магнусъ погладилъ ее по головѣ, бормоча:

— Какая головка! Какая милая головка... Вандергудъ, пойди погладь ее!

Я подтянулъ надорванный рукавъ и иронически спросилъ:

— И этого коршуна теперь ты хочешь отдать мнѣ? У тебя уже не хватаетъ корму? Кромѣ моихъ миллиардовъ, тебѣ нужна и моя печень!

Но Магнусъ уже успокоился. Поборовъ волненіе и замѣтно овладѣвавшій имъ хмель, онъ неторопливо вернулся на свое мѣсто и вѣжливо приказалъ:

— Сейчасъ я отвѣчу на вашъ вопросъ, м-ръ Вандергудъ. Пожалуйста, пойди къ себѣ, Марія. Мнѣ еще необходимо поговорить съ м-ромъ Вандергудомъ. И васъ, почтеннѣй-

шій м-ръ Топпи, я также попросилъ бы на время удалиться. Вы можете побыть въ залѣ съ моими друзьями.

— Если м-ръ Вандергудъ прикажетъ... сухо сказалъ Топпи не вставая.

Я утвердительно кивнулъ головою и мой секретарь послушно вышелъ, не глядя на Магнуса. Удалилась и Марія. Если говорить всю правду, то въ первую минуту нашего тет-а-тетъ съ Магнусомъ, мнѣ снова захотѣлось заплакать — припасть къ его жилету и заплакать: вѣдь все же этотъ грабитель былъ моимъ другомъ! Но я только глотнулъ слезы, сдѣлалъ: амъ! и удовлетворился. Потомъ мигъ короткаго отчаянія, что Марія ушла. И медленно, словно издавна словно отъ какихъ то давнихъ воспоминаній, начало подползать къ моему сердцу слѣпое и дикое бѣшенство, потребность бить и разрушать. Скажу еще, что меня очень раздражалъ надорванный, непрерывно сползавшій рукавъ: мнѣ надо было быть суровымъ и грознымъ, а онъ дѣлалъ меня смѣшнымъ... ахъ, отъ какихъ пустяковъ зависитъ на этой землѣ исходъ важнѣйшихъ событій! Я закурилъ сигару и съ умышленной грубостью бросилъ въ спокойное и ненавистное лицо Магнуса:

— Ну, ты! Довольно комедій и шарлатанства. Говори, что надо. Такъ ты хочешь отдать мнѣ своего коршуна?

Магнусъ спокойно отвѣтилъ, хотя глаза его гнѣвно сверкнули:

— Да. Это и есть то испытаніе, которое я хотѣлъ предложить вамъ, Вандергудъ. Боюсь, что я нѣсколько поддался чувству безполезной и бесплодной мести и въ присутствіи Маріи говорилъ горячѣе, нежели слѣдуетъ. Дѣло въ томъ, что все это, о чемъ я такъ живописно повѣствовалъ, страсть и отчаяніе и всѣ муки. . . Прометей, остались въ прошломъ. Теперь я смотрю на Марію безъ боли и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ на красиваго и полезнаго звѣрька. . . полезнаго въ душевномъ хозяйствѣ, вы понимаете? Что такое прометеева печень? Все это вздоръ! Въ сущности, я долженъ быть только благодаренъ Маріи. Своими зубками она выгрызла всю мою бессмысленную вѣру и дала мнѣ тотъ ясный, твердый и непогрѣшимый взглядъ на жизнь, при которомъ невозможны никакіе обманы и . . . сантиментальности. Вы должны это понять и испытать, Вандергудъ, если хотите идти вмѣстѣ съ Магнусомъ Эрго.

Я молчалъ, лѣниво посасывая сигару. Магнусъ потупилъ глаза и продолжалъ еще спокойнѣе и суше:

— Пустынники, чтобы приучить себя къ смерти, спали въ гробу: пусть для васъ Марія будетъ этимъ гробомъ и, когда вамъ захочется сходить въ церковь, поцѣловать жен-

щину или протянуть руку другу, взгляните на Марию и вспомните ея отца, Фому Магнуса. Возьмите ее, Вандергудъ, и вы скоро убѣдитесь въ пользѣ моего дара. Мнѣ она больше не нужна. И когда ваша оскорбленная душа загорится пламенемъ истинно-человѣческой неугасимой ненависти, а не дряблага презрѣнія, приходите ко мнѣ, я прииму васъ въ ряды моего воинства, которое уже вскорѣ. . . Вы еще колеблетесь? Ну — тогда идите ловить другіе обманы, но только бойтесь Мадоннъ и мошенниковъ, господинъ изъ Иллинойса!

Онъ громко разсмѣялся и залпомъ выпилъ стаканъ вина. Напускное спокойствіе покинуло его. Въ его покраснѣвшихъ глазахъ снова запрыгали огоньки хмеля, то веселые и смѣшливые, какъ огоньки карнавала, то мрачно-торжественные и дымные, какъ погребальныя факелы у ночной могилы. Мошенникъ былъ пьянъ, но держался крѣпко и только сильнѣе шумѣлъ вѣтвями, какъ дубъ подъ южнымъ вѣтромъ. Вставъ передо мною, онъ цинично выпрямилъ грудь, словно весь выставляясь наружу, и точно плюнулъ въ меня словами:

— Ну! Ты еще долго будешь думать, осель? Скорѣе, или я тебя выгоню. Скорѣе! Ты мнѣ надоѣлъ, наконецъ, зачѣмъ я трачу на тебя слова? О чемъ ты думаешь?

Въ головѣ у меня зашумѣло. Съ яростью поддергивая сползающій проклятый рукавъ, я отвѣтилъ:

— Я думаю о томъ, какое ты злое, надменное, тупое и отвратительное животное! Я думаю о томъ, въ какихъ источникахъ жизни или нѣдрахъ самого ада я могъ бы найти для тебя достойное наказаніе! Да, я пришелъ на эту землю, чтобы поиграть и посмѣяться. Да, я самъ былъ готовъ на всякое зло, самъ лгалъ и притворялся, но ты, волосатый червякъ, забрался въ самое мое сердце и укусилъ меня. Ты воспользовался тѣмъ, что у меня человѣческое сердце и укусилъ меня, волосатый червякъ. Какъ ты смѣлъ обмануть Меня? Я накажу тебя.

— Ты? Меня?

Радъ сказать, что Магнусъ казался не только изумленнымъ, но и опѣшившимъ. Его глаза расширились и округлились, раскрытый ротъ наивно выставлялъ бѣлые зубы. Словно съ трудомъ дыша, онъ повторилъ:

— Ты? Меня?

— Да. Я — тебя.

— Полиція?

— Ты ея не боишься? Хорошо. Пусть всѣ твои суды ничего не стоятъ, пусть наземлѣ ты останешься безнаказаннымъ, безсовѣстная и злая тварь, пусть въ морѣ лжи, которая есть ваша жизнь, безслѣдно растворится и ис-

чезнетъ и твоя ложь, пусть на всей землѣ нѣтъ ноги, которая раздавила бы тебя, волосатый червь. Пусть! Здѣсь безсиленъ и я. Но наступитъ день и ты уйдешь съ этой земли. И когда ты прійдешь ко Мнѣ и вступишь подъ сѣнь Моей державы...

— Твоей державы? Постои Вандергудъ. Кто же ты?

И вотъ здѣсь произошло самое позорное событіе въ моей земной жизни. Скажи: это смѣшно и стыдно, когда Сатана, хотя и вочеловѣчившійся, молитвенно склоняетъ колѣни передъ проституткой и до нитки обкрадывается первымъ попавшимся проходимцемъ? Да, это смѣшно и стыдно для мудраго Сатаны, принесшаго съ собою дыханіе вѣчности. Но что сказать про Сатану, который превращается въ безсильнаго и жалкаго лжеца и съ трескомъ напяливаетъ на свою мудрую голову — картонную корону театральнаго царя? Мнѣ стыдно, человѣче. Дай мнѣ одну изъ твоихъ оплеухъ, человѣче, которыми ты кормишь твоихъ друзей и наемныхъ шутовъ. Или это оборванный рукавъ привелъ меня въ такую безразсудную и жалкую ярость? Или это и было послѣднимъ актомъ вочеловѣченія, когда духъ нисходитъ до земли и дыханіемъ своимъ мететъ пыль и навозъ? Или г и б е л ь Мадонны, при которой я присутствовалъ, повлекла въ ту же пропасть и Сатану?

Но вот что — ты подумай! — вот что я отвѣтилъ Магнусу. Выпрямивъ грудь въ разорванной сорочкѣ, незамѣтно поддерживая рукавъ, чтобы онъ совсѣмъ не свалился, сурово и грозно глядя прямо въ глупые и, какъ я вѣрилъ, испуганные глаза мошенника Магнуса, я торжественно отвѣтилъ:

— Я — Сатана.

Одно мгновение — Магнусъ молчалъ — и затѣмъ разсмѣялся всѣмъ смѣхомъ, какой только можетъ вмѣстить пьяная, отвратительная человѣческая утроба. Ты, конечно, ждешь этого, человѣче, но я не ждалъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, совсѣмъ не ждалъ! Я что-то крикнулъ, но наглый хохотъ этого животнаго заглушилъ мой голосъ. Наконецъ, улучивъ минуту въ раскатахъ его хохота, я быстро и скромно пояснилъ... какъ примѣчаніе внизу страницы, какъ комментарий издагеля:

— Понимаешь: я — вочеловѣчившійся Сатана. Вочеловѣчившійся!

Онъ выслушалъ меня, выпучивъ глаза — и съ новыми раскатами смѣха, шатаясь отъ его порывовъ, направился къ дверямъ, раскрылъ и крикнулъ:

— Сюда! Идите сюда! Тутъ Сатана! Вочело... вочеловѣчившійся!

И скрылся за дверями. О, еслибы я могъ провалиться, исчезнуть, улетѣть, какъ истин-

ный чертъ на крыльяхъ, въ эту бесконечно длившуюся минуту, пока онъ собиралъ свою публику для необыкновеннаго спектакля. И вотъ они появились всѣ, будь они прокляты: и Марія, и всѣ шестеро сотрудниковъ, и мой несчастный Топпи, и самъ Магнусъ, и въ заключеніе шествія — его преосвященство кардиналъ Х.! Проклятая бритая обезьяна шла очень чинно и даже поклонилась мнѣ, вслѣдъ за чѣмъ также чинно усѣлась въ кресло и расправила на колѣняхъ сутану. Всѣ недоумѣвали, еще не зная точно въ чемъ дѣло, и смотрѣли то на меня, то на Магнуса, старавшагося быть серьезнымъ.

— Въ чѣмъ дѣло, синьоръ Магнусъ? — благосклонно спросилъ кардиналъ.

— Позвольте доложить слѣдующее, ваше преосвященство. Мистеръ Генри Вандергудъ только что заявилъ мнѣ, что онъ — Сатана.

Да, вочеловѣчившійся Сатана. Такимъ образомъ, наше предположеніе, что онъ американецъ изъ Иллинойса, падаетъ. М-ръ Вандергудъ — Сатана и, повидимому, только недавно изволилъ прибыть изъ ада. Какъ же намъ быть, ваше преосвященство?

Молчаніе еще могло спасти меня. Но развѣ можно было что-нибудь сдѣлать съэтимъ разъярившимся Вандергудомъ, у котораго обида бурлила въ сердцѣ! Какъ лакей, присвоившій себѣ имя своего знатнаго господина, что-то

смутно знающій о его величїи, могуществѣ и связяхъ — Вандергудъ важно выступилъ впередъ и сказалъ съ ироническимъ поклономъ:

— Да, я — Сатана. Но долженъ добавить къ рѣчи синьора Магнуса — не только во-человѣчившійся, но и ограбленный Сатана. Вамъ не извѣстны, ваше преосвященство, тѣ два мошенника, что ограбили меня? Не вы ли одинъ изъ нихъ, ваше преосвященство?

Одинъ Магнусъ продолжалъ ухмыляться, всѣ остальные стали, какъ мнѣ казалось, серьезны и ждали отвѣта кардинала. И онъ послѣдовалъ: бритая обезьяна оказалась недурнымъ актеромъ. Сдѣлавъ преувеличенно испуганное лицо, кардиналъ поднялъ правую руку и произнесъ съ выраженіемъ крайняго добродушія, противорѣчившаго и жесту и словамъ:

— Ваде ретро, Сатанас!

Не стану рассказывать, какъ они смѣялись. Ты самъ можешь представить это. Даже Марія слегка открыла свои зубки. Почти теряя сознание отъ бѣшенства и безсилія, я обратился къ Топпи за сочувствіемъ и поддержкой, но Топпи закрылъ лице руками, ежился въ углу и молчалъ. Среди общаго смѣха, покрывая его, раздавался тяжелый и безгранично глумливый голосъ Магнуса:

— Смотрите на оципаннаго пѣтуха. Это
— Сатана!

И новый взрывъ смѣха. Его преосвященство неистово билъ крылышками, захлебывался, ныль, его обезьянья неприспособленная гортань едва пропускала каскады хохота. Я бѣшено дернулъ за свой проклятый рукавъ, оторвалъ его и, размахивая имъ, какъ флагомъ, на всѣхъ парусахъ пустился въ открытое море лжи. Я зналъ, что гдѣ-то впереди есть рифы, о которые я разобьюсь, но ураганъ безсилія и гнѣва несъ меня, какъ щепку.

Мнѣ стыдно приводить эту рѣчь, гдѣ каждое слово дрожало и выло отъ безсилія. Словно сельскій попъ, пугающій своихъ невѣжественныхъ прихожанъ, я грозилъ имъ адомъ и его дантевскими муками литературнаго свойства. О, я таки зналъ кое-что, что могло бы дѣйствительно напугать ихъ, но какъ я могъ выразить не обыкновенное, что невыразимо на ихъ языкѣ? И я болталъ о вѣчномъ огнѣ. О вѣчныхъ мукахъ. О неутолимой жаждѣ. О скрежетѣ зубовномъ. О бесплодіи жалобъ и слезъ. И о чемъ еще? Ахъ, даже о раскаленныхъ крючьяхъ болталъ я, все больше распляемый равнодушіемъ и безстыдствомъ этихъ плоскихъ лицъ, этихъ маленькихъ глазъ, этихъ ничтожныхъ душъ, мнившихъ себя безнаказанными. Но уютно, какъ въ крѣпости, сидѣли они за стѣнами своего ничтожества и

роковой слѣпоты, и распылялись всѣ мои слова объ ихъ непроницаемые лбы! И ты подумай, единственный, кто былъ дѣйствительно испуганъ, былъ мой Топпи и Топпи, который одинъ только могъ знать, что эти слова мои — ложь! Это было такъ невыносимо глупо и смѣшно, когда я встрѣтилъ его молящія, испуганные глаза, что я сразу, на самомъ высокомъ мѣстѣ, оборвалъ мою рѣчь. Еще разъ и два молчаливо взмахнулъ оторваннымъ рукавомъ, замѣнявшимъ знамя, и бросилъ его въ уголь. Мгновеніе мнѣ еще казалось, что нѣсколько испугана бритая обезьяна: синева ея щекъ рѣзче выдѣлилась на блѣдномъ квадратномъ лицѣ и угольки глазъ какъ-то подозрительно тлѣли подъ чернотой косматыхъ бровей, но вотъ она неспѣша подняла руку и тотъ же кощунственно шутливый возгласъ прервалъ общее молчаніе:

— Ваде ретро, Сатанас!

Или за этой шуткой кардиналъ хотѣлъ скрыть свой дѣйствительный испугъ? Не знаю. Ничего не знаю. Разъ я не могъ ни провалить ихъ, ни сжечь, какъ Содомъ и Гоморру, то стоитъ ли толковать о мурашкахъ и гусиной кожѣ? Отъ этого спасаетъ простой стаканъ вина.

И Магнусъ, какъ искусственный цѣлитель душъ, спокойно предложилъ:

— Не хотите ли стаканъ вина, ваше п-ство?

— Пріиму съ благодарностью — отвѣтилъ кардиналь.

— А Сатанѣ мы не дадимъ — пополнилъ Магнусъ, наливая вино и шутливо покосился на меня. Но теперь онъ могъ говорить и дѣлать, что угодно: Вандергудъ изсякъ и висѣлъ на ручкѣ кресла, какъ тряпка.

Когда вино было выпито, Магнусъ закурилъ папиросу (онъ курить папиросы) обвелъ взоромъ слушателей, какъ лекторъ передъ началомъ лекціи, привѣтливо кивнулъ совсѣмъ поблекшему Топпи и сказалъ слѣдующее... хотя онъ былъ явно пьянъ и глаза его налились кровью голосъ его былъ твердъ и рѣчь размѣренно спокойна:

— Долженъ сказать, м-ръ Вандергудъ, что я былъ очень внимательнымъ слушателемъ, и ваша пылкая и страстная тирада произвела на меня большое художественное, сказалъ бы я, впечатлѣніе. . . минутами вы напоминали мнѣ лучшія мѣста изъ проповѣдей брата Джеронима Савонароллы. Вы не находите, ваше п-ство, нѣкотораго сходства? Но увы! — вы нѣсколько отстали отъ времени. Тѣ угрозы адомъ и вѣчными муками, которыя могли повергнуть въ панику веселую и прекрасную Флоренцію, звучать крайне неубѣдительно въ воздухѣ современнаго Рима. Г р ѣ ш н и к о в ѣ давно нѣтъ на землѣ, м-ръ Вандергудъ, вы этого не замѣтили? — а для преступниковъ и, какъ

вы неоднократно выражались, мошенниковъ простой комиссаръ полиціи гораздо страшнѣе, нежели самъ Вельзевулъ со всѣмъ его штабомъ чертей. Нѣсколько странно, долженъ признаться, на ряду съ адскими муками и вѣчностью, прозвучало ваше обращеніе къ суду исторіи и потомства, но и здѣсь вы оказались не на высотѣ современной мысли: теперь всякій дуракъ знаетъ, что безпристрастная исторія съ одинаковой любезностью заноситъ на свои скрижали какъ имена праведниковъ, такъ и имена злодѣевъ. Все дѣло въ масштабѣ, м-ръ Вандергудъ, вамъ, какъ американцу, это должно быть особенно понятно. И тѣ невестественныя розги, которыми исторія наказываетъ большихъ преступниковъ, очень мало отличаются отъ ея лавровъ — на большомъ разстояніи и эта маленькая разница положительно теряется, увѣряю васъ, Вандергудъ, совершенно исчезаетъ! И поскольку двуногое желаетъ залѣзть въ исторію — а это желаніе есть у всѣхъ насъ, м-ръ Вандергудъ, оно можетъ совершенно не стѣсняться въ выборѣ двери: извиняюсь передъ его п-ствомъ, но ни одна потаскуха съ улицы не принимаетъ такъ охотно новаго гостя, какъ исторія новаго. . . героя. Боюсь, что ни съ адомъ, ни съ исторіей дѣло у васъ не вышло, Вандергудъ: лучше прямо посылайте за полиціей. Ахъ, но боюсь, что и съ полиціей у васъ ничего не

выйдетъ: я еще не успѣлъ сказать вамъ, что его п-ство вступилъ въ нѣкоторую долю въ тѣхъ милліардахъ, что вы совершенно законно уступили мнѣ, и его связи. . . вы понимаете?

Бѣдный Топпи: онъ только моргалъ глазами! Сотрудники весело разсмѣялись, но кардиналь сердито проворчалъ, сжигая меня своими угольками:

— Но онъ наглъ. Онъ говорить, что онъ — Сатана. Выставьте его вонъ, синьоръ Магнусъ. Это кощунство.!

— Развѣ? — вѣжливо улыбнулся Магнусъ: я и не зналъ, что Сатана также принадлежитъ къ лику. . .

— Сатана — падшій ангель — наставительно сказалъ кардиналь.

— И, какъ таковой, онъ также у васъ на службѣ? Я понимаю — вѣжливо кивнулъ Магнусъ и съ улыбкой обратился ко мнѣ: слышите, Вандергудъ? Его п-ство недоволенъ вашей дерзостью.

Я молчалъ. Магнусъ лукаво подмигнулъ мнѣ красными глазами и продолжалъ съ искусственной важностью:

— Я думаю, ваше п-сво, что здѣсь простое недоразумѣніе. Я знаю скромность и вмѣстѣ начитанность м-ра Вандергуда и полагаю, что къ имени Сатаны онъ прибѣгъ, какъ къ извѣстному художественному приему. Развѣ Сатана грозить полиціей? А мой несчастный

компаньонъ грозилъ ею. И развѣ вообще — кто-нибудь видаль такого Сатану?

Онъ эффектнымъ жестомъ протянулъ ко мнѣ руку — и новый смѣхъ былъ отвѣтомъ на эту шутку. Залился смѣхомъ и кардиналь, и только Топпи качнулъ своей премудрой головою, какъ бы говоря:

— Идіоты! . . .

Кажется, Магнусъ замѣтилъ это. Или хмель снова овладѣлъ имъ. Или то буйство, какимъ пылала его душа, не могло долго держаться ни въ какихъ плотинахъ, рвалось наружу. Но онъ угрожающе качнулъ своей тяжелой взрывчатой головою и крикнулъ:

— Довольно смѣяться! Это глупо. Откуда вы все знаете? Это глупо, говорю вамъ. Я ни во что не вѣрю и оттого я все допускаю. Пожми мнѣ руку, Вандергудъ: они всё глупцы, а я готовъ допустить, что ты — Сатана. Только ты попалъ въ скверную исторію, дружище Сатана. Потому что — я все равно тебя сейчасъ выгоню! Слышишь. . . чертъ.

Онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ и задумался, низко и тяжело опустивъ голову и сверкая красными глазами, какъ быкъ, готовый кинуться. Смущенно молчали сотрудники и обиженный кардиналь. Магнусъ еще разъ многозначительно погрозилъ мнѣ пальцемъ и сказалъ:

— Если ты Сатана, то ты и здѣсь — опоздалъ. Понимаешь? Ты зачѣмъ пришелъ сюда?

Играть, ты говорилъ? Искушать? Смѣяться надъ нами, людишками? Придумать какуюнибудь новую злую игру, гдѣ мы плясали бы подъ твою музыку? Ну — такъ ты опоздалъ. Надо было приходить раньше, а теперь земля выросла и больше не нуждается въ твоихъ талантахъ. Я не говорю о себѣ, который такъ легко обманулъ тебя и отнялъ деньги: я — Фома Эрго. Не говорю о Маріи. Но посмотри на этихъ скромныхъ и маленькихъ друзей моихъ и устыдись: гдѣ въ твоемъ аду ты найдешь такихъ очаровательныхъ, безстрашныхъ, на все готовыхъ чертей? А они даже въ исторію не попадутъ, такіе они маленькіе.

1919 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

«Дневникъ Сатаны» — послѣднее слово Леонида Андреева.

Возможно, что замыселъ автора былъ шире покинутой имъ рукописи; возможно, что и созданное подверглось бы переработкѣ: потребность въ этомъ кое-гдѣ ощущается.

Издательство сняло точную копию съ оставленныхъ страницъ, предоставивъ читателю возстановить въ своемъ воображеніи то, что унесъ съ собою въ могилу одинъ изъ интереснѣйшихъ провидцевъ міровой катастрофы.

(L)
PG3452
.B6

DATE ISSUED	DATE DUE	DATE ISSUED	DATE DUE

